

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

**№ 3 (13)
2013**

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –
ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

д.ю.н., профессор Гилянский Я.И. (СПб, РГПУ им. Герцена)
д.ю.н., профессор Готчина Л.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
к.философ.н., Позднякова М.Е. (Москва, Институт социологии РАН)
д.с.н., профессор Егорышев С.В. (Уфа, ВЭГУ)
д.с.н., профессор Невирко Д.Д. (Красноярск, СЮИ ФСКН России)
д.ю.н., профессор Нигматуллин Р.В. (Уфа, УЮИ МВД России)
д.п.н., профессор Подгурецки Юзеф (Республика Польша, Опольский университет)
д.с.н., профессор Коробов В.Б. (Москва, Академия управления МВД России)
д.ю.н., профессор Дубровин С.В. (Москва, Московский университет МВД России)
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР Малков В.П. (Казань, КЮИ МВД России)
д.техн.н., профессор Минниханов Р.Н. (Управление ГИБДД МВД по Республике Татарстан)
д.пед.н., профессор Габдулхаков В.Ф. (К(П)ФУ)
д.ю.н., профессор Безверхов А.Г. (Самара, СГУ)

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент Ф.К. Зиннуров, начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент С.Н. Миронов, заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

д.пед.н., к.ю.н., профессор Казанцев С.Я., начальник кафедры криминалистики
д.ю.н. Алиуллов Р.Р., начальник кафедры адм. права, адм. деятельности и управления ОВД
д.с.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ Комлев Ю.Ю., начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии
д.э.н., профессор Хадиуллина Г.Н., профессор кафедры экономической теории, правовой статистики, математики, информатики
д.пед.н., профессор Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
к.ю.н., доцент Гарафутдинов М.Р., начальник кафедры уголовного права
к.филос.н., доцент Фаткуллин Ф.Ф., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
к.и.н., доцент Кабиров Д.Э., начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела
к.пед.н., доцент Хрусталева О.Н., начальник редакторского отделения

Выходит с 2010 года ежеквартально.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-50418 от 29 июня 2012 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования.

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Корректоры Н.А. Климанова, О.Н. Хрусталева

©Казанский юридический институт МВД России. Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Подписано в печать 17. 09. 2013 г. Формат 60х84 1/8 Усл.печ.л.13,1 Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 200 экз. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Алиуллов Р.Р.

О механизме защиты прав и свобод человека и гражданина (проблемы теории и правового регулирования)..... 4

Гатауллин А.Г.

Место конституционных (уставных) судов в судебной системе Российской Федерации.. 9

Фазлиева Л.К.

Кругограниченных вещных прав в проекте Гражданского кодекса Российской Федерации... 13

Гвоздева Е.В.

Взыскание административных штрафов за правонарушения в области дорожного движения..... 17

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Ольков С.Г.

Субъективное время и доказывание по уголовным делам..... 22

Варыгин А.Н.

О некоторых проблемах возраста преступника..... 29

Грачев С.И., Баймашев Ю.М.

Проблемные аспекты при определении понятия «терроризм»..... 34

Шалагин А.Е.

Уголовная ответственность за сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей..... 39

Демидова-Петрова Е.В.

К вопросу о социальном сиротстве (по материалам Республики Татарстан)..... 44

Гусарова М.В.

Преступления в сфере незаконного оборота порнографической продукции: анализ уголовно-правовых норм с учетом последних изменений в Уголовном кодексе Российской Федерации..... 50

Исаев О.Ю.

Уголовно-правовая характеристика фальсификации единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ст. 170.1 УК РФ)..... 55

Уразаева Г.И., Плохова А.В.

Преступления, совершенные сотрудниками полиции: состояние, динамика, причины..... 63

Кузнецов А.В.

Некоторые вопросы квалификации преступлений коррупционной направленности с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ..... 70

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА

Хайдаров А.А.

Проблемы приобщения к материалам уголовного дела документов, представленных (судьей) суду в ходе судебного следствия 74

Карнович С.А.

Вопросы оперативного сопровождения предварительной проверки фактов незаконного оборота наркотиков..... 77

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Сироткин Ю.Л.

Распределение власти в современной семье (на примере Республики Татарстан)..... 82

Рядинская В.А.

Развитие налогообложения доходов физических лиц до XX века..... 87

Згадзай О.Э.

Вопросы подготовки специалистов в области информационной безопасности..... 93

Шамсеева Г.Х., Шамсеева Г.Г.

Особенности лексико-грамматического способа образования терминов права в английском и татарском языках..... 97

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ретнева Н.И., Козелецкий И.В.

Личный обыск как мера обеспечения административного процесса (Ак.Беларусь)..... 100

Пальченкова В.М.

Решение вопроса по созданию превентивных механизмов предупреждения пыток и бесчеловечного обращения в местах лишения свободы в Украине..... 107

Трибуна Молодым

Акбашев Р.Р.

Ограниченная юридическая ответственность как мера государственного принуждения и её отображение в отдельных правовых учениях..... 112

Фарвазова Ю.Р.

Историческая ретроспектива и составляющие элементы в определении социально-политического явления терроризм..... 119

Толстов П.В.

К вопросу о классификации экологически опасных отходов в российском законодательстве..... 125

Бойко А.Г.

Государственные стандарты в сфере электронного документооборота Украины..... 130

Ильянова О.И.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как объект криминологического исследования..... 134

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Газимзянов Р.Р., Мазизов Р.Р., Павлов О.Ф., Чанышева Г.Г.

Кабанов П.А., Райков Г.И., Свигузова А.П., Чирков Д.К. Электоральная преступность в условиях формирования в России демократического правового государства (политико-криминологический анализ явления, его причин и эффективности мер противодействия): монография. - М.: Граница, 2012. - 92 с. 137

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ..... 140

Р.Р. Алиулов,
доктор юридических наук
(КЮИ МВД России)

О МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА (ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ)

В данной статье рассматриваются теоретические, организационные и правовые проблемы создания эффективного механизма реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Затрагиваются правоприменительные, правоохранительные и нормотворческие аспекты деятельности МВД России в контексте обеспечения прав и свобод граждан.

Ключевые слова: обеспечение законности, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, гуманность, нормотворчество, правоприменительная и правоохранительная деятельность ОВД

This article discusses the theoretical, organizational and legal problems of an effective mechanism for the implementation and protection of the rights and freedoms of man and citizen in the activities of the internal affairs of the Russian Federation. Affected by the law enforcement, law enforcement and rule-making aspects of the Russian Ministry of Internal Affairs in the context of the rights and freedoms of citizens.

Keywords: rule of law, the rights and freedoms of man and citizen, humanity, law-making, law enforcement and law enforcement ATS

Конституции РФ гласит, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»[1]. Проблема обеспечения прав и свобод человека и гражданина – большая социально-прикладная и научно познавательная проблема, требующая постоянного внимания науки и практики, особенно в Российской Федерации, где они, по существу, никогда не были приоритетными. Трудности в реализации гуманистической идеи прав и свобод человека и гражданина в нашей стране обуславливаются множеством причин: исторически сложившимся негативным отношением к самой идее о приоритетности прав и свобод граждан, отрицанием человека как высшей ценности, изменениями, происходящими в социальной структуре общества, глубокими преобразованиями в политической, экономической и правовых системах,

недостаточностью уровня нравственного воспитания, низкой правовой образованностью населения и правовым нигилизмом значительной части его населения и т.д.

Вместе с тем выход на достойный уровень обеспечения прав и свобод гражданина и человека в Российской Федерации возможен лишь при условии, когда государство возложит на себя обязанность реализовать эти права и свободы, установив определенные нормы поведения людей и обеспечивая контроль за соответствием деятельности всех граждан, учреждений, организаций и должностных лиц предписаниям этих норм.

На сегодняшний день актуальным вопросом является, кому и какими средствами обеспечить защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. В современном правовом государстве необходим надежный механизм реализации закрепленных в Конституции неотчуждаемых жизненных благ, данных человеку от рождения,

естественных прав и свобод. Этот механизм условно может включать в себя как законодательные гарантии прав граждан, так и фактическое их осуществление при помощи соответствующих государственных органов, учреждений, организаций.

Важным звеном (элементом) в защите прав и свобод и их охране являются органы исполнительной ветви власти. Само назначение и место в аспекте государственной власти определяет их решающее значение в защите прав и свобод граждан. С одной стороны, они призваны исполнить требования законов, закрепляющих права и свободы человека и гражданина, с другой – они наделены соответствующими распорядительными полномочиями разрабатывать и принимать подзаконные акты нормативного характера, направленные на регулирование механизма защиты прав и свобод граждан.

Органы внутренних дел, выполняя правоохранительные функции, занимают особое место в механизме осуществления защиты прав и свобод. Это объясняется в первую очередь тем, что в современных условиях становления российской государственности происходит усиление социальной функции органов внутренних дел, которые не только защищают, но и обеспечивают права и свободы человека и гражданина. При этом обеспечение прав и свобод органами внутренних дел осуществляется как в правоприменительной, так и в нормотворческой деятельности, которая является неотъемлемой частью системы правового регулирования в государстве в целом.

Эффективность правового регулирования предполагает надежную работу всех элементов названного механизма, то есть как законов, так и подзаконных актов, в том числе и ведомственных. При этом необходимо отметить, что функционирование нормативных актов федеральных органов исполнительной власти как инструмента реализации предписаний законов и других нормативных актов и поручений высших органов государственной власти требует совершенствования нормотворческой деятельности МВД России в сфере обеспечения за-

щиты прав и свобод человека и гражданина.

Нормативно-правовым основанием для организации и деятельности органов внутренних дел служит отнесение Конституцией Российской Федерации к прерогативе Правительства проведения мер «по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью». Детальное регулирование полномочий соответствующих структур данных органов осуществляется отраслевым, текущим законодательством, а также ведомственными нормативными актами. Именно через оценку специфики их полномочий и реализации последних проявляется в целом роль органов внутренних дел как особого и значительного гаранта прав и свобод человека и гражданина и одновременно проявляются отличия в работе по обеспечению реализации и охране прав и свобод. Существенным является определение деятельности органов внутренних дел в плане форм гарантирующего воздействия на права и свободы личности. В различной степени здесь используются все основные формы: как юридические – нормотворческая и правоприменительная, так и организационная, с присущими воспитательными, техническими и прочими мерами. Нормотворческая деятельность заключается в свойственной ей выработке правовых норм, их усовершенствовании, изменении, дополнении, отмене, т.е. издании ведомственных нормативных актов, нацеленных на регулирование главным образом разных сторон функционирования органов внутренних дел, а иногда и иных соотносимо подведомственных аспектов. Результат ведомственного нормотворчества – правовые установления подзаконного характера, содержащиеся в приказах (вводимых ими инструкциях, наставлениях, положениях и т.п.), издаваемых Министром внутренних дел Российской Федерации и другими уполномоченными на то должностными лицами.

Нормотворческие акты МВД России в большинстве своем организуют работу конкретных служб и подразделений в области борьбы с преступлениями и другими

правонарушениями, в том числе посягающими непосредственно на права и свободы личности или создающими тому реальную угрозу. Существуют нормативные правовые акты МВД, регулирующие общие проблемы упрочения законности, соблюдения прав и свобод личности, следования профессиональной этике при отправлении должностных полномочий, наконец, регулирующие вопросы организации работы по обеспечению правомерного осуществления российскими гражданами и иными лицами отдельных субъективных прав или касающиеся близких по смыслу вопросов. К таковым, в частности, относятся обзор о состоянии служебной дисциплины и законности среди личного состава органов, организаций и подразделений системы МВД России в первом полугодии 2013г. №1/7787, приказ МВД России от 2 ноября 1993 года № 478 «О мерах по реализации отдельных положений Закона Российской Федерации «Об оружии» и Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», приказ МВД России от 23 октября 1995 года № 393 «Об утверждении Инструкции о применении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации», приказ МВД России и Федеральной миграционной службы России от 14 июля 1995 года № 272/116 «Об утверждении Временной инструкции о сопровождении иностранных граждан и лиц без гражданства, ищущих убежище на территории Российской Федерации, в места временного содержания при постах иммиграционного контроля и центры временного размещения иммигрантов» и другие.

Могут издаваться акты, направленные большей частью на профилактику нарушений прав личности. В качестве примера приведем совместный Приказ МВД России и Министерства юстиции России от 8 февраля 1995 г. № 19-01-31-95/65 «О введении бланка нотариальной доверенности на право пользования и распоряжения транспортными средствами». Цель – обе-

спечить законную реализацию права собственности граждан на автотранспорт, подвергаемого посягательствам путем подделки доверенности.

Вышеперечисленные нормативные правовые акты, разумеется, не исчерпывающие. При необходимости в пределах предоставленных ему полномочий в установленном порядке Министр внутренних дел вправе издавать и иные акты: обязательные для исполнения различными, включая граждан, субъектами; затрагивающие соответственно вопросы реализации и защиты прав и свобод личности. Согласно установленной законодательством компетенции Министерства он также утверждает стандарты, нормы и правила, в том числе касающиеся отдельных сторон жизнедеятельности граждан (переоборудование автотранспорта или пользование самодельным, открытие стрелковых тиров и т.д.).

В рассматриваемом ракурсе можно выделить вопрос об участии МВД в подготовке отдельных нормативных актов, принимаемых Государственной Думой, Президентом, Правительством Российской Федерации и т.д. Речь идет о правотворческих инициативах, разработке положений актов, относящихся к сферам борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, обеспечения безопасности дорожного движения и др. Своевременная и адекватная законодательная урегулированность такого рода отношений существенно влияет на упрочение гарантий прав и свобод личности как участника этих отношений.

Важнейшей юридической формой деятельности органов внутренних дел, в том числе по гарантированию прав и свобод человека и гражданина, служит применение норм права. Каждая самостоятельная структура указанных органов в определенном объеме обладает правоприменительной компетенцией. Применению норм права органами внутренних дел присущи общие признаки и черты, характеризующие правоприменительную деятельность любого государственного органа с ее разделением на регулятивную и охранительную.

Наряду с этим, применению правовых

норм органами внутренних дел свойственны некоторые отличительные качества, обусловленные особенностями объекта воздействия, содержания «милиейских» функций, методов их исполнения, что выражается в большей правоохранительной ориентации осуществляемого органами МВД правоприменения. Соответственно, и в системе гарантий прав и свобод личности правоприменение со стороны данных органов в значительной степени подчинено задачам правоохраны, т.е. пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, производству по делам об административных правонарушениях, посягающих на права и свободы личности, а следовательно, на различные блага, ими опосредованные (жизнь, здоровье, честь, достоинство, имущество и др.). Это в свою очередь обычно связано с необходимостью использования для защиты человека и закона в расширенном понимании разнообразных принудительных мер воздействия. Конкретными примерами могут служить наложение начальником органа внутренних дел штрафа на лицо, допустившее в общественном месте оскорбительное, унижающее честь и достоинство граждан поведение; административное задержание и предупреждение полицией лица, нарушающего установленный порядок при проведении митинга, шествия, массового культурного мероприятия гражданами, реализующими соответствующие политические и другие права и свободы.

Правоприменение регулятивного свойства используется органами внутренних дел для разрешения разнообразных управленческо-распорядительных вопросов, как внутриорганизационных, так и находящихся вовне структуры (подбор и расстановка кадров, планирование, распоряжение материальными средствами, поощрение, выдача юридическим лицам разрешения на приобретение и хранение предметов сферы разрешительной системы и пр.), а также при реализации некоторых прав и законных интересов личности. На последний аспект в юридической литературе нередко обращается внимание при рассмотрении отправления административных полномочий

органами внутренних дел, когда они вступают в административно-правовые отношения с гражданами для решения вопросов, не связанных непосредственно с правонарушениями. Это может быть деятельность в сфере паспортной, разрешительной систем, обеспечение безопасности дорожного движения, исполнение отдельных положений законодательства о гражданстве и пр. В подобных случаях акцент преимущественно делается на показе разнообразия направлений, форм, самих процедур административной деятельности как таковой, а не на ее оценке относительно прав и свобод личности. Между тем вынесение органами внутренних дел правоприменительных актов, исходя из действующего законодательства, требуется при реализации целого ряда конституционных и отраслевых прав граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства (право на выбор места жительства, право на получение или признание российского гражданства, право личной собственности на автотранспорт и др.). Назначение и функции регулятивных правоприменительных актов в механизме реализации субъективных прав имеют не охранительный, а собственно обеспечивающий их характер. Такие акты выступают необходимыми юридическими фактами, элементами юридических (фактических) составов, с наличием которых закон связывает превращение прав в жизнь.

Говорить об организационной деятельности органов внутренних дел в отрыве от принятия ими широкого спектра юридических актов в рамках внутриведомственной и основной профессиональной работы нельзя. Все так или иначе взаимосвязано, будь то, скажем, нормотворческий или же правоприменительный процесс, которые требуют известной организационно-технической подготовки и аналогичного по характеру «сопровождения» до конечного результата. Да и сама организационная деятельность, хотя и не облечена в правовые формы, осуществляется при строгом соблюдении относящихся к ней требований законодательства, выступает как использо-

вание органами своих прав и исполнение возложенных обязанностей. Между тем организационные мероприятия на фоне правовых в определенном смысле отличительны в своем проявлении. Некоторые из них предстают как текущие, непрерывные и разумеющиеся в целях обеспечения нормального функционирования всей системы органов внутренних дел (материальное и финансовое снабжение, подготовка технических средств, экипировка личного состава и т.д.). Другие имеют более выраженную конкретику применительно к ситуации, объекту воздействия и т.д. Например, подготовка и расстановка сил и средств для проведения определенной правоохранительной опера-

ции, рейда по безопасности дорожного движения, комплексной проверки паспортного режима в криминогенных местностях и др.

В отношении прав и свобод личности организационная деятельность как их гарантия многопланово проявляется в повседневной охране правопорядка в общественных местах: создаются безопасные условия их реализации и применяются первые необходимые меры в случае их нарушений. Примерами сугубо правоохранительной направленности данной деятельности могут служить операции по освобождению заложников, по задержанию преступников, по спасению людей и имущества при пожаре, розыск похищенного имущества и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Ст.2 Конституции РФ. М., 1993.
2. См.: Арзамасов Ю.Г. Обеспечение прав человека и гражданина в нормотворческой деятельности ОВД: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1998.
3. См.: п. «е» ч.1 ст.114 Конституции РФ. М., 1993.
4. Черников В.В. Нормативные акты органов внутренних дел в системе правовых актов управления. М., 1996.
5. Об этом см., например: Лазарев В.В., Левченко И.П. Правоприменительная деятельность органов внутренних дел. М., 1989; Гранат Н.Л., Колесникова О.М., Тимофеев М.С. Толкование норм права в правоприменительной деятельности органов внутренних дел. М., 1991.

А.Г. Гатауллин,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан (ИСГЗ)

МЕСТО КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье отмечается специфика конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как органов государственной власти субъектов Российской Федерации, являющихся составной частью единой судебной системы российского государства.

Ключевые слова: судебная система РФ, конституционные (уставные) суды, конституционное правосудие, орган государственной власти, компетенция судебного органа.

The article points out the specifics of the constitutional (charter) courts of subjects of the Russian Federation as the bodies of state power of subjects of the Russian Federation as well as an integral part of a unified judicial system of the Russian state.

Keywords: judicial system of the Russian Federation, the constitutional (charter) courts, constitutional justice, body of state power, the competence of the judiciary

Судебная власть выступает в качестве одной из важнейших сторон воплощения народовластия, обязательным атрибутом правового государства, основным элементом защиты прав и свобод человека и гражданина.

Закрепляемое в Российской Федерации право на судебную защиту реализуется через различные виды судопроизводства: уголовное, гражданское, административное, арбитражное и, безусловно, через конституционное. Это в полной мере соответствует Всеобщей Декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией и законом» (статья 8). Представляется, что под защитой государства находятся не только основные (конституционные), но и остальные права и свободы (т.е. которые установлены законами, подзаконными актами и т.д.). Таким образом, в зависимости от характера нарушенного права его защита может осуществляться в порядке того или иного вида судопроизводства.

Конституцией Российской Федерации провозглашается единство судебной системы. Однако это не означает, что подобное единство может быть обеспечено только ее построением без организационного деления

на суды, осуществляющие конституционное, гражданское, уголовное, административное, арбитражное судопроизводство. Из единства судебной власти не следует и наличие единого высшего судебного органа. Представляется, что единство должно быть обеспечено четким разграничением компетенции между существующими судами.

В настоящее время в Российской Федерации сложилась двухуровневая судебная система (федеральные суды и суды субъектов федерации), в рамках которой функционируют суды общей юрисдикции, арбитражные суды, Конституционный Суд РФ и аналогичные суды в 18 субъектах федерации, которые связаны между собой функционально как институты, обеспечивающие конституционную законность в РФ.

Взаимоотношения конституционных (уставных) судов друг с другом основываются на принципах федерализма и носят децентрализованный характер. Осуществляя деятельность автономно друг от друга, не будучи связанными процессуальными взаимоотношениями, эти органы руководствуются принципом единства осуществления судебной власти. В основе их единства лежит однородная правовая природа, связанность общим конституционным пространством, едиными конституционными ценностями. Однако подобные,

обусловленные конституционным статусом правовые связи между органами судебного конституционного контроля приводят отдельных ученых и практиков к мнению о возможности закрепления иерархических взаимоотношений между ними, игнорируя тот факт, что укрепление вертикали органов, осуществляющих судебный конституционный контроль, необратимо повлечет чрезмерную централизацию, унитаризм и, как следствие, – централизацию судебной власти в целом и централизацию правовых систем субъектов Российской Федерации и федеральной правовой системы.

В связи с этим нельзя рассматривать конституционные (уставные) суды только как организационный элемент государственной власти конкретного субъекта. Невозможно и противопоставлять федеральный и региональный конституционный контроль, провозглашая полную автономию и независимость конституционных (уставных) судов субъектов федерации по отношению к федеральному Конституционному Суду.

Предусмотрев Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» возможность создания конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, федеральный законодатель впервые предпринял попытку размежевать государственную власть по вертикали не только внутри законодательной и исполнительной ветвей, но и судебной ветви власти. Следовательно, формирование и осуществление судебного конституционного контроля в Российской Федерации непосредственно связано с ее федеративным характером. Федеральная Конституция полагает существование единой федеральной судебной системы Российской Федерации, в которую входят суды, действующие в ее субъектах, и исключает в качестве самостоятельных судебные системы субъектов федерации.

Таким образом, конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации признаны судебными органами конституционного (уставного) контроля, осуществляющими свои функции в качестве судов субъектов Российской Федерации как составной

части единой судебной системы РФ.

Учитывая положения Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», касающиеся самостоятельности органов судебного конституционного (уставного) контроля субъектов РФ, следует признать лишь организационную обособленность соответствующих органов, что не исключает возможность формирования в дальнейшем единой системы органов конституционного контроля, тем более, что мировой опыт свидетельствует о возможности развития в органическом единстве регионального и федерального судебного конституционного контроля.

Субъекты Российской Федерации, принимая законы о специализированных органах конституционного (уставного) контроля, учитывая, что Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» не требует установления конституциями (уставами) субъектов федерации единообразного перечня полномочий конституционных (уставных) судов, по разному определяют полномочия своих судебных органов. В соответствии с Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2003 года субъекты федерации могут наделять конституционные (уставные) суды дополнительными, по сравнению с установленным Федеральным конституционным законом перечнем, полномочиями, лишь бы это не влекло вторжения в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, других федеральных судов и соответствовало компетенции субъекта Федерации.

Как справедливо отмечает Ж.И. Овсепян, действующее законодательство не разрешает проблему взаимоотношений конституционного (уставного) и общего правосудия. Более того, в ряде случаев оно наделяет суды разных систем «конкурирующей» компетенцией. В связи с этим следует более четко определить подведомственность дел судами различных систем, особенно в части осуществления нормоконтроля. Конкуренция конституционных (уставных) судов и судов общей юрисдикции стала выглядеть не только как соотношение специализиро-

ванных и неспециализированных судов, но и как конкуренция федеральных судов и судов субъектов Российской Федерации [1].

В юридической науке под системой понимается построение на принципах централизации, иерархии и подчиненности. Однако в сфере конституционного судебного контроля отсутствие таковых не означает, что нельзя вести речь о системе конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. В.В. Гошуляк отмечает, что не следует забывать, что эти суды существуют в едином правовом поле, являются судами в области права и имеют свои совершенно определенные черты, отличающие их от судов общей юрисдикции и арбитражных судов. При этом следует отметить, что система конституционных (уставных) судов совместно с системами судов общей юрисдикции и арбитражных судов входит в единую систему судов Российской Федерации. Автор считает, что систему судов Российской Федерации можно рассматривать как систему систем, где системы отдельных видов судов Российской Федерации являются подсистемами единой судебной системы России [2].

Стоит согласиться с точкой зрения И.А. Умновой, что, в отличие от судебной системы, охватывающей суды общей юрисдикции и арбитражные суды, построенной на принципе централизма, система конституционных (уставных) судов организована при отказе от этого принципа [3].

Систему конституционных (уставных) судов в Российской Федерации можно характеризовать следующим образом.

Конституционные (уставные) суды субъектов федерации, независимо от разделения их компетенции, функционируют в рамках единого правового пространства, имеют единые цели и задачи, смысл которых состоит в утверждении идей правового государства, действуют в рамках единой формы конституционного судопроизводства, строятся на общих принципах организации и деятельности.

Единство системы органов судебного конституционного контроля субъектов федерации строится на принципах разделе-

ния компетенции Конституционного Суда Российской Федерации и компетенции конституционных (уставных) судов субъектов федерации. При этом федеральный Конституционный Суд не вправе вторгаться в компетенцию региональных конституционных (уставных) судов, а последние не вправе рассматривать дела, находящиеся в юрисдикции Конституционного Суда Российской Федерации. Иными словами, единство системы конституционных судов Российской Федерации всех уровней строится на единстве правовой системы России с учетом разграничения подсудности органов судебного конституционного контроля при условии разделения их полномочий.

Несмотря на то, что Конституционный Суд Российской Федерации не является по отношению к конституционным (уставным) судам субъектов федерации вышестоящей судебной инстанцией и они не связаны вертикалью подчиненности, последние в своей деятельности учитывают правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. В случае если решение конституционного (уставного) суда федерации было основано на норме конституции (устава), нормативного правового акта субъекта федерации, признанных в дальнейшем Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, оно утрачивает юридическую силу. Следовательно, иерархические связи Конституционного Суда Российской Федерации с конституционными (уставными) судами субъектов федерации являются не непосредственными, а опосредованными.

Единство системы конституционных (уставных) судов в Российской Федерации строится и на том, что региональные конституционные (уставные) суды имеют право направлять в федеральный Конституционный Суд запросы о конституционности закона или иного нормативного правового акта, подлежащего применению или уже примененного в конкретном деле. Конституционные (уставные) суды субъектов федерации обязаны обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации

с запросом о проверке конституционности норм конституций и уставов субъектов федерации, поскольку это полномочие отнесено Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» к юрисдикции Конституционного Суда Российской Федерации. Оценка конституционности учредительных актов субъектов федерации возможно только с позиций Конституции Российской Федерации. Правовая охрана основных законов субъектов федерации их органами конституционного контроля возможно только при условии их соответствия Конституции РФ.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации и конституционные (уставные) суды субъектов федерации представляют один вид судопроизводства, но – различные подсистемы в рамках судебной системы и системы органов государственной власти. Конституционные (уставные) суды субъектов федерации имеют двойственную природу: во-первых, они являются судами субъекта федерации в единой судебной системе Российской Федерации, элементы которой устанавливаются федеральным конституционным законом; во-вторых, входят в систему органов государственной власти субъекта Российской Федерации, которая устанавливается субъектами федерации самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя и общими принципами, установленными федеральным законом.

Этой двойственной природой конституционных (уставных) судов обусловлено, что:

а) Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» предусмотрена лишь возможность, но

не обязательность создания конституционных (уставных) судов субъектов федерации;

б) в рамках федерального регулирования субъекты Российской Федерации самостоятельно определяют порядок организации и деятельности своих конституционных (уставных) судов; финансирование этих судов производится за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации;

в) перечень вопросов, для решения которых могут создаваться конституционные (уставные) суды субъектов федерации, сформулирован в части первой статьи 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» неисчерпывающим образом. Допустимо предоставление конституционным (уставным) судам иных полномочий, если они соответствуют юридической природе данных судов и касаются вопросов, относящихся к ведению субъектов РФ в силу статьи 73 Конституции Российской Федерации [4].

Сегодня в Российской Федерации продолжается активное реформирование государственной власти, в том числе и судебной. Сильная, самостоятельная и независимая судебная власть, в том числе и на уровне регионов, является необходимым условием для эффективной деятельности законодательной и исполнительной ветвей государственной власти, всего государственного механизма. Разрешая правовую коллизию, правовой спор между ветвями государственной власти в особом процессуальном порядке, суд уравнивает интересы личности, общества и государства, выступает важнейшим стабилизирующим фактором в общественных отношениях

ЛИТЕРАТУРА

1. Овсепян Ж.И. Становление конституционных и уставных судов в субъектах Российской Федерации (1990-2000). М.: ИКЦ МарТ, 2001. С.25.
2. Гошуляк В.В. Необходимость судебного конституционного контроля в субъектах Российской Федерации// Дайджест. Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации. 2005. № 4.
3. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 1998. С.121.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2003 года по запросам Государственного Собрания Республики Башкортостан и Государственного Совета Республики Татарстан о проверке конституционности части первой статьи 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации».

Л.К. Фазлиева,
кандидат химических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

КРУГ ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ В ПРОЕКТЕ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В проекте Гражданского кодекса Российской Федерации значительно расширен круг ограниченных вещных прав. Основная цель предлагаемых изменений - предоставление участникам гражданского оборота, прежде всего гражданам, широких возможностей по выбору вещного права, на котором приобретается имущество или которым собственник обременяет свое имущество, с учетом потребностей данных лиц.

Ключевые слова: ограниченные вещные права, право постоянного землевладения, право застройки, сервитут, право личного пользования, ипотека, право приобретения чужой недвижимости, право вещной выдачи, право оперативного управления, право ограниченного владения земельным участком.

In the draft of the Civil Code of the Russian Federation greatly extended the range of limited property rights. The main objective of the proposed changes - allowing participants of civil turnover, especially citizens, opportunities for choice of property law, which acquired the property to which the owner or encumber its property, taking into account the needs of these individuals.

Keywords: limited property rights, the right of permanent land ownership, the right to land, easement, right of usufruct of personal, mortgage, right to buy foreign immovable, a material issue of law, the right of operational management, the right of limited land ownership.

К вещным правам отнесены право собственности и ограниченные вещные права. Перечень ограниченных вещных прав в российском гражданском праве прямо предусмотрен законом и в этом смысле продолжает быть исчерпывающим. Никаких иных вещных прав, кроме прямо установленных, законодательство не допускает, и создать их или изменить их содержание в результате соглашения (договора) участников имущественного оборота невозможно. Таким образом, в отечественном правопорядке действует важнейший для юридической характеристики ограниченных вещных прав принцип «numerus clausus» (исчерпывающий перечень) их видов и содержания [1]. В проекте Гражданского кодекса Российской Федерации (проект ГК РФ) [2] список ограниченных вещных прав значительно расширился по сравнению с действующим Гражданским кодексом РФ. К ограниченным вещным

правам в проекте ГК РФ отнесены:

- правопостоянного землевладения (гл.20);
- право застройки (гл.20.1);
- сервитут (гл.20.2);
- право личного пользования (гл.20.3);
- ипотека (гл.20.4);
- право приобретения чужой недвижимой вещи (гл.20.5);
- право вещной выдачи (гл.20.6);
- право оперативного управления (гл.20.7);
- право ограниченного владения земельным участком (ст.297.1).

Некоторая часть из указанных ограниченных вещных прав вводится в российское гражданское право впервые. Некоторые их ближайшие аналоги, к примеру право вещной выдачи, можно обнаружить лишь в дореволюционном законодательстве, а право застройки – в гражданском кодексе 1922 г. В то же время право приобретения чужой недвижимой вещи является абсолютной новеллой.

Целью введения права постоянного землевладения является предоставление земельного участка для осуществления деятельности, которая связана с использованием природных свойств и качеств участка (ведение сельского хозяйства, лесного хозяйства, организации рыболовства, рыбоводства, охоты, создание заповедников, заказников и т.п.). Это право не должно предоставляться для размещения и (или) обслуживания жилых и офисных зданий, промышленных объектов. Таким образом, это право не должно предоставляться для размещения и (или) обслуживания жилых и офисных зданий, промышленных объектов.

Право застройки в случае принятия проекта ГК РФ в качестве Федерального закона заменит собой широко распространенную аренду земельного участка в целях строительства.

Согласно проектной редакции ст.300 ГК РФ, закрепляющей легальное определение, правом застройки является право владения и пользования чужим земельным участком в целях возведения на нем здания или сооружения и его последующей эксплуатации. Однако право застройки позволит лицу, обладающему таким правом, не только осуществлять строительство, но и изменять объекты недвижимого имущества, находящиеся на земельном участке: реконструировать их, сносить и возводить новые (ст.300.1 проектной редакции ГК РФ). Некоторые авторы отмечают, что определение права застройки является чрезвычайно узким по своему объему и в связи с этим не раскрывает существенные признаки института застройки [3].

Проектом ГК РФ существенно реформируется институт права ограниченного пользования объектом недвижимости – сервитут.

Важно отметить, что в отличие от действующей редакции Гражданского кодекса РФ (п.1 ст.274 ГК РФ) проект ГК РФ содержит более детальное регулирование отношений, связанных с сервитутами, а также закрытый перечень видов сервитутов, запрещая создание новых (п.5 ст.301 и §2 гл.20.2 ГК РФ в редакции проекта).

В частности, указывается, что сервитут

может быть установлен между собственниками господствующей и служащей вещи. В то же время в соответствии с п.6 ст.301 ГК РФ в редакции проекта ГК РФ установления сервитута вправе требовать также обладатели вещных прав, имеющие правомочия пользования и владения служащей и (или) господствующей вещью.

Проект ГК РФ во многих нормах прямо или косвенно указывает на недопустимость такой правовой конструкции, как публичный сервитут, предусмотренный в ст.23 ЗК РФ. Таким образом, в случае принятия проекта ГК РФ и сохранения положений Земельного кодекса РФ о сервитутах может возникнуть коллизия упомянутых норм.

Таким образом, законодательная классификация сервитутов, включение в содержание сервитута в т.ч. обязанности собственника служебной вещи воздержаться от действий, ограничивающих право собственника господствующего участка, говорит о прогрессивности новелл проекта ГК РФ.

В настоящее время наметилась тенденция восстановления в российском праве института права личного пользования (узуфрукта), что нашло свое отражение в проекте ГК. В соответствии с ч.1 ст.302 проекта собственник недвижимой вещи вправе предоставить другому лицу – гражданину, а в случаях, установленных законом, – некоммерческой организации (пользователю) право личного владения и пользования такой вещью (узуфрукт). Таким образом, определяется возможный круг субъектов права личного пользования, а именно: в качестве пользователей могут выступать физические лица, наделенные полной дееспособностью; а также в некоторых случаях, предусмотренных законом, некоммерческие организации. Таким образом, под узуфруктом понимается как непередаваемое по наследству и неотчуждаемое иным способом ограниченное вещное право, предоставляющее его субъекту – фруктuariю право владения и пользования чужим имуществом с присвоением плодов (в том числе доходов), но с обязанностью сохранения субстанции вещи и с оставлением за собственником номи-

нального права собственности.

Регулирование ипотеки как ограниченного вещного права является новым для современного российского законодательства. В настоящее время ипотека - один из способов обеспечения исполнения обязательств, а потому тяготеет скорее к обязательственным правам, нежели к вещным.

Как и в действующем Гражданском кодексе РФ, ипотека согласно проекту ГК РФ может возникать на основании договора или закона (ипотека возникает на основании закона, если в законе предусмотрено, какое имущество и для обеспечения исполнения какого обязательства признается находящимся в залоге). В отличие от действующего ГК РФ, предметом ипотеки, согласно новой редакции ГК РФ, могут быть не только недвижимые вещи, право собственности на которые зарегистрировано в установленном порядке, или доли в праве собственности на такие недвижимые вещи, но и право постоянного землевладения, а также право застройки.

В Концепции [4] и в проекте Федерального закона о внесении изменений в ГК РФ предлагается распространить вещно-правовое регулирование и на право приобретения чужой недвижимой вещи. Объясняется это тем, что действующее гражданское законодательство достаточно широко использует институт преимущественного права как права обязательственного характера, однако преимущественное право не позволяет надежно обеспечивать право лица на приобретение какого-либо имущества в будущем, которое заменяют различные договорные обязательства: предварительный договор, обещание дарения и т.п. Между тем понуждение к исполнению обязанности в натуре по таким сделкам возможно лишь тогда, когда вещь остается во владении обязанного лица к моменту заявления соответствующего требования кредитором. В связи с этим предлагается предусмотреть законодательно право приобретения чужой вещи как вещное право, которое может быть осуществлено и в тех случаях, когда вещь уже не находится у лица, по соглашению с которым соответствующее право было установлено.

Вещно-правовое регулирование распространяется на право вещных выдач (вещной выдачи), которое неизвестно отечественному законодательству. В проекте Федерального закона о внесении изменений в ГК РФ предусматривается, что право вещной выдачи предоставляет его обладателю возможность периодически получать от собственника объекта недвижимости имущественное предоставление в форме товара, денег, работ или услуг в определенном размере, а в случае неполучения такого предоставления – правомочие распорядиться этим объектом недвижимости путем обращения на него взыскания в порядке, предусмотренном для ипотеки.

Аналогичное право известно германскому законодательству, которое предусматривает вещное право на периодические натуральные или денежные выдачи из определенного земельного участка, которые могут быть установлены в пользу собственника другого земельного участка или другого определенного лица, – вещные выдачи (§1105-1112 Германского гражданского уложения).

В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации предлагается определить право оперативного управления как право владения, пользования и распоряжения имуществом собственника в пределах, установленных законодательством, а также в соответствии с целями деятельности, заданиями собственника и назначением имущества. При этом оговаривается, что объем ограничений права оперативного управления может зависеть от категории субъекта данного права и от вида объекта, на который данное право распространяется. В качестве же объектов права оперативного управления могут выступать как движимые, так и недвижимые вещи, за исключением земельных участков, водных объектов и участков недр.

Согласно действующему российскому законодательству субъектами права оперативного управления имуществом могут быть казенные предприятия и учреждения. В Концепции оговаривается, что субъектами права оперативного управления по общему правилу должны быть государственные или

муниципальные юридические лица; в отношении имущества частных учреждений предлагается использовать модель права собственности.

В разделе II «Вещное право» правовой режим права оперативного управления используется применительно ко всем без исключения юридическим лицам, созданным публично-правовыми образованиями, – государственным и муниципальным предприятиям и учреждениям. Таким образом, законодатель отказался от права хозяйственного ведения.

И наконец, последнее ограниченное вещное право – это право ограниченного владения земельным участком (ст.297.1). Проект ГК РФ закрепляет принцип «единой судьбы» для земельного участка и объектов недвижимости, возводимых на нем, который в настоящее время содержится в пп.5 п.1 ст.1 Земельного кодекса. В ГК РФ сейчас это четко не прописано.

Если поправки будут приняты в заявленном виде, то собственники земельных участков автоматически становятся собственниками возводимых на них объектов недвижимости. Дальнейшее отчуждение здания или сооружения без отчуждения участка не допускается (ст.297 ГК РФ в ред. проекта). Земельный участок и находящиеся на нем здание, сооружение, объект незавершенного строительства, принадлежащие на праве собственности одному лицу, признаются единым объектом и участвуют в гражданском обороте как одна недвижи-

мая вещь [5].

Однако и после внесения поправок ГК РФ допускает возможность существования разных собственников у здания и земельного участка. Проект ГК РФ регулирует такие ситуации аналогично ст.271 ГК РФ в действующей редакции. В частности, собственнику здания предоставляется право владеть и пользоваться земельным участком в объеме, необходимом для обеспечения его доступа к зданию (право ограниченного владения земельным участком). Единственное отличие – ст.297.1 ГК РФ в редакции проекта предоставляет собственнику земельного участка право требовать от собственника здания или сооружения соразмерную плату за такое владение и пользование.

Таким образом, в соответствии с реалиями нынешней экономической ситуации в России, а также необходимостью ликвидации пробелов и противоречий, встречающихся в практике его применения, в гражданское законодательство РФ по примеру крупнейших европейских гражданско-правовых кодификаций вводится развитая система ограниченных вещных прав, дополняется круг вещных прав правами личного пользования, суперфиция, эмпфитевзиса, правом вещных выдач, что представляет собой огромный интерес для дальнейшего изучения и шаг вперед в развитии гражданского законодательства в общем и о вещных правах в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суханов Е.А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве// Журнал российского права. 2006. № 12; Суханов Е.А. Понятие и виды вещных прав// Вестник Московского университета. Право. 2002. № 4.
2. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса РФ: Федеральный закон РФ от 30.12.2012г. № 302-ФЗ //СЗ РФ. 2012. № 53 (ч.1). Ст.7627.
3. Леонтьева Е.А. Проблемы института застройки чужого земельного участка в современном российском праве// Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 6.
4. Концепция развития Гражданского законодательства РФ //Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
5. Хоменко А.Н., Анищенко А.В. Какие из ожидаемых изменений в Гражданском кодексе повлияют на исчисление налогов //Российский налоговый курьер. 2012. №13-14.

Е.В. Гвоздева,
кандидат юридических наук,
(УГИБДД УМВД России
по Кировской области)

ВЗЫСКАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ШТРАФОВ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

С учетом анализа правоприменительной практики излагается порядок исполнения постановлений о наложении административного штрафа за правонарушения в области дорожного движения на всех его этапах. Выделяются проблемы, которые возникают у сотрудников ГИБДД при взыскании административных штрафов, предложены пути их решения.

Ключевые слова: административный штраф, правонарушение в области дорожного движения, исполнение постановлений о наложении административных штрафов, принудительное взыскание штрафов, Госавтоинспекция, Федеральная служба судебных приставов.

Taking into account the analysis of law-enforcement practice the order of performance of resolutions on imposing of an administrative penalty for offenses in the field of traffic at all its stages is stated. Problems which arise at the staff of traffic police when collecting administrative penalties are allocated, ways their solutions are proposed.

Keywords: administrative penalty, offense in the field of traffic, performance of resolutions on imposing of administrative penalties, compulsory collecting penalties, the State traffic inspectorate, Federal Bailiff Service.

Неотвратимое и обязательное исполнение постановлений о наложении штрафов за административные правонарушения в области дорожного движения – это не только фактор наведения порядка в стране, но и статья доходов соответствующих бюджетов.

Исполнение постановления по делу об административном правонарушении является заключительной стадией производства по делам об административных правонарушениях, которая урегулирована нормами КоАП РФ (главы 31, 32) и Федеральным законом РФ от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Указанную стадию проходят только вступившие в законную силу постановления. Исполнение постановлений о наложении административных штрафов ГИБДД заключается в уплате штрафов нарушителем Правил дорожного движения в добровольном или принудительном порядке.

Стадия исполнения постановлений о наложении административных штрафов

в области дорожного движения состоит из следующих последовательных действий соответствующих должностных лиц ГИБДД и Федеральной службы судебных приставов:

1. Обращение постановления о назначении штрафа к исполнению.
2. Приведение в исполнение данного постановления.
3. Окончание исполнения постановления о назначении административного штрафа.

Рассмотрим их подробнее.

1. Обращение постановления о назначении штрафа к исполнению.

Обязанность по обращению к исполнению постановлений о наложении административных штрафов в области дорожного движения возложена на должностных лиц ГИБДД.

В соответствии со ст.31.2 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении подлежит исполнению с момента его вступления в законную силу.

Административный штраф должен быть уплачен правонарушителем не позднее 60 дней со дня вступления постановления о наложении административного штрафа в законную силу либо со дня истечения срока отсрочки или срока рассрочки.

С 01.01.2013 согласно Федеральному закону от 27.06.2011 № 162-ФЗ и в соответствии с ч.8 ст.32.2 КоАП РФ банк или иная кредитная организация, организация федеральной почтовой связи, платежный агент, осуществляющий деятельность по приему платежей физических лиц, или банковский платежный агент (субагент), осуществляющий деятельность в соответствии с Федеральным законом от 27.06.2011 № 161-ФЗ "О национальной платежной системе", которым уплачивается сумма административного штрафа, обязаны незамедлительно после уплаты административного штрафа лицом, привлеченным к административной ответственности, направлять информацию об уплате административного штрафа в Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах (далее – ГИС ГМП), предусмотренную Федеральным законом от 27.07.2010 № 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг".

В рамках реализации положений статьи 21.3 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ на Федеральное казначейство возложены функции по созданию, ведению, развитию и обслуживанию ГИС ГМП, являющейся информационной системой, предназначенной для размещения и получения информации об уплате физическими и юридическими лицами платежей за оказание государственных и муниципальных услуг.

В соответствии с ч.5 ст.32.2 КоАП РФ при отсутствии документа, свидетельствующего об уплате административного штрафа, и информации об уплате административного штрафа в ГИС ГМП по истечении 60 дней со дня вступления постановления о наложении административного штрафа в законную силу должностное лицо ГИБДД направляет в течение 10 суток постановление о наложении административного штрафа с отметкой о его неуплате (с указанием

фамилии, должности и даты лица, осуществившего проверку) судебному приставу-исполнителю.

При отмене постановления либо уплате штрафа должником сотрудниками ГИБДД делается его незамедлительный отзыв из службы судебных приставов.

Несомненно, увеличение с 09.05.2013 срока добровольной уплаты штрафа (с 30 до 60 дней) и срока направления постановлений в службу судебных приставов для исполнения (с 3 до 10 суток) является положительным моментом для правоприменительной деятельности ГИБДД. Прежде всего, это позволило увеличить период времени, в течение которого возможно получение органами ГИБДД достоверной и полной информации об уплате штрафов, что должно исключить направление в ФССП для принудительного исполнения уже оплаченных постановлений.

В 2012 году сотрудниками ГИБДД Кировской области вынесено 358957 постановлений о наложении взыскания в виде штрафа (+1,1% к АППГ), из них на 20.05.2013 года исполнено 310856 постановлений (+3,2% к АППГ), что составляет 86,6% (АППГ – 90,3%). С учетом того, что срок давности исполнения постановлений, вынесенных в 2011 и 2012 годах, не истек, уровень взыскваемости за указанный период увеличится (см. таблицу 1).

Автором проанализированы сведения, полученные в ГИС ГМП в январе 2013 года. В ней содержатся сведения о 43 фактах уплаты штрафов ГИБДД, при этом из кредитных учреждений в подразделения ГИБДД области поступили сведения об уплате более 21 тысячи штрафов. Таким образом, требования Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ в части передачи информации в ГИС ГМП субъектами информационной системы выполняются не в полном объеме.

В связи с этим Управлением ГИБДД УМВД России по Кировской области (далее - УГИБДД) в феврале 2013 года в прокуратуру Кировской области была направлена соответствующая информация о невыполнении в полном объеме требований Феде-

рального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ в части передачи информации в ГИС ГМП субъектами информационной системы для принятия мер прокурорского реагирования. Аналогичная информация была направлена в банки и иные кредитные организации Кировской области. В настоящее время прокуратурой проводится проверка организаций, обязанных предоставлять установленные законом сведения в ГИС ГМП, с целью применения мер административного воздействия по ст.19.7 КоАП РФ «Непредставление сведений (информации)» и понуждения предоставить необходимую информацию. Несмотря на постепенное увеличение поступления сведений в ГИС ГМП (в феврале – 76, марте – 123, апреле – 156) система в требуемом полном объеме пока не работает. УГИБДД в банки и иные кредитные организации Кировской области соответствующая информация была направлена повторно.

Отсутствие достоверных сведений об уплате гражданами штрафов создает определенные трудности в осуществлении сотрудниками ГИБДД требований ч.5 ст.32.2 КоАП РФ в части, касающейся направления для принудительного исполнения постановлений о наложении административных штрафов в ФССП и привлечения неплательщиков к административной ответственности по ч.1 ст.20.25 КоАП РФ.

Поэтому на территории Кировской области в 2013 году работа по проверке уплаты штрафов ГИБДД правонарушителями перед направлением постановлений в ФССП осуществляется по двум источникам информации:

- 1) по информации об уплате административного штрафа, содержащейся в ГИС ГМП;
- 2) по информации об уплате административного штрафа, получаемой из банков и кредитных организаций «напрямую» (в порядке, который действовал до 01.01.2013).

Получение такой информации об уплате штрафов является регулярным и сведения незамедлительно (в течение суток) вносятся в компьютерную базу данных.

При своевременной уплате штрафа

должником такой алгоритм действий сотрудников ГИБДД позволяет практически исключить возможность направления для принудительного исполнения в ФССП оплаченных постановлений о наложении штрафов ГИБДД.

2. Приведение в исполнение постановления о наложении административного штрафа выражается в совершении действий судебными приставами, направленных на принудительное взыскание административного штрафа, в порядке и сроки, предусмотренные Федеральным законом РФ «Об исполнительном производстве».

В 2012 году в Кировской области в службу судебных приставов было направлено 130252 постановления (-4,8% к АППГ), исполнено 88894 (+3,1% к АППГ). Удельный вес исполненных судебными приставами постановлений составил 68,2% (АППГ – 63%). Показатель взыскаемости штрафов ГИБДД судебными приставами в области из года в год возрастает (см. таблицу 1).

3. Окончание исполнения постановления о назначении административного штрафа состоит в возвращении его в ГИБДД с отметкой о его исполнении или невозможности исполнения.

В соответствии со ст.31.10 КоАП РФ постановление о назначении административного наказания, по которому исполнение не производилось или произведено не полностью, возвращается в Госавтоинспекцию:

1) если по адресу, указанному судьей, органом, должностным лицом, вынесшими постановление, не проживает, не работает или не учится привлеченное к административной ответственности физическое лицо, не находится привлеченное к административной ответственности юридическое лицо либо не находится имущество указанных лиц, на которое может быть обращено административное взыскание;

2) если у лица, привлеченного к административной ответственности, отсутствуют имущество или доходы, на которые может быть обращено административное взыскание, и меры по отысканию имущества такого лица оказались безрезультатными;

3) если истек срок давности исполнения

постановления о назначении административного наказания, предусмотренный статьей 31.9 КоАП РФ.

Сотрудниками ГИБДД проводятся регулярные сверки с ФССП на предмет окончания или прекращения исполнительного производства, по которым истек срок, предусмотренный ст.31.9 КоАП РФ. В случае непоступления информации об исполнении постановлений о наложении штрафа не реже 1 раза в квартал направляются в ССП соответствующие запросы о предоставлении соответствующей информации об окончании или прекращении исполнительных производств.

Следует отметить, что деятельность органов и должностных лиц ГИБДД по исполнению (взысканию) штрафов за правонарушения в области дорожного движения не ограничивается исполнением требований Кодекса РФ об административных правонарушениях (главы 31, 32). УГИБДД принимаются и дополнительные необходимые меры по исполнению постановлений о наложении административных штрафов в области дорожного движения и повышению уровня их взыскваемости:

1. На сайте УГИБДД, а также в разделе «Справочная информация» информационно-поисковой системы «КонсультантПлюс» Кировской области размещена информация о реквизитах для уплаты штрафов ГИБДД в области, об ответственности за их неуплату с указанием статистических данных о возбужденных делах по ч.1 ст.20.25 КоАП РФ, о проводимых сотрудниками ГИБДД в данном направлении деятельности мероприятиях, а также образец квитанции для уплаты штрафов с возможностью ее заполнения и печати. Данный вопрос регулярно освещается в средствах массовой информации.

2. Разработана и напечатана памятка о необходимости уплаты штрафов ГИБДД и последствиях их неуплаты, которая выдается гражданам при надзоре за дорожным движением, при проведении экзаменационно-регистрационных действий, прилагается к копиям постановлений, вынесенных в отношении собственников транспортных

средств. При обращении граждан в подразделения ГИБДД по различным причинам осуществляется проверка этих лиц по учетам на наличие неоплаченных административных штрафов.

3. Гражданам направляется почтой информация об имеющейся у них задолженности по штрафам ГИБДД и необходимости их уплаты.

4. Регулярно проводится совместно с сотрудниками УФССП по Кировской области целевое оперативно-профилактическое мероприятие «Должник», направленное на выявление и привлечение к ответственности лиц, уклоняющихся от добровольной уплаты административных штрафов за правонарушения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

5. Совместно с представителями ФССП проводятся мероприятия по выявлению должников при их обращении в регистрационно-экзаменационные подразделения ГИБДД.

6. Организация и контроль за исполнением функции администратора платежей по штрафам ГИБДД в соответствии с постановлением Правительства РФ от 29.12.2007 № 995, приказом МВД России от 17.02.2012 № 103, в том числе своевременное уточнение невыясненных платежей, принятие дополнительных мер по снижению дебиторской задолженности по штрафам ГИБДД, списание задолженности, не подлежащей взысканию.

7. Осуществляется постоянный контроль за деятельностью подразделений ГИБДД области в части своевременного направления постановлений о наложении штрафа в службу судебных приставов для принудительного взыскания и поступления от них информации об окончании исполнительного производства, незамедлительного (в течение суток) внесения поступающей информации об уплате штрафов ГИБДД в региональную компьютерную базу данных.

Принимаемые УГИБДД меры позволили в 2011-2012 годах поднять уровень реального исполнения постановлений и взыскваемости штрафов ГИБДД по области в среднем до 90,3% и 86,6%, соответственно (см. та-

блица 1).

По нашему мнению, обеспечить исполнение постановлений о наложении административного штрафа за правонарушения в области дорожного движения возможно, реализовав следующие мероприятия:

1) законодательное закрепление обязанности для всех водителей создать специальный адрес электронной почты, на который сотрудники ГИБДД могли бы направлять информацию о неоплаченных штрафах и необходимости их уплаты, а в дальнейшем и постановления по делу об административном правонарушении о наложении административных штрафов в области до-

рожного движения;

2) обеспечение безбумажного электронного документооборота между подразделениями Госавтоинспекции и ФССП России;

3) возложение на судебных приставов-исполнителей обязанности по составлению протоколов по ч.1 ст.20.25 КоАП РФ в отношении лица, не уплатившего административный штраф по делу об административном правонарушении, вне зависимости от того, кем дело рассмотрено;

4) наделение УФССП полномочиями по остановке транспортных средств в рамках возбужденного исполнительного производства на стационарных постах ДПС.

Таблица 1.

Показатели исполнения постановлений о наложении административных штрафов ГИБДД в Кировской области за 2009-2012 гг. (по сведениям на 20.05.2013г.)

Показатели		2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Вынесено постановлений о наложении штрафа		304887	355697	355125	358957
Из них	Взыскано по постановлениям	271880	322056	320826	310856
	Взыскаемость по постановлениям, %	89,0	90,5	90,3	86,6
Наложено штрафов, руб.		81523681	103042385	107666905	130910626
Из них	Взыскано штрафов, руб.	71212184	91258037	94914686	109334718
	Взыскаемость по суммам штрафов, %	87,0	88,6	88,2	83,5
Возбуждено дел по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ		5380	5581	4824	4129
Из них	Назначено штрафов	4132	4306	3891	3052
	Назначено адм. арестов	435	508	492	519
Направлено в ФССП постановлений		45577	97106	136786	130252
Из них	Взыскано ФССП	23274	60223	86181	88894
	Взыскаемость, %	51,1	62,0	63,0	68,2

С.Г. Ольков,

доктор юридических наук, профессор
(Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа - Югры)

СУБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ И ДОКАЗЫВАНИЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Цель данной статьи – повышение степени точности субъективной оценки объективного времени как обстоятельства, входящего в предмет доказывания по уголовным делам.

Научные методы: 1) дифференциальное и интегральное исчисление; 2) корреляционный и регрессионный анализ; 3) использование мер центральной тенденции и разброса; 4) построение линейных и нелинейных математических моделей; 5) эксперимент; 6) подбор теоретических вероятностных распределений.

Научные результаты, полученные автором: 1) построение математической модели субъективного времени, выраженного во времени объективном; 2) классификация видов субъективного времени; 3) определение направлений выявления тенденций и закономерностей субъективного времени с целью корректировки возможных ошибок участников уголовно-процессуальных правоотношений относительно времени в процессе доказывания; 4) параметризация отдельных случайных функций субъективного времени; 5) определение экспериментальной стратегии изучения закономерностей субъективного времени; 6) определение методов измерения величины отклонений субъективного времени от времени объективного.

Научная новизна: заключается во вновь полученных научных результатах.

Практическая значимость состоит в возможности разработки методики, позволяющей корректировать субъективные ошибки участников уголовного судопроизводства относительно времени события преступления.

The purpose of this article is to increase the degree of accuracy of subjective assessment of objective time, as circumstances included in the subject of proof in criminal cases.

Research methods: 1) the differential and integral calculus; 2) correlation and regression analysis; 3) use of measures of central tendency and dispersion; 4) construction of linear and nonlinear mathematical models; 5) the experiment; 6) selection of the theory of probability distributions.

Scientific results obtained by the author: 1) construction of the mathematical-economic model of subjective time expressed in time objective.; 2) the classification of types of subjective time; 3) determination of the directions of trends and patterns of subjective time in order to correct possible errors of the participants of the criminal-procedural legal relations of the time in the process of proving; 4) parameterization of the individual random functions of subjective time; 5) definition-division of experimental strategies of the study of the regularities of the subject of time; 6) determination of methods for measurement of the deviation value of subjective time from the time of the objective.

Scientific novelty: is in a newly received scientific results.

Practical importance consists in the possibility of developing methodology, which allows to correct the subjective errors of the participants of the criminal proceedings regarding the time of the crime.

Довольно часто нам нужно знать точное время, и для его измерения используются более или менее точные часы. В частности, в предмет доказывания по уголовным

делам входит время. В статье 73 УПК РФ (обстоятельства, подлежащие доказыванию) подчеркивается, что при производстве по уголовному делу подлежит доказыванию

событие преступления, где на первом месте стоит время совершения преступления.

Когда у нас есть часы, и они достаточно точны, мы с легкостью можем измерять различные временные интервалы и довольно точно ориентироваться во времени, но когда часов нет или нет возможности на них посмотреть, время становится субъективным, а ощущение времени (индивидуальное чувство времени) зависит от различных факторов. Например, когда мы занимаемся нудной, неприятной работой или ожидаем чего-то с нетерпением, то чувствуем, как субъективное течение времени замедляется, или, напротив, делая что-либо захватывающее, интересное, нам кажется, что время летит очень быстро. В состоянии сна время пролетает незаметно. На субъективное ощущение времени влияет возраст, употребление психоактивных препаратов, колебания атмосферного давления и температуры, ощущение чувства страха и т.д. (**гипотезы, которые нужно проверять**). Вопрос только в том, каково точное влияние упомянутых и иных факторов? Скажем, тот же свидетель, обвиняемый или потерпевший, в зависимости от ряда обстоятельств, может неумышленно давать искаженную информацию о времени, если у него не было достаточно точных часов или он на них не смотрел.

Провожу простой эксперимент со студентами заочного отделения юридического факультета СурГУ. Цель – выяснить, насколько сильно их индивидуальное чувство времени. Они снимают и отдают мне часы, зная суть эксперимента. Я засекаю время, и жду 7 минут. После этого задаю вопрос: сколько времени прошло? Большинство из опрошенных мужчин и женщин ответили, что прошло 10 минут (только один мужчина указал 9 минут), то есть ошиблись на 3 минуты в сторону увеличения. Их субъективное время текло быстрее объективного на 42,8%. Условия проведения эксперимента: 10 мая 2013 года, г. Сургут, начало: 11 ч. 30 минут; окончание: 11 ч. 37 минут. В эксперименте участвовало 5 женщин и 2 мужчины – студенты-заочники юридического факультета СурГУ (отмечался также их возраст). Атмосферное давление 757

мм ртутного столба. Пасмурно.

Очевидно, что это лишь один из серии подобных экспериментов, в которых до бесконечности можно варьировать условия и отслеживать динамику субъективного времени относительно времени объективного. По результатам следует строить конкретные математические модели.

Если бы в нашем распоряжении были соответствующие оценочные уравнения, учитывающие закономерности течения субъективного времени в различных условиях, то субъективную оценку времени произвольно взятого лица можно было бы скорректировать, приблизив её к объективному положению вещей. Это, в свою очередь, повысило бы эффективность соответствующих следственных и судебных действий.

Начнем с построения общей математической модели соотношения объективного и субъективного времени. Возьмем две переменных: T и t , где T – объективное время, а t – время субъективное. Очевидно, что объективное время не выступает фактором (аргументом) времени субъективного, равно как и субъективное время не является фактором объективного времени. То есть по «поведению» переменной T мы не можем предсказать «поведение» переменной t , и, наоборот, по «поведению» переменной t мы не можем предсказать поведение переменной T . Единственное, что может нас «утешить», это абсолютная устойчивость объективного времени. То есть, если мы возьмем двое объективных часов T_1 и T_2 , и расположим их по двум осям декартовой системы координат, то получим идеально согласованное время, или время, идущее строго по биссектрисе. Назовем это время биссектриальным, а получившуюся систему координат плоскостью объективного времени.

Очевидно, что биссектриальное время на плоскости объективного времени строго предсказуемо, коль скоро описывается простейшим линейным уравнением: $T_2 = T_1$ или $y = a + bx$, где $a = 0$, и $b = 1$, $y = T_2$, а $x = T_1$. При этом также очевидно, что переменные независимы друг от друга. Просто одну переменную

мы выразили с использованием другой. Ясно, что если бы какие-либо часы T_2 или T_1 шли быстрее или медленнее, то координаты «слетели» бы с линии биссектрисы. В итоге бы получилось какое-либо линейное или нелинейное уравнение, в зависимости от того, с какой скоростью и ускорением изменялось бы время на часах с ошибкой.

Теперь вместо T_2 возьмем какое либо t_i из множества t , принимающего значения от $-\infty$ до ∞ : $\{t_1, t_2, \dots, t_m\}$, и представим их соотношение в простейшей декартовой системе координат с четырьмя квадрантами. То есть получим плоскостное субъективное время, выраженное во времени объективном. Если перейти к m -мерному пространству, наращивая число t в модели, включая дополнительно $t_2, t_3, \dots, t_m$, то получим m -мерное пространство реализации случайных или «блуждающих» функций субъективного времени, выраженных во времени объективном. Эти случайные функции будут варьировать в области определения объективного времени случайным образом с соответствующими случайными характеристиками. Для случайных функций вводится ряд важнейших характеристик: 1) математическое ожидание $M[t(T)]$; 2) дисперсия случайной функции $D[t(T)]$; 3) корреляционная или автокорреляционная функция $K(t, T)$, а также различные распределения.

Можно предположить, что вероятностное распределение случайных функций $t(T)$ будет соответствовать нормальному распределению:

$$f(T) = \frac{1}{\sqrt{2\pi\sigma}} e^{-\frac{(T-\mu)^2}{2\cdot\sigma^2}}$$

где $f(T)$ – плотность вероятности, σ – стандартное отклонение, μ – математическое ожидание, e – основание натуральных логарифмов, равное 2,718. По существу это дифференциальная функция от интегральной функции распределения:

$$F(T) = \frac{1}{\sqrt{2\pi\sigma}} \int_{-\infty}^T e^{-\frac{(T-\mu)^2}{2\cdot\sigma^2}} dT$$

Удобным здесь является, что для построения кривой распределения нужно знать лишь два параметра распределения – математическое ожидание и стандартное отклонение.

Представим произвольную функцию субъективного времени $t=f(T)$ на плоскости объективного времени T и t . Теоретически, как мы выяснили, область определения функции, то есть значения переменной T , могут принимать любые значения от $-\infty$ до ∞ . Тогда в первом, втором, третьем и четвертом квадрантах получим следующие теоретически возможные разновидности субъективного времени: 1) будущее положительное время (БПВ) – в первом квадранте декартовой системы координат; 2) прошлое положительное время (ППВ) – во втором квадранте; 3) прошлое отрицательное время (ПОВ) – в третьем квадранте; 4) будущее отрицательное время (БОВ) – в четвертом квадранте декартовой системы координат; 5) нулевое (настоящее) положительное время (НПВ) – расположено над началом координат; 6) нулевое (настоящее) отрицательное время (НОВ) – расположено под началом координат; 7) истинное время (ИВ) или нуль время (НВ).

Если провести в декартовой системе координат (T и t) прямую и обратную биссектрисы, то есть функции $t=T$ и $t=-T$, то получим дополнительные теоретически возможные разновидности субъективного времени: в первом квадранте: 1) биссектрисное будущее положительное время (ББПВ); 2) будущее положительное надбиссектрисное время (БПНБВ); 3) будущее положительное подбиссектрисное время (БППБВ); во втором квадранте: 4) прошлое положительное биссектрисное время (ППБВ); 5) прошлое положительное надбиссектрисное время (ППНБВ); 6) прошлое положительное подбиссектрисное время (ПППБВ); в третьем квадранте: 7) прошлое отрицательное биссектрисное время (ПОБВ); 8) прошлое отрицательное надбиссектрисное время (ПОНБВ); 9) прошлое отрицательное подбиссектрисное время (ПОПБВ); в четвертом квадранте: 10) биссектрисное отрицательное будущее время (БОВВ);

11) отрицательное будущее надбиссектрисное время (ОБНБВ); 12) отрицательное будущее подбиссектрисное время (ОБПБВ).

Учитывая тот факт, что реальное эмпирическое объективное время (**T**), известное нам, течет только назад, то есть от настоящего к прошлому (прошел час, два и т.д.) и является отрицательной величиной (**-T**), то и субъективное время (**t**), в нем выраженное, является отрицательной величиной и может располагаться только: 1) вдоль линии ординаты (собственно в нуле, над и под ним); 2) во втором квадранте декартовой системы координат; 3) в третьем квадранте декартовой системы координат.

Например, если объективные часы показывают в настоящий момент время равное трем часам (ИВ=3), а по вашему мнению (у вас нет объективных часов), сейчас 4 часа, то $t=1$ часу, и координата вашего субъективного времени (0; 1). Истинное время, измеренное по объективным часам, всегда нулевое (время здесь и сейчас).

Если математическое ожидание $M[t(T)]$ случайной функции **t(T)** будет равно нулю, то линия её математического ожидания будет идти по линии биссектрисы, и можно утверждать, что в среднем субъективное время индивида совпадает с течением объективного времени. Если $M[t(T)] > 0$, то субъективное время данного индивида в среднем завышено, если $M[t(T)] < 0$, то субъективное время данного индивида в среднем занижено. В реальности же будем иметь первичную волну времени (колебания субъективного времени вокруг математического ожидания его функции **t(T)**) и вторичную волну времени – колебание его случайной функции **t(T)** относительно линии биссектрисы в третьем квадранте декартовой системы координат. Отслеживая прошлое значение случайной функции **t(T)** по её временному

солютном выражении, например, часов, изменяется величина субъективного времени при изменении объективного времени на единицу измерения – час. Так, если производная функции субъективного времени $y' = 1,15$, то в среднем индивид склонен на 15 минут отклоняться от часа в положительную сторону, то есть завышать реальное время. Напротив, если производная функции субъективного времени $y' = -1,12$, то в среднем индивид склонен на 12 минут отклоняться от часа в отрицательную сторону, то есть занижать реальное время.

Используя меры вариации – дисперсию, среднее квадратическое отклонение, коэффициент вариации и другие? несложно определить устойчивость индивидуального субъективного времени, а следовательно, риск ошибки, которую индивид склонен совершить при оценке реального (объективного) времени. С поправкой на эту ошибку и следует доверять субъективной оценке объективного времени данного индивида.

Работая с временными рядами субъективного времени, в них можно выявлять положительные и отрицательные тенденции, строить карты контроля субъективного времени, а также исследовать экстремумы временного ряда, выявляя соответствующие максимумы и минимумы ошибочных оценок объективного времени. Далее эти экстремумы нужно будет связывать с конкретными факторами, их породившими, то есть исследовать детерминанты ошибочных оценок.

Специального внимания заслуживает изучение закономерностей ошибочных оценок объективного времени. Экспериментальным путем следует устанавливать, какие факторы, и на какую величину сдвигают оценку объективного времени. Мне вспоминается здесь пример из личного опыта. Это было в 1980 году, когда я проходил срочную службу в Вооруженных силах СССР. Проводились учения, и в течение полутора суток я не спал, а когда «вздремнул полчаса», то потом выяснил, что на самом деле прошло 14 часов. То есть два фактора – сон и физическая усталость – привели к существенному субъективному сдвигу во

ряду, имеем

$$y(x) = \int_0^{-\infty} f(x) dx$$

– объем часов ошибочного или отклоняющегося времени (площадь под графиком функции). Первая производная данной первообразной функции будет показывать, насколько в аб-

времени. Оценить время по суточным циклам я не мог, так как находился в бункере узла связи – под землей.

Можно работать и с более сложными моделями, например, возьмем трехмерное пространство T_1, T_2 и какое либо t из множества t , принимающего значения от $-\infty$ до ∞ , и представим их соотношение в восьми октантах. То есть получим субъективное время, выраженное в плоскости объективного времени. Если перейти к m -мерному пространству, наращивая число t в модели, включая дополнительно $t_2, t_3 \dots t_m$, то получим m -мерное пространство субъективного времени, выраженное в плоскости времени объективного.

Субъективное ощущение времени может быть линейным и нелинейным, быстрым, нормальным (средним) и медленным (вообще говоря, речь идет о бесконечном множестве таких состояний, а не трех точечных), что имеет значение при решении различных уголовно-процессуальных задач, в частности, связанных с предметом доказывания по

уголовным делам. Особое значение имеет принципиальная возможность разработки методики, позволяющей существенно корректировать ошибки участников уголовного судопроизводства относительно времени наступления и продолжительности определенных событий, имеющих значение для установления объективной истины по уголовным делам.

Приведу результаты простого эксперимента, который провел 11.05.2013 года со студентами первого курса медицинского факультета Сургутского государственного университета ХМАО-Югры в период с 8.30 до 8.37 и с 10.00 до 10.07, в котором участвовало 25 студентов в возрасте от 17 до 25 лет: 10 – мужчин и 15 – женщин. Перед студентами стояла задача оценить, сколько времени прошло от начала отсчета, не пользуясь при этом часами. При этом объективное время $T=7$ минут. По итогам эксперимента была составлена нижеследующая таблица и выполнены соответствующие расчеты.

Таблица 1.

Результаты эксперимента

№ п/п	T (ОВ), мин.	t (СВ), мин.	t-T, мин.
1	7	15	8
2	7	8,5	1,5
3	7	8	1
4	7	8	1
5	7	8	1
6	7	9	2
7	7	13	6
8	7	8	1
9	7	7	0
10	7	11	4
11	7	5	-2
12	7	4,32	-2,68

13	7	11	4
14	7	7,05	0,05
15	7	5	-2
16	7	6	-1
17	7	5	-2
18	7	4,3	-2,7
19	7	3,15	-3,85
20	7	4,2	-2,8
21	7	5,2	-1,8
22	7	5	-2
23	7	6	-1
24	7	15	8
25	7	8	1

Примечание:

T – объективное время, мин.; t – субъективное время, мин.; (t-T) - разность между субъективным и объективным временем

Таблица 2.

Описательная статистика субъективного времени

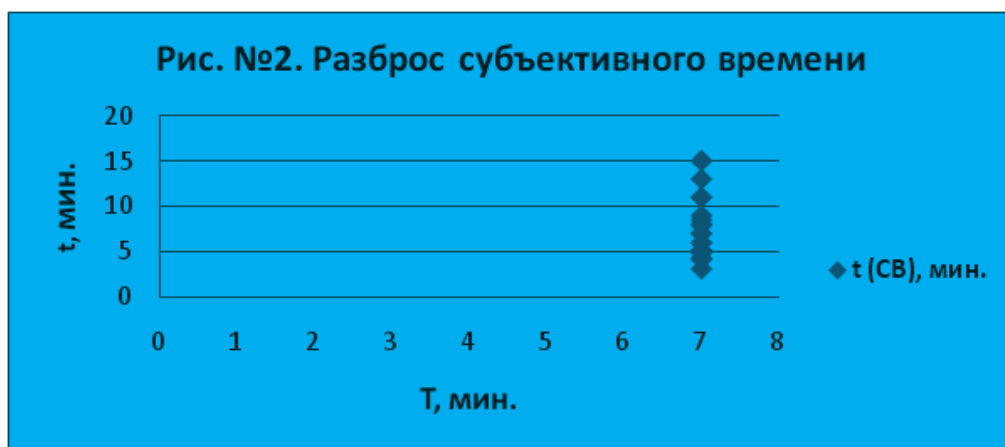
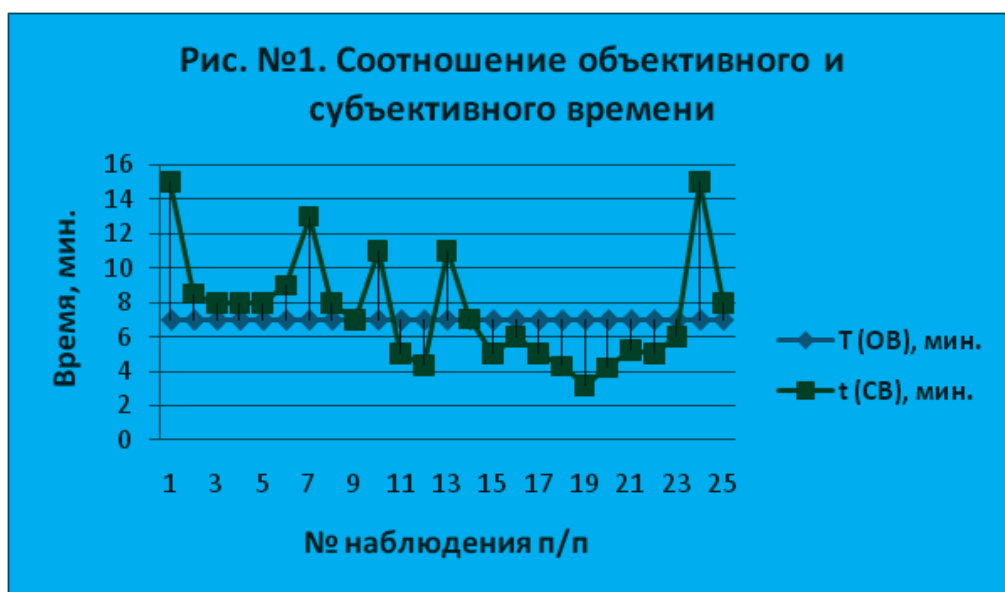
Среднее	7,5888
Стандартная ошибка	0,654421
Медиана	7,05
Мода	8
Стандартное отклонение	3,272106
Дисперсия выборки	10,70668
Эксцесс	0,38716
Асимметричность	0,992318
Интервал	11,85
Минимум	3,15
Максимум	15
Сумма	189,72
Счет	25

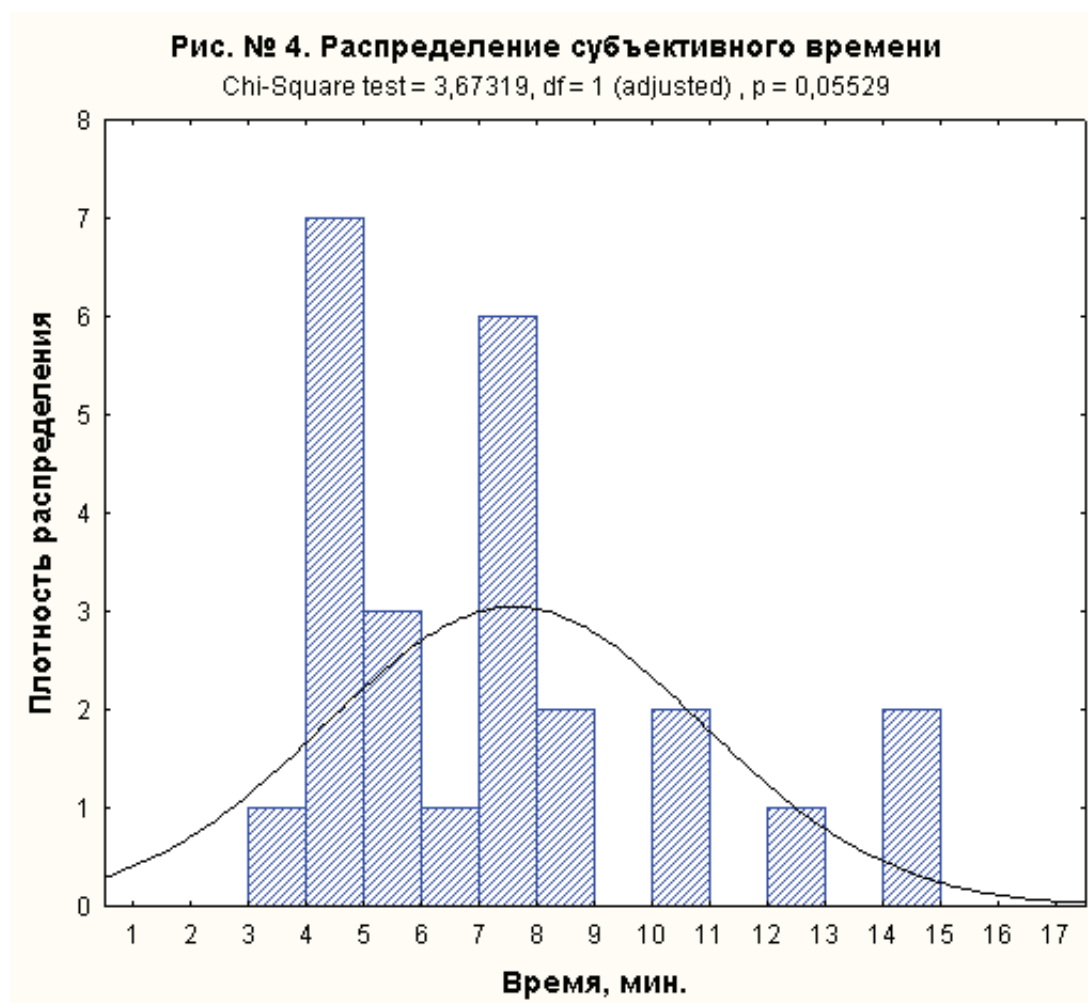
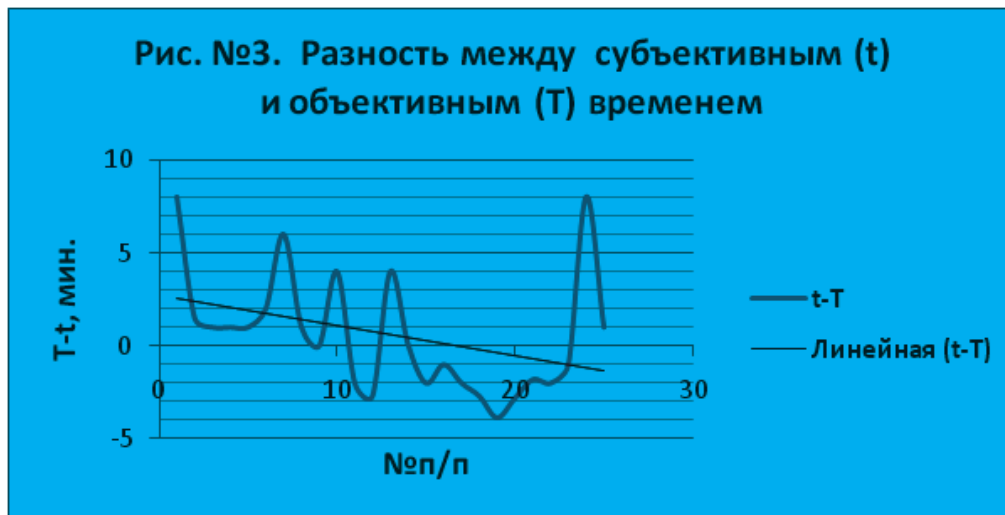
Коэффициент вариации ряда субъективных оценок составил 43%

$$V = \frac{\sigma}{\bar{t}} \cdot 100 = \frac{3,272}{7,588} \cdot 100 = 43$$

, что говорит о сильной неустойчивости вариационного ряда субъективного времени. Кроме того, вероятностное распределение не соответствует нормальному, что видно из графика распределения на рисунке 4.

На рисунке №1 представлено соотношение объективного и субъективного времени в зависимости от участника эксперимента, а на рисунке 2 показан разброс субъективного времени относительно объективного. На рисунке 3 показана разность между объективным и субъективным временем с линией средней субъективной оценки времени.

Вполне очевидно, что в данном случае мы работали с группой индивидов и не исследовали динамику их субъективного времени, но в целом мы отметили, что их оценки заметно различаются между собой – одним индивидам было свойственно завysить, а другим занизить время, и лишь в редких случаях они попадали в точку объективного времени. Поэтому стратегия дальнейших

исследований в этой сфере предполагает и серию специальных экспериментов, нацеленных на получение соответствующих тенденций и закономерностей субъективного времени, законов их распределения и т.д., полезных для корректировки субъективных оценок в процессе доказывания по уголовным делам.

А.Н. Варыгин,
доктор юридических наук, профессор
(СГЮА)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВОЗРАСТА ПРЕСТУПНИКА

В статье рассматриваются криминологические проблемы возраста преступника, в частности, периодизация возраста преступников, криминальная активность лиц различных возрастов, возраст уголовной ответственности. Определяются дальнейшие направления исследования проблем возраста преступника.

Ключевые слова: личность преступника, социально-демографические свойства и качества преступника, возраст преступника как криминологическая проблема

In article are considered criminologies problems of the age of the criminal, in particular, criminal activity of the persons different age, age to criminal responsibility. The further directions of the study of the problems of the age of the criminal are Defined.

Keywords: personality of the criminal, social-demographic characteristic and quality of the criminal, age of the criminal, as criminologies problem

Центральным элементом любого криминологического исследования является личность преступника. Это связано с тем, что без познания особенностей преступников невозможно определение причин их индивидуального преступного поведения и, соответственно, планирование мер воздействия, как на самих преступников, так и на преступность в целом. В связи с этим уместно привести высказывание Ю.М. Антоняна, который отмечает, что «успешное предупреждение преступлений возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность – носитель причин их совершения» [1].

Личность преступника характеризуется множеством свойств и качеств: социально-демографических, нравственно-психологических, уголовно-правовых. Некоторые авторы предлагают выделять в структуре личности преступника и иные свойства и качества, например, социальные проявления в различных сферах жизнедеятельности (социальные связи), физиологические (биологические) характеристики и другие [2].

В группе социально-демографических характеристик личности преступника прежде всего рассматриваются его пол и возраст. Ни в коем образом не принижая значения и роли пола и всех иных признаков в характеристике и формировании личности преступника, мы все же предлагаем акцентировать внимание именно на возрасте преступника. Это связано с тем, что, несмотря на важность этого признака, его значение в процессе изучения преступника, на наш взгляд, несколько поверхностное. Возраст же, как никакая иная характеристика, определяет многие другие свойства и качества личности – потребности, интересы, социальный статус личности и другие ее свойства.

С наступлением каждого возраста человек меняется. Меняется в физическом, психическом, умственном плане. В течение возраста у человека меняются жизненные планы и установки. Что является важным и незаменимым для молодого человека – для пожилого может не представлять никакого интереса. Если говорить о правовых аспектах возраста, то следует отметить, что ряд гражданских прав и обязанностей индивида

также может быть реализован лишь с наступлением определенного возраста. Так что возраст играет важную роль в характеристике любой личности, в том числе личности преступника, и его роль вряд ли можно переоценить.

Само понятие возраста весьма много-планово. Например, С.И. Ожегов определяет возраст как период, ступень в развитии, росте человека [3]. При этом возраст индивида может рассматриваться в широком и узком смысле. Например, Р.И. Михеев отмечает, что в широком смысле под возрастом следует понимать календарный период времени, прошедший от рождения до какого-либо хронологического момента в жизни человека, а в узком – указанный период психофизического состояния в жизни того или иного лица, с которым связаны как медико-биологические, социально-психологические, так и правовые изменения [4].

При этом в современной научной литературе различают возраст не только хронологический (паспортный), но и биологический (функциональный), психологический (психический), социальный (гражданский). В каждой из этих возрастных категорий отражается соответствующее понимание времени жизни человека как физического объекта (хронологический возраст), как биологического организма (биологический возраст), как члена общества (социологический возраст) и как неповторимой психологической индивидуальности (психологический возраст)[5].

Знание возрастных характеристик пре-

ступников позволяет определять, представители каких возрастных групп наиболее криминогенно активны, и определять особенности преступного поведения лиц различных возрастных групп. Как отмечал Е. Бафия, «анализ уровня преступности в определенных возрастных группах дает основания для вывода закономерности, согласно которой наибольшая активность роста преступности соразмерна со степенью зрелости человека, его участия в общественной жизни» [6].

При изучении личности преступника его возраст подвергается анализу в первую очередь. Это связано с тем, что именно с достижением определенного законом возраста для индивида наступает наиболее суровый вид социальной ответственности, а именно уголовная ответственность.

Во-вторых, как давно замечено, для лиц различных возрастных групп характерна различная криминальная активность. Так, отдельные исследования в 70-е годы прошлого столетия фиксировали, что среди преступников преобладают лица в возрасте от 30 до 40 лет [7]. С 90-х годов среди них наибольший удельный вес занимают лица молодого возраста (до 30 лет). Не случайно, как отмечал И.И. Карпец, преступность – это молодежное явление [8]. С увеличением возраста, как правило, снижается криминальная активность людей. В последние годы криминальная активность лиц различных возрастных групп вновь поменялась. Эти изменения наглядно видны в приведенной таблице.

Таблица 1.

Удельный вес преступников различных возрастных групп [9].

возраст	годы								
	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
14-17 лет	17,1%	13,0%	10,2%	11,6%	10,9%	10,0%	8,6%	7,0	6,5%
18-29 лет	39,2%	37,3%	43%,3	45,3%	45,5%	45,6%	44,9%	44,3%	43,8%
30 и более	43,7%	49,7%	46,5%	43,1%	43,6%	44,4%	46,5%	48,7%	49,7%

Из таблицы, например, видно, что криминальная активность лиц зрелого возраста (от 30 и более лет) с 2005 года увеличивалась. Повышение криминальной активности лиц зрелого возраста связано прежде всего со снижением криминальной активности несовершеннолетних и молодежи за счет снижения их удельного веса в структуре населения страны. Так, если в 1995 году в стране насчитывалось 38 млн несовершеннолетних, то в 2008 году – 26 млн [10].

Это те аспекты, которые, скажем так, лежат на поверхности. Тем не менее, многие иные аспекты возраста преступника в криминологии, на наш взгляд, остаются вне поля научного исследования. Традиционно в науке выделяется и соответственно изучается преступность несовершеннолетних и молодежи, а также «взрослая» преступность, то есть преступления совершеннолетних лиц. Несмотря на это, криминологическому анализу обычно подвергалась лишь преступность несовершеннолетних, о чем, например, наглядно свидетельствуют соответствующие главы учебников по криминологии [11], а преступность молодежи как самостоятельный объект стала исследоваться не так давно [12]. При этом практически не исследована личность и, соответственно, особенности преступников пожилого или старого возраста, не считая единичных диссертаций по данной тематике [13] и редких научных статей. Старческий возраст оказывает существенное влияние на умственное, психическое, физическое состояние индивида, соответственное его поведение. В случае совершения преступления таким лицом его возраст вполне может рассматриваться в качестве смягчающего наказание обстоятельства.

Кроме того, существуют сложности в классификации возрастных периодов преступников. В частности, среди ученых нет единого мнения, каких лиц и соответственно преступников относить к молодежи. Одни считают, что молодые преступники – это лица до 25 лет, другие – не старше 30 лет, третьи до 30-40 лет.

Нет единства и в классификации возрастных групп лиц пожилого возраста. Напри-

мер, психологи утверждают, что пожилой возраст – 67-75 года; старческий – 75-90 лет; долгожительство – старше 90 лет [14]. Юристы выделяют в свою очередь такие возрастные группы: 1) пожилой возраст – 60-74 года; предстарческий – 75-90 лет; старческий – свыше 90 лет [15].

В связи с этим следует отметить, что необходима четкая периодизация преступников различных возрастных групп, не только несовершеннолетних и молодежи, а также пожилых лиц. Это связано с тем, что даже в такой криминогенно активной группе лиц, как 30-60-летние, относящиеся к группе зрелых лиц, криминальная активность лиц разного возраста различна. Различна она у 30 и 50-летних, у 40 и 30-летних. С изменением возраста человека у него наступают не только биологические (физиологические) изменения его организма, но происходят и социальные изменения как самой личности, так и социальной среды, в которой она находится. Изменяются обстановка, условия, в которых находится, живет, трудится человек, изменяются его социальные функции, социальный опыт, привычки, характер, способы реагирования на конфликтные ситуации, желания, стремления, интересы, потребности, формы их удовлетворения, то есть происходит становление и развитие личности [16]. Все это не может не влиять на поведение, в том числе преступное, индивида.

Следует сказать, что весьма дискуссионным является вопрос о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность. В последние годы звучат высказывания о необходимости его снижения с 14 до 12-13 лет [17] или же, напротив, о его повышении и установлении за все преступления с 16 лет [18]. Мало исследован вопрос о возрасте в рамках специального субъекта преступления, например, относительно лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступления (если самому преступнику 18 или 19 лет).

Кроме того, на наш взгляд, в криминологии недостаточно исследована криминальная активность лиц разных возрастов, совершающих различные виды преступлений.

Такие различия существуют. Например, замечено, что среди лиц, совершающих преступления против собственности, преобладают лица молодого возраста. Например, в 2009-2010 годах среди лиц, совершивших кражи, они составили – 64%, а среди лиц, совершивших убийства, доля 14-30 летних составила в среднем 45% [19].

Немаловажной проблемой, связанной с возрастом индивида, в том числе и преступника, является проблема возрастных кризисов. Как отмечают психологи, возрастные кризисы – это особые, относительно непродолжительные по времени возрастные периоды, характеризующиеся резкими психическими изменениями личности человека, возникающие при переходе от одной возрастной ступени к другой, связанные с системными качественными изменениями в сфере социальных отношений человека, его деятельности и сознания [20]. Ученые выделяют следующие наиболее значимые возрастные кризисы в жизни человека: кризис новорожденности; кризис одного года; кризис трех лет; кризис семи лет; кризис семнадцати лет; кризис тридцати лет; пенсионный кризис. К сожалению, криминальная активность человека в период его жизненного кризиса (имеется в виду в 17, 30, 60 лет) в криминологии также не изучена.

Еще одной малоисследованной проблемой, связанной с возрастом преступника, является, на наш взгляд, виктимность лиц различного возраста. Нередко отмечается, что повышенная виктимность присуща малолетним лицам и лицам престарелого возраста, что объясняется их физической слабостью и определенной беспомощностью. Причем это характерно далеко не для всех преступлений. Так, по половым преступлениям доля малолетних и несовершеннолетних велика (30,7%), а доля лиц пожилого возраста, напротив, мала (1,9%). По преступлениям против жизни и здоровья, в частности убийствам, доля малолетних – 7%, а лиц пожилого возраста – 8%. По преступлениям против собственности малолетние и несовершеннолетние составляют 4,2%, лица пожилого возраста – 3,5% [21]. То есть по наиболее распространенным преступле-

ниям (против собственности, личности) виктимность повышена совсем не у этих лиц, а у лиц молодого и зрелого, активного возраста.

Большинство криминологических исследований, посвященных изучению личности преступников, в частности ее потребностно-мотивационной сферы, фиксируют наличие у них извращенных потребностей, низменных интересов, отсутствие жизненных целей и ориентаций [22]. При этом следует отметить, что у лиц различных возрастов, как правило, присутствуют различные потребности и тем более интересы и увлечения, что опять-таки обусловлено их возрастными особенностями. Это в свою очередь, на наш взгляд, часто определяет различия мотивации преступлений у преступников различных возрастных групп, что также требует соответствующих исследований.

Несмотря на то, что некоторые ученые, в частности Н.Н. Кондрашков, утверждают, что все социальные (а не биологические) изменения личности оказывают прежде всего влияние на поведение человека [23], мы полагаем, что эти социальные изменения обусловлены прежде всего его возрастом. Именно возраст лежит в основе социальных ролей и функций индивида. Как отмечает И.С. Кон, «между возрастом и социальными возможностями индивида существует взаимосвязь. Хронологический возраст, а точнее предполагаемый им уровень развития индивида, прямо или косвенно определяет его общественное положение, характер деятельности, диапазон социальных ролей» [24]. В связи с этим следует утверждать, что изучение возраста преступника крайне важно, причем не только применительно к наиболее характерным группам преступников, таким как несовершеннолетние и взрослые, но и ко всем иным возрастным группам. Такое изучение необходимо прежде всего для определения причин индивидуального преступного поведения лиц различных возрастных групп и разработки мер его предупреждения. Несомненным должно являться то, что меры предупреждения, например, преступности несовершеннолетних,

существенным образом должны отличаться от мер предупреждения преступлений лиц пожилого и тем более старческого возраста и даже отличаться от мер предупреждения, осуществляемых в отношении 30-40-летних лиц.

К сожалению, рамки данной статьи не позволяют глубже рассмотреть многие аспекты такой проблемы, как возраст преступника, а лишь обозначают их и нацеливают на дальнейшие криминологические исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб., 2004. С.11.
2. См., например: Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М., 2005. С.339.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2007. С.91.
4. Михеев Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности. (Теория и практика): автореф. дис. ... док. юрид. наук. М., 1995. С.17.
5. См.: Кроник А.А., Головаха Е.И. Психологический возраст личности // Психология в трудах отечественных психологов. СПб., 2002. С.246.
6. Бафия Е. Проблемы криминологии. М., 1983. С.49.
7. См.: Личность преступника. М., 1975. С.121.
8. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность М., 1992. С.301.
9. См.: Преступность и правонарушения (1990-1994). Статистич. сборник. М., 1995. С.25; Преступность и правонарушения (2006-2010). Статистич. сборник. М., 2011. С.20.
10. См.: Дети России. Статистический сборник. М., 2009. С.10.
11. См.: Криминология: учебник. М., 1968; Криминология: учебник. М., 1976; Криминология: учебник. М., 1988; Криминология: учебник. М., 1993 и др.
12. См., например: Крутер М.С. Методологические и прикладные проблемы изучения и предупреждения молодежной преступности: дис. док. юрид. наук. М., 2002; Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М., 2006.
13. См.: Барсукова О.В. Старческая преступность и преступность против лиц пожилого возраста: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003.
14. Малкина-Пых И.Г. Возрастные кризисы. [Электронный ресурс]. URL: <http://fictionbook.ru>
15. См.: Барсукова О.В. Указ. соч. С.8.
16. См.: Кондрашков Н.Н. Количественные методы в криминологии. М., 1971. С.160.
17. См.: Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб., 2000. С.35; Миллюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: Опыт критического анализа. СПб., 2000. С.55; Галкин В.А. Особенности назначения наказания в виде лишения свободы лицам, совершившим насильственные тяжкие и особо тяжкие преступления в несовершеннолетнем возрасте. М., 2006. С.33 и др.
18. Пимонов В.А. Теоретические и прикладные проблемы борьбы с общественно опасными посягательствами средствами уголовного права. М., 2007. С.152.
19. См.: Преступность и правонарушения (2006-2010гг). Статистический сборник. М., 2011. С.64, С.106.
20. Поливанов К.Н. Психология возрастных кризисов. М., 2007. С.45.
21. См. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб, 2002. С.116, 156, 197.
22. См., например: Криминология: учебник/ под ред. А.И. Долговой. М., 2005. С.347-348 и др.
23. Кондрашков Н.Н. Количественные методы в криминологии. М., 1971. С.164.
24. См.: Кон И.С. Психология ранней личности. М.: Просвещение, 1989. С.7.

С.И. Грачев,

доктор политических наук, профессор
(Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского)

Ю.М. Баймашев,

аспирант
(Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского)

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ТЕРРОРИЗМ»

Изучение понятия «терроризм» является предпосылкой анализа концепта «терроризм», который, в свою очередь, становится переходным звеном к анализу терроризма как политического, экономического, социального и конечно же криминального явления, что является одним из основных факторов создания целостной системы в структуре противодействия терроризму в стране.

Ключевые слова: терроризм, антитерроризм, террористическая деятельность, криминальное явление, признаки терроризма, двойной стандарт.

Examining notion “terrorism” is a prerequisite of analysis of the concept “terrorism” which in its turn becomes a link to analysis of terrorism as political, economic, social, and of course, criminal phenomenon. And this kind of analysis is one of the basic factors in creation of the integral system in the structure of countering terrorism in the state.

Keywords: terrorism, antiterrorism, terroristic activity, criminal phenomenon, criteria of terrorism, double standard

Террористические акты в США осенью 2001 года и дальнейшие трагические события привлекли особое внимание мировой общественности, руководителей всех стран мира, правоохранительных органов, экспертов-международников, политологов, юристов, военных к проблеме терроризма. Современные средства массовой информации ежедневно сообщают о различных террористических проявлениях, и слова-выражения: «террористический акт», «терроризм», «международный терроризм» – постоянно фигурируют в публикациях и выступлениях журналистов, политиков и государственных и общественных деятелей. Однако «... говоря о терроризме, они часто подразумевают совершенно разные вещи. Поэто-

му, анализируя терроризм как глобальную угрозу безопасности всего человечества, необходимо попытаться дать определение, раскрывающее суть данного явления» [1]. Таким образом, изучение и анализ определения слова «терроризм» является, по нашему мнению, предпосылкой анализа концепта «терроризм», который в свою очередь становится переходным звеном к анализу терроризма уже как политического, экономического, социального и криминального явления. К тому же в современном мире, это происходит в условиях так называемых «конфликтов низкой (малой) интенсивности», «цветных революций», «управляемого хаоса», «выступлений демократических оппозиций», где совершенно не обходится

без насильственных форм воздействия, в основном в виде актов терроризма. Более того, отсутствие четкого определения терроризма становится важнейшим препятствием в разработке международного антитеррористического законодательства. По мнению профессора С.У. Дикаева, «не имея твердого представления о терроризме, невозможно прийти к согласию в формулировании направленных против него законов» [2].

Поиск «лучшего» варианта понятия «терроризм» ведется уже на протяжении длительного периода. В настоящее время, по мнению различных исследователей, число предложенных вариантов понятия «терроризм» колеблется в пределах от «более сотни» [3] до «около двухсот» [4].

Осуществить всеобъемлющий мониторинг и детальный анализ всех определений понятия «терроризм», которые были даны различными международными и государственными институтами, законодательными органами, иностранными и отечественными исследователями, весьма сложно и затратно, как по времени, так по и объему материала.

В 2003 году Антитеррористическим центром государств-участников СНГ издан Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма [5]. Согласно определениям понятий указанного словаря, «терроризм – сложное социально-политическое и *криминальное явление*, обусловленное внутренними и внешними противоречиями общественно-го развития различных стран. Представляет собой многоплановую угрозу для жизненно важных интересов личности, общества и государства, одну из наиболее опасных разновидностей политического экстремизма в глобальном и региональных масштабах. По своей социально-политической сущности терроризм представляет собой систематическое, социально или политически мотивированное, идеологически обоснованное применение насилия либо угроз применения такового, посредством которого через устрашение физических лиц осуществляется управление их поведением в выгодном для террористов направлении

и достигаются преследуемые террористами цели» [6].

В контексте рассматриваемого материала нам бы также хотелось отметить, что истоки современного терроризма (как в определенном, так и смысловом значениях), понятия «терроризм» следует искать в событиях Великой французской революции. Именно тогда и зародился сам термин «терроризм». Утверждение о том, что термин пришел из латинского языка, является, на наш взгляд, также не совсем корректным. Действительно, слово «террор» переводится с латыни как «ужас, страх». Однако в латинском языке это слово никогда не использовалось в политическом лексиконе и прикладном смысле, которое и используется ныне при характеристике актов терроризма. А самого понятия терроризм не существовало в латинском языке. Терроризм *terrorisme* изначально является французским словом (как и его производное террорист – *terroriste*). Подтверждением нашего рассуждения являются заключения профессора С.У. Дикаева: «Слово «терроризм» применялось в период Французской революции между мартом 1793 г. и июлем 1794 г. и означало «правление ужаса». Якобинцы часто употребляли понятие «терроризм» устно и письменно по отношению к себе и всегда с положительным оттенком. После 9 термидора (государственный переворот 27 июля 1794 года) слово «террорист» превратилось в синоним слова "преступник"» [7].

Английское «*terrorism*», итальянское «*terrorismo*», русское «терроризм» были напрямую заимствованы из французского языка. И к тому же первым видом терроризма стал *революционный терроризм*. Первые революционеры-террористы в Западной Европе, своими действиями стремились напугать правящую элиту, способствовать изменениям в пользу наиболее обездоленных и угнетенных слоев общества. Это еще раз доказывает то, что не стоит указывать на русские корни современного терроризма и в качестве родоначальника называть «Народную волю». Все-таки родиной современного терроризма является Франция. И основу политическому насилию положила

Великая французская революция.

Ретроспективный анализ проблемы дает основание утверждать, что подходы к выработке дефиниции понятия «терроризм» и его закрепление в национальном законодательстве зависят от того, как часто в том или ином государстве происходят акты терроризма или как часто страна, как актор, сталкивается с проблемой терроризма на международном уровне. При этом определенное количество государств после событий 11 сентября 2001 года посчитали обязательным пересмотреть свои подходы к понятию терроризм и дать ему измененное (обновленное) определение.

В марте 2006 года вступил в силу новый Федеральный закон РФ № 35-ФЗ «О борьбе с терроризмом». Разработке и принятию закона предшествовала целая серия террористических актов в период между 2001-2006 годами и особенно Бесланская трагедия 1 сентября 2004 года. Все это способствовало переоценке подходов к пониманию причин, сущности, условий и тенденций развития терроризма в XXI веке, что находило свое отражение в законодательных, нормативных и иных официальных документах. В указанном выше законе терроризм определяется как «...**идеология насилия и практика воздействия** на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [8].

Кроме того, в законе детализируется понятие **террористической деятельности**, которая определяется как «деятельность, включающая в себя: организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или

иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности» [9].

Следует выделить, что детальная градация основных направлений террористической деятельности необходима для обозначения своего рода законодательных ориентиров, в том числе и для целенаправленной деятельности специальных служб и правоохранительных органов в системе антитерроризма.

Патрик Брюно, адвокат Парижского апелляционного суда, справедливо подчеркнул по данному поводу: «Ни политики, ни университетские ученые, ни полицейские, ни журналисты, ни писатели, ни толкователи всех мастей не смогут сохранить монополию на истину по вопросам, связанным с терроризмом. С другой стороны, поскольку весь мир в равной мере сталкивается с этой проблемой, каждый имеет право знать, что означают употребляемые слова, используемые методы и достигнутые результаты в области борьбы с терроризмом, с тем чтобы лучше его понимать и делать все для борьбы с этим явлением» [10].

Вальтер Зеев Лакер, американский историк, политолог, один из крупнейших современных исследователей терроризма, отмечал: «Никого не должен сдерживать тот факт, что не существует "общей научной теории" терроризма. Общая теория а priori невозможна, потому что у этого феномена чересчур много различных причин и проявлений» [11].

Детальный мониторинг и соответствующий анализ проблемы позволяют предложить вариант общих признаков, которые в той или иной мере присутствовали в значительной части изучаемых дефиниций и которые способны отразить объективное представление о терроризме. Эти признаки заключаются в следующем:

- терроризм предполагает достижение определенной политической (меньше

экономической, социальной или иной) цели;

- применение насилия (физического, психологического);
- обязательное создание (на как можно более длительный период) обстановки страха;
- чрезвычайная опасность для общества и общественных отношений;
- создание условий, представляющих опасность для жизни, здоровья людей, сохранности имущества;
- обязательная публичность при проведении актов терроризма;
- все террористические акции должны нести пропагандистскую нагрузку;
- непосредственный вред причиняется интересам одних субъектов, а целью соответствующих общественно-опасных деяний является принуждение к определенному поведению в интересах террористов других лиц [12];
- организация и деятельность проводятся в условиях глубочайшей секретности и конспирации.

В данном контексте следует дополнить, что, по мнению ряда ученых, в последние годы в качестве отличительного признака терроризма все чаще упоминается не только политическая, но и идеологическая, в том числе и религиозная мотивация насилия [13].

Одной из основных и явно выраженных причин неудачных попыток разработать приемлемые для всех государств (универсальные) определения терроризма, является не столько поляризация мнений ученых-террологов, политологов, правоведов, как невозможность решения ряда спорных вопросов на доктринальном уровне. Это определяется нерешенностью вопросов о правомерности национально-освободительной борьбы народов; об отделении и создании новых государств; о методах вмешательства в региональные конфликты и т.п. То есть продолжает оставаться в силе так называемый «двойной стандарт». Юрист-международник Джон Витбек озвучил свое мнение по данному вопросу следующим образом: «На протяжении многих лет

люди привыкли узнавать, что один и тот же человек может быть "террористом" и "борцом за свободу". Террорист, как и красота, - это вопрос личной оценки наблюдателя» [14].

Американский юрист Чарльз Руби в свое время заметил, «что отсутствие общепринятых критериев также часто используют многие государства. К примеру, Осам Бен Ладен в 1980-е годы воевал против советских войск в Афганистане, поэтому государственные организации США, осуждавшие советскую оккупацию Афганистана, относили его к категории "борцов за свободу". После того как Ладен сделал своей главной целью США, он был отнесен к категории "террористов". Ныне многие американские эксперты склоняются к мнению, что терроризм - это не отдельный феномен, а метод достижения целей. То есть уничтожить терроризм невозможно, как невозможно, например, запретить использование артиллерии или политических митингов» [15]. А в докладе рабочей группы по разработке политики по вопросу о роли ООН в связи с терроризмом отмечалось: «В настоящее время мы, бесспорно, стали свидетелями использования терроризма как стратегии» [16]. В этом можно убедиться, пронаблюдав за событиями, которые проходят в современной Сирии и вокруг этой многострадальной страны.

Таким образом, «видимо, человечество еще не достигло того уровня, когда терроризм станет ненужным в качестве средства решения большого круга задач» [17]. К тому же слишком велик стимул со стороны отдельных государств, политических и идеологических центров подвести под данный процесс такое понимание, которое отвечает их практическим интересам. Эта тенденция «вопреки всем действующим и будущим международно-правовым договоренностям и решениям, сохранится до тех пор, пока терроризм и его смежные проявления скрытно эксплуатируются государствами в качестве инструмента "негативной дипломатии"» [18].

Необходимо отметить, что термин «терроризм» достаточно трудно определить еще и потому, что он несет в себе разнообразную смысловую нагрузку. Более того, он

обычно эмоционально окрашен, что добавляет сложности при его определении. Большинство исследователей-теоретиков, занимавшихся данной проблемой, выработали собственные рабочие формулировки, которые удовлетворяли их целям и задачам. Политики, журналисты и писатели выбирают из этих определений то, что отвечает их собственным взглядам и убеждениям [19].

Кроме того, детальный мониторинг и анализ изучаемой проблемы дает основание утверждать, что терроризм находится в состоянии постоянного видоизменения и модернизации. Это в значительной мере затрудняет деятельность по нормальной выработке согласованного и общепринятого подхода к пониманию того, что представляет собой современный терроризм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миськевич А. Терроризм как глобальная угроза современности // Центр экстремальной журналистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cjes.ru>
2. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С.9-22.
3. Устинов В. В. Россия: 10 лет борьбы с международным терроризмом. М., 2008. С.7.
4. Терроризм в современном мире/ науч. ред. Ю.М. Антонян, В.М. Шульц; Центр исслед. проблем безопасности РАН; Общественно-консультативный совет по проблемам борьбы с международным терроризмом. М., 2008. С.5
5. Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма/ под общей ред. В.Е. Петрищева. М. 2003. С.49.
6. Там же. С.12-15.
7. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. С.9-22.
8. О противодействии терроризму: Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ// Российская газета. 2006. 10 марта.
9. Там же.
10. URL: http://www.waaf.ru/index_ru.php?section=7¶graph=3&article=10
11. The Terrorism Reader: A Historical Anthology. Ed. by Walter Laqueur. Temple University Press. Philadelphia, 1983. P.183.
12. Грачев С.И. Терроризм. Вопросы теории: монография. Н. Новгород: Издательство ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007. С.41.
13. Гусев Г.Г. Межгосударственное взаимодействие в сфере борьбы с терроризмом на глобальном и региональном уровнях: автореф. к.ю.н. Пятигорск, 2013. С.12-13.
14. Joyner C. In Search of an Anti-Terrorism Policy: Lessons from the Reagan Era//Terrorism. 1988. No. 1. P.30.
15. URL: <http://uadoc.com/nitka/6.htm>
16. Доклад Рабочей группы по разработке политики по вопросу о роли Организации Объединенных Наций в связи с терроризмом. [Электронный ресурс] URL: <http://www.un.org/russian/terrorism/>
17. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера.- С.9-22.
18. Арас Дж. Терроризм вчера, сегодня и навеки. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Aras/33.php
19. Терроризм. Борьба и проблемы противодействия: учебное пособие для студентов юрид. вузов.- М.:ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С.21.

А.Е. Шалагин,
кандидат юридических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОКРЫТИЕ ИНФОРМАЦИИ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, СОЗДАЮЩИХ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЛЮДЕЙ

В статье рассматриваются объективные и субъективные признаки преступления, предусмотренного ст. 237 УК РФ. Отражена общественная опасность таких преступных деяний и их социально-негативные последствия. Предложены криминологические меры, направленные на предупреждение, пресечение и предотвращение преступлений, связанных с сокрытием информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья населения.

Ключевые слова: общественная безопасность, здоровье населения, сокрытие информации, социально значимая информация, экологическая катастрофа, техногенная авария.

The paper deals with objective and subjective elements of crime, provided for in article 237 of the Criminal Code of the Russian Federation. Social danger of such criminal acts and their socially negative consequences are reflected. Criminological means of prevention and suppression of crimes, connected with hiding information about circumstances constituting threat for public security and population health, are suggested.

Key words: public security, population health, information hiding, socially important information, ecological catastrophe, technogenic accident.

Социально значимая информация – это правовые акты, затрагивающие права и свободы человека и гражданина, а также устанавливающие правовое положение организаций и полномочия государственных органов, органов местного самоуправления; информация о состоянии окружающей среды, а также об использовании бюджетных средств (за исключением сведений, составляющих государственную или служебную тайну); информация, накапливаемая в открытых фондах библиотек, музеев и архивов, недопустимость ограничения доступа к которой установлена федеральными законами [1].

К преступлениям, посягающим на социально значимую информацию, следует отнести: отказ в предоставлении гражданину информации (ст.140 УК РФ); воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст.144 УК РФ); злостное уклонение от предоставления инвестору или контролирующему органу информации, определенной законодатель-

ством РФ о ценных бумагах (ст.1851 УК РФ); неправомерные действия при банкротстве (ст.195 УК РФ); фиктивное банкротство (ст.197 УК РФ); сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ст.237 УК РФ).

Объектом преступлений, связанных с непредставлением уполномоченными субъектами социально значимой информации, следует признать общественные отношения, охраняющие право населения, государственных или муниципальных органов, а также конкретных граждан получать информацию о событиях, фактах, явлениях и процессах, которые могут представлять опасность и причинить существенный вред жизни, здоровью, правам, свободам и законным интересам людей. Именно такая информация должна признаваться социально значимой, обязывающей ее обладателя своевременно, объективно и полно предоставлять требуемые сведения [2, С.117-118].

В настоящей статье уголовно-правовому и криминологическому анализу будет

подвергнута норма, предусматривающая ответственность за сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для окружающей среды, а также здоровью населения. Здоровье населения в уголовно-правовом контексте представляет собой охраняемую уголовным законом, обособленную группу общественных отношений, отражающих физическое и психическое благополучие людей, проживающих на одной территории, объединенных общими условиями жизнедеятельности, труда и отдыха [3, С.29].

Конституцией Российской Федерации определено, что органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому гражданину возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ст.24); сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность, предусмотренную законом (ст.41) [4, С.44]. Рост научно-технических и производственных процессов, которыми отмечены XX и XXI столетия, позволяет прогнозировать дальнейшее ухудшение экологической обстановки, падение уровня защищенности населения от воздействия неблагоприятных факторов крупных мегаполисов, увеличение наряду с природными катаклизмами доли опасностей техногенного и социального характера.

В соответствии с Законом Российской Федерации от 30 марта 1999 г. № 52 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (в ред. от 25 июня 2012 г.) [5] граждане Российской Федерации имеют право на получение от организаций и их должностных лиц полных и достоверных сведений:

- о состоянии среды обитания и здоровья населения, эпидемиологической обстановке, действующих санитарных и гигиенических правилах;

- о принимаемых мерах по санитарно-эпидемиологическому благополучию населения;

- о качестве товаров, работ и услуг, предоставляемых гражданам.

В Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 25 июня 2012 г.) [6] определено, что граждане имеют право на регулярное получение достоверной и своевременной информации о фактах, способствующих сохранению здоровья или оказывающих на него вредное воздействие, включая сведения о состоянии района проживания, рациональных нормах питания, качестве воды и пищевых продуктов, товаров народного потребления и их соответствии нормативам (стандартам).

Установление в Уголовном кодексе РФ ответственности за сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей (ст.237 УК РФ), является уголовно-правовой гарантией права граждан на получение своевременной и исчерпывающей информации о любых обстоятельствах, имеющих значение для их жизнедеятельности. *Трагедия в Чернобыле (СССР), авария на химическом заводе в Севезо (Италия), выброс цианистых соединений в Бхопале (Индия), заражение питьевой воды в Бангладеш, гибель Аральского моря (Казахстан), авария на АЭС Фукусима (Япония) – результат человеческой деятельности, который привел к экологической катастрофе, человеческим жертвам и изменению среды обитания человека. Ученые многих стран пытаются ответить на вопрос, как можно предупредить и не допустить подобных инцидентов в будущем.*

Предметом преступления, предусмотренного ст.237 УК РФ, являются сведения о событиях, фактах и явлениях, создающих опасность для жизни или здоровья людей либо для окружающей природной среды. В частности, к ней относится информация о чрезвычайных природных или техногенных ситуациях, массовом загрязнении воды, воздуха, погодных аномалиях, вспышках инфекционных заболеваний, обнаружении источников радиации, химического заражения, криминогенной ситуации в регионе [7, С.730]. Само понятие информации

дается в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8].

Государственные информационные ресурсы России являются открытыми и общедоступными. Исключение составляет информация, отнесенная законом к категории ограниченного доступа, которая, по условиям ее правового режима, подразделяется на отнесенную к государственной тайне и конфиденциальную информацию. К информации с ограниченным доступом запрещено относить сведения о чрезвычайных ситуациях, экологическую, метеорологическую, демографическую, санитарно-эпидемиологическую и другую информацию, необходимую для обеспечения безопасного функционирования населенных пунктов, производственных объектов, безопасности граждан и населения в целом.

Безопасность жизни и здоровья граждан зависит от многих факторов. К их числу следует отнести биологические (вирусные, бактериальные, паразитные), химические и физические (шум, вибрация, ультразвук, инфразвук, тепловые, ионизирующие и иные излучения), социальные (питание, водоснабжение, условия труда и отдыха), а также другие, оказывающие воздействие на человека и окружающую среду [9, С.21].

Причиной возникновения общественно опасных последствий являются не только объективные и субъективные факторы, а также отсутствие достоверной и полной информации, способной повлиять на жизнедеятельность населения [10, С. 544]. Например, своевременное информирование граждан о наводнении в г. Крымске Краснодарского края в 2012 году позволило бы принять экстренные меры и минимизировать вред, причиненный людям и их имуществу.

Основным объектом преступления выступает здоровье населения, дополнительным – конституционное право граждан на получение достоверной и полной информации, а факультативным – здоровье отдельной личности [11, С.501].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст.237 УК РФ, выражается в сокрытии или искажении информации. Под сокрытием информации следует понимать как умалчивание о событиях, фактах и явлениях, создающих опасность для жизни и здоровья граждан (окружающей среды), так и поведение должностного лица, выразившееся в отказе предоставить информацию, принятие решения о ее засекречивании (признание сведений государственной, военной, служебной или коммерческой тайной).

Искажение информации – это предоставление не соответствующих действительности сведений об опасности, усыпляющей внимание, бдительность людей (например, сообщение в средствах массовой информации о том, что уровень радиации не создает опасности для жизни и здоровья населения, тогда как в реальной действительности он превышает допустимые нормы).

Состав рассматриваемого преступления является формальным. Преступное деяние считается оконченным с момента сокрытия или искажения информации. Наступление каких-либо опасных последствий в рамках основного состава преступления не требуется. Количество зарегистрированных преступлений в Российской Федерации по ст.237 УК РФ и число лиц, привлеченных к ответственности по этой категории дел, за 2006-2012 гг. см. (в табл. 1) [12].

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Цели и мотивы квалифицирующего значения не имеют. Субъект преступления – специальный, т.е. лицо, обязанное обеспечивать соответствующей информацией население, и органы, уполномоченные на принятие мер по устранению опасности. Это могут быть руководители СМИ, сотрудники государственных органов и органов местного самоуправления, администрация предприятий и учреждений, работники специальных служб и инспекций. Эта обязанность может вытекать из закона, нормативных правовых актов либо из должностных инструкций.

Таблица 1.

Год	Количество зарегистрированных преступлений по ст.237 УК РФ	Выявлено лиц, совершивших преступление по ст.237 УК РФ	Зарегистрировано преступлений по наиболее тяжкому составу (ч.2 ст.237 УК РФ)
2006	7	9	5
2007	7	12	4
2008	3	8	5
2009	4	7	1
2010	6	4	3
2011	7	9	6
2012	9	6	4

Должностное лицо – постоянно или временно осуществляющее функции представителя власти, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, а также в Вооруженных Силах, правоохранительных органах Российской Федерации [13, С.12].

В части 2 ст.237 УК РФ предусмотрен квалифицированный состав за сокрытие или искажение информации лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, либо если в результате таких деяний причинен вред здоровью человека или наступили иные тяжкие последствия.

Причинение вреда здоровью человека предполагает вред любой тяжести, в том числе заражение инфекционными, профессиональными, иными заболеваниями, отравление людей. Иные тяжкие последствия – существенное нарушение экологической обстановки (например, загрязнение воздуха, воды, земли, уничтожение флоры и фауны и т.д.), нарушение нормального жизнеобеспечения населения [14, С.481]. Во всех перечисленных случаях необходимо устанавливать причинно-следственную связь между сокрытием или искажением инфор-

мации и наступившими последствиями.

В Российской Федерации создана единая система ликвидации и предупреждения чрезвычайных ситуаций, которая объединяет силы и средства федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, предприятий и учреждений, в полномочия которых входит обеспечение общественной безопасности, организация своевременного оповещения и информирования населения о складывающейся ситуации, минимизация негативных последствий.

Бездействие должностных лиц и других субъектов, обязанных предоставлять населению или отдельным гражданам информацию, требуют квалифицированной юридической оценки и своевременного реагирования, в том числе на основе административных и уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за различные формы утаивания социально значимой информации [15, С.5].

Выявление административных правонарушений, предусмотренных ст.8.5 КоАП РФ (сокрытие или искажение экологической информации), может рассматриваться как эффективная мера предупреждения преступлений, указанных в ст.237 УК РФ. К мерам предупреждения таких преступлений следует отнести:

- профилактику правового инфантилизма и нигилизма;

- повышение уровня общественного правосознания;
- борьбу с коррупцией и должностными злоупотреблениями;
- искоренение в сфере государственной и муниципальной службы таких явлений,

- как протекционизм, фаворитизм, nepотизм;
- принятие и реализацию административных регламентов;
- контроль за деятельностью должностных лиц и принятием ими управленческих решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь финансовых и юридических терминов: интернет версия системы Консультант Плюс URL: <http://www.consultant.ru>
2. Грошиков К.К. Социально значимая информация и ее уголовно-правовая охрана: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 144 с.
3. Шалагин А.Е. Преступления против здоровья населения: понятие, виды, общественная опасность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 3(5). С.28-33.
4. См.: Борисов А.Б. Комментарий к Конституции РФ. М.: Книжный мир, 2010.
5. СЗ РФ. 1999. № 14. Ст.2436; 2003. № 27. Ч.1. Ст.2700; 2012. № 26. Ст.3446.
6. СЗ РФ 2011. № 48. Ст.6724; 2012. № 26. Ст.3446.
7. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный)/ отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005.
8. СЗ РФ. 2006. № 31 (ч.1). Ст.3448.
9. См.: Любавина М.А. Предмет преступления, предусмотренного ст.237 УК РФ // Криминалист. 2012. № 1. С.20-26.
10. См.: Уголовное право. Особенная часть: учебник/ отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. М.: Юрайт, 2012.
11. Уголовное право России. Особенная часть: учебник/ под ред. Ф.Р. Сундунова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012.
12. ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» URL: <http://www.mvd.ru>
13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. М.: Омега-Л, 2013.
14. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И.В. Шишко. М.: Проспект, 2012.
15. См.: Грошиков К.К. Уголовная ответственность за утаивание социально значимой информации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М.: РПА МЮ РФ, 2009.

Е.В. Демидова-Петрова,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СИРОТСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

В настоящей статье предлагается авторское определение социального сироты, рассматриваются причины социального сиротства в Республике Татарстан. Выявлены основные причины уходов несовершеннолетних из дома, причины побегов воспитанников из государственных учреждений.

Ключевые слова: социальный сирота, несовершеннолетний, воспитание, безнадзорность, семья, преступность.

In the present article authors definition social is offered to the orphan, the reasons social in the Re-public of Tatarstan are considered. The main reasons escapes minors from the house, the reason of escapes of pupils from public institutions are established.

Key words: social orphan, minor, education, neglect, family, criminality.

Одной из проблем современного мира является проблема воспитания подрастающего поколения, что в полной мере касается и современной России.

Прогнозы специалистов свидетельствуют о том, что в недалекой перспективе ожидается ее дальнейший рост, прогнозируется рост преступности несовершеннолетних.

Сегодня мир вступил в XXI век, но, к сожалению, особую актуальность представляет проблема детей, ставших в силу разных причин беспризорными и оторванными от полноценной жизни.

В последние годы увеличивается количество детей и подростков, воспитывающихся в различных государственных учреждениях, а именно: в домах ребенка, детских домах, школах-интернатах и т.д. Следует отметить, что у большинства этих несовершеннолетних имеются родители, которые либо лишены родительских прав, либо уклоняются от их воспитания, либо вообще от них отказались. Проблема жестокого воспитания детей существует не только в семьях, но и в перечисленных выше государственных учреждениях. Не выдерживая подобного обращения, дети и подростки зачастую покидают данные учреждения. Оказавшись

на улице, они пополняют ряды беспризорных, как правило, вовлекаются в употребление алкогольных напитков, наркотических и психотропных веществ, а также втягиваются в совершение преступных деяний.

Среди социальных пороков российского общества наибольшую тревогу вызывают такие явления, как социальное сиротство, детская заброшенность, жестокое обращение с детьми, беспризорность и бродяжничество, наркомания, а также рост преступности среди малолетних граждан [1]. Данные явления требуют от государства и общества особо пристального внимания и неотложных мер, связанных с социальной реабилитацией детей, оказавшихся в особо трудных жизненных условиях.

Изменение экономических отношений в постсоветский период в России повлекло за собой ряд существенных перемен в социальной жизни общества. Появились новые социальные группы и новые социальные отношения. Общество сильно поляризовалось; при этом небольшая часть населения оказалась в значительном «выигрыше», а основная – не только проиграла, но интенсивно скатывается в сторону бедности и обнищания. Страдающими группами стали

наиболее слабые – дети и престарелые. Половина детей проживает в бедных семьях с доходами ниже прожиточного минимума [2]. В них дети не только лишены удовлетворительного питания, но становятся обузой для семьи и получают характеристику «лишних».

В российской действительности появилось такое явление, как социальное сиротство.

В любом государстве и любом обществе всегда были, есть и будут дети-сироты и дети, которые по разным причинам остаются без попечения родителей. Ребенок, потерявший родителей, – это особый, по-настоящему трагический мир. Потребность иметь семью, отца и мать – одна из сильнейших потребностей ребенка. В силу своей незащищенности дети и подростки значительно чаще и легче всего могут стать жертвами преступления, так как обладают повышенной виктимностью, т.е. способностью становиться жертвой преступного посяательства. Сегодня, в современной России, как нам представляется, существует реальная опасность, что беспризорные, безнадзорные дети и социальные сироты могут стать жертвами незаконной трансплантации органов и тканей человека, так как они относятся к наименее социально защищенной категории граждан страны.

Проблема социального сиротства является одной из острейших, массовых и социально опасных в Российской Федерации. С каждым годом увеличивается число детей, оставшихся без попечения родителей. Если в 1998 году было 620,1 тысячи детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, то в 1999 году их число составило 638,2 тысячи, в 2000 году – 662,8 тысяч, а в 2003 году – уже 700,9 тысяч, тогда как в послевоенные годы во всем СССР насчитывалось 678 тысяч детей-сирот. В 2004 году их доля среди несовершеннолетних составляет около 2,5%. Этот показатель не включает беспризорных детей, поскольку сегодня в Российской Федерации ни одно ведомство, занимающееся ими (МВД, министерства образования и науки, здравоохранения, социальной защиты), не имеет точных данных об их количестве [3]. По разным оценкам, в нашей стране число беспри-

зорных детей колеблется от 2 до 5 млн (при общей численности детей в России около 30 миллионов). Большая часть из них уходит из неблагополучных семей, где родители о них не заботятся, следовательно, дети относятся к категории социальных сирот.

В настоящее время в научной литературе, теоретических исследованиях, а также в обиходной речи широко используются два понятия: сирота (сиротство) и социальная сирота (социальное сиротство).

Дети-сироты – это дети в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель.

Итак, нам представляется, социальным сиротой является ребенок, имеющий биологических родителей, которые в силу различных причин не выполняют своих обязанностей по его воспитанию и содержанию, в результате чего риск криминогенной деформации личности несовершеннолетнего возрастает в значительной мере.

Социальное сиротство – это социальное явление, обусловленное наличием в обществе детей, оставшихся без попечения родителей вследствие лишения их родительских прав, признания родителей недееспособными, безвестно отсутствующими и т.д.

К сожалению, беспризорные, безнадзорные дети и социальные сироты в настоящее время являются наиболее уязвимым слоем современного общества. Это граждане, попавшие в трудную жизненную ситуацию, не имеющие достаточно средств для удовлетворения хотя бы самых минимальных жизненных потребностей.

За 2012 год, по сведениям Министерства внутренних дел по Республике Татарстан, в розыск было объявлено 196 несовершеннолетних, что существенно меньше, чем в 2011 году (299 детей). Из них 128 детей ушли из дома, 68 – из государственных учреждений.

По состоянию на 1 января 2013 года в розыске оставалось 29 детей, из них 12 скрываются по причине совершения правонарушений.

Основными причинами уходов несовершеннолетних из дома являются:

- 1) конфликты детей с родителями;

- 2) безнадзорность со стороны родителей;
- 3) конфликты с учителями, воспитателями и сверстниками;
- 4) трудности в школьной адаптации;
- 5) семейное неблагополучие (пьянство родителей, скандалы, драки);
- 6) возрастной кризис и т.д.

Одной из основных причин побегов воспитанников госучреждений является желание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, встретиться с родными и близкими. Второй по распространенности причиной побегов является конформное поведение, т.е. приобщение к группе воспитанников, совершающих самовольные уходы «за компанию». На третьем месте стоит протестное поведение как реакция на необходимость соблюдения дисциплинарных требований и режима учреждения. Четвертое место среди причин побегов занимает желание детей привлечь к себе внимание взрослых. На пятом – проблемы с учебой.

Согласно анализу оперативных сводок Министерства внутренних дел Республики Татарстан, ежедневно поступающих Уполномоченному по правам ребенка Республики Татарстан, за прошедший 2012 год зафиксировано 437 фактов самовольного ухода несовершеннолетних, из них 147 фактов связано с уходом из различных учреждений, 290 фактов – из семьи.

Наибольшее количество фактов самовольного ухода из учреждений в 2012 году наблюдалось в следующих учреждениях:

- 1) Лениногорский детский дом – 29 фактов, из которых 11 уходов совершил воспитанник Б., 1996 г. р.;
- 2) Нижнекамский детский дом – 20 фактов, из которых 9 уходов совершила воспитанница В., 1995 г. р.;
- 3) Чистопольский детский дом – 12 фактов, из которых 5 уходов совершил воспитанник С., 1996 г. р.;
- 4) Кировский детский дом – 10 фактов, из которых 4 ухода совершил воспитанник А., 1997 г.р., и 3 ухода – воспитанник Ф., 1996 г. р.

Среди «домашних бегунков» самое большое количество уходов совершили

П., 2001 г. р., из г. Набережные Челны (6 раз), и Д., 1996 г. р., из Кайбицкого района (3 ухода).

В более чем половине случаев ухода детей местонахождение было установлено в первые трое суток.

Данная ситуация говорит о том, что осуществляемая деятельность по профилактике, предупреждению и пресечению самовольных уходов подростков как из семей, так и из учреждений является недостаточной. Представляется необходимым по всем фактам самовольных уходов несовершеннолетних проводить проверки с выяснением причин и условий, побудивших несовершеннолетних к совершению уходов, принимать меры к их устранению.

Самовольные уходы детей из семьи свидетельствуют о неблагополучной обстановке в семье в силу разных причин. Такие семьи должны ставиться на социальный патронат с целью оказания содействия в нормализации ситуации в семье.

На сегодняшний день количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Республике Татарстане остается достаточно стабильным на протяжении последних лет и составляет 1,6% от общего детского населения республики.

Из них только 16-18% – это собственно дети-сироты, то есть дети, оставшиеся без родительской заботы ввиду смерти родителей. Остальные 82-84% – это дети, оставшиеся без попечения родителей, или так называемые социальные сироты, то есть сироты при живых родителях.

Общее количество ежегодно выявляемых детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, уменьшается.

При этом доля социальных сирот в общем количестве ежегодно выявляемых детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, остается стабильной и составляет также 80-86% [4].

В настоящее время в Республике Татарстан основной причиной социального сиротства является лишение детей попечения единственного или обоих родителей в связи с лишением либо ограничением родителей в родительских правах – это 90%.

Лишение или ограничение родительских прав, согласно семейному законодательству, осуществляется ввиду уклонения родителей от выполнения своих родительских обязанностей по воспитанию ребенка, отказа без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома либо иного лечебного, воспитательного, социального и другого аналогичного учреждения, злоупотребления своими родительскими правами, жестокого обращения с детьми, алкоголизмом или наркоманией родителей. В связи с чем лишение или ограничение родительских прав родителей всегда означает детское и семейное неблагополучие.

Отказ без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома является одной из причин социального сиротства [5].

С 2009 года отмечается постепенная положительная динамика уменьшения числа случаев отказа матерей забрать своих новорожденных детей из роддома.

Причинами отказов являются, как правило, болезнь ребенка, болезнь матери и трудная финансово-материальная жизненная ситуация семьи.

В 2012 году в республике 125 из 129 отказных новорожденных были устроены в семьи. Это происходит ввиду особой «востребованности» детей младенческого возраста среди кандидатов в усыновители, приемных родителей. С другой стороны, это говорит о надлежащем образом организованной работе по оперативному семейному устройству детей, оставшихся без попечения родителей.

Одной из наиболее рискованных групп мам, способных отказаться от ребенка, являются несовершеннолетние мамы [6].

Исходя из статистических данных Уполномоченного по правам ребенка Республики Татарстан, в 2012 году в Татарстане из 323 родов несовершеннолетних девочек только 3 закончились отказом от ребенка.

Подростковая беременность практически всегда нежелательна для них самих и родственников, так как юные матери сами еще дети, не сформировавшиеся полностью как морально, так и физически. При этом, учитывая несовершеннолетний воз-

раст юных мам, необходимо понимать, что без соответствующей поддержки и помощи родителей, близких, медицинских и социальных служб девочки не смогут достойно выйти из трудной для них жизненной ситуации. Такая помощь и поддержка являются шансом для новорожденного ребенка на сохранение кровной семьи.

Необходимо обратить особое внимание на то, что основной причиной социального сиротства в Республике Татарстан, как и в Российской Федерации в целом, продолжает оставаться неблагополучие семьи.

Сегодня в Республике Татарстан 3 523 семьи находятся в социально опасном положении. К сожалению, в подобных семьях воспитывается 6 005 детей [7]. Это дети группы риска. В условиях отсутствия должной родительской заботы необходимо создать эффективные государственные механизмы, с одной стороны, их защиты, а с другой – преодоления семейного неблагополучия с целью сохранения для ребенка его кровной семьи.

Следует отметить, что в Республике Татарстан действуют инновационные модели защиты детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, по профилактике семейного неблагополучия и социального сиротства, восстановлению благоприятной для воспитания ребенка семейной среды.

Главным критерием оценки эффективности проводимой профилактической работы следует считать сокращение количества социальных сирот. Статистика количества ежегодно выявляемых детей, оставшихся без попечения родителей, свидетельствует о подобном сокращении.

Однако в структуре общего количества детей категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, социальные сироты продолжают стабильно занимать долю более чем 80% [8].

В настоящее время в Республике Татарстан функционирует 21 социальный приют для детей и подростков. Приоритетной задачей подобных приютов является оказание экстренной социальной помощи несовершеннолетним, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. В связи с этим

они призваны оказывать социальную, психологическую и иную помощь несовершеннолетним, их родителям (законным представителям) в ликвидации трудной жизненной ситуации, содействовать возвращению несовершеннолетних в семьи.

Необходимо констатировать тот факт, что возврат ребенка в семью возможен только в случае успешной реабилитации семьи, которая должна осуществляться соответствующими социальными службами параллельно с реабилитацией ребенка в приюте. Однако знакомство с личными делами многих воспитанников детских домов, социальных приютов демонстрирует печальные судьбы детей, неблагополучие которых, к сожалению, носит не разовый и эпизодический характер.

Дети живут в приютах годами, поскольку возврат в семью, с которой не осуществлялось эффективных реабилитационных мероприятий, в которой семейное неблагополучие не преодолено, приводит к тому, что ребенок вновь оказывается в приюте [9].

Безусловно, есть такие сложные семейные ситуации, помочь в решении которых не смогут никакие даже самые совершенные технологии, подходы. Однако шанс на реабилитацию, на помощь государственных и муниципальных служб в преодолении трудной жизненной ситуации должен быть у каждой неблагополучной семьи. Это в интересах детей. При этом в интересах же детей четкое регламентирование данной работы с целью исключения формализма и многолетней безрезультатной и бессмысленной волокиты в реабилитационной работе с каждым случаем семейного неблагополучия.

В ситуации невозможности сохранения для ребенка его родной семьи, когда его право на проживание в кровной семье приходит в противоречие со всеми остальными его правами, безусловным приоритетом дальнейшего его жизнеустройства является поиск замещающей семьи.

В 2012 году в Республике Татарстан отмечается относительно стабильная ситу-

ация в вопросе семейного устройства детей-сирот, более 90% которых проживают и воспитываются в семьях [10].

К сожалению, не всем детям, оставшимся без попечения родителей, удастся найти семью. Когда устройство ребенка в семью не предоставляется возможным, дети помещаются в интернатные учреждения. При этом форму такого устройства следует рассматривать как временную меру, не исключающую необходимость поиска ребенку семьи.

На 01.01.2013 в региональном банке данных состояли на учете 1 116 детей, оставшихся без попечения родителей, из них воспитываются (обучаются): в домах ребенка – 110 человек; в детских домах и школах-интернатах – 576 человек; в домах-интернатах – 220 человек; в учреждениях профессионального образования – 191 человек; в других учреждениях различных ведомств – 19 человек.

В течение 2012 года в Республике Татарстан в Дом ребенка, где воспитываются дети до 4 лет, поступило 190 детей, а выбыло 196, из них в кровные семьи 42 ребенка, усыновлены 49 детей, под опеку, в приемные семьи – 66 детей.

В 12 детских домов и 2 специальные (коррекционные) школы-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в 2012 году прибыло 229 детей, а выбыло 319. Из них 167 детей были переданы на воспитание в семьи, в том числе под опеку (попечительство) – 95 человек, в приемные семьи – 56 человек, 3 – усыновлены и 13 человек вернулись в кровные семьи [11].

Итак, за последние пять лет в Республике Татарстан более чем на 36 % уменьшилось количество государственных учреждений для детей-сирот, а это 8 детских домов, на 54% – численность детей, находящихся в этих учреждениях [12]. Данные показатели наглядно иллюстрируют нам, что работа по сокращению количества указанных учреждений ведется поэтапно, по мере создания необходимых условий для устройства детей в семьи граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чурилова Л.С. Особенности социализации дезадаптированных детей в трансформирующемся обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2003. С.5.
2. Бреева Е.Б. Социальное сиротство. Опыт социологического обследования // Социс. 2004. № 4 (240). С.45.
3. Там же.
4. Доклад «О деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Республике Татарстан и соблюдению прав и законных интересов ребенка в Республике Татарстан в 2012 году». Казань, 2013. С.99.
5. Там же. С.101.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же. С.109.
11. Там же.
12. Там же. С.112.

М.В. Гусарова,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
ПОРНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ:
АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ С УЧЕТОМ
ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье представлен анализ уголовно-правовых норм в сфере незаконного оборота порнографической продукции, особенности квалификации указанных деяний по Уголовному кодексу Российской Федерации. Автором внесены предложения по совершенствованию отечественного законодательства в области борьбы с незаконным оборотом порнографической продукции.

Ключевые слова: порнографические материалы или предметы, порнографическая продукция с изображениями несовершеннолетних

The analysis of criminal law standards in the sphere of illegal traffic of pornographic production, features of qualification of the specified acts according to the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: pornographic materials or objects, pornographic production with images of minors.

Исторически сложилось полярное отношение общества к существованию и, особенно, презентации порнографической продукции: от принятия частью социума отдельных проявлений порнографии до резкого его отрицания. Несмотря на то, что сексуальные функции составляют естественные потребности человека, развитие человеческого общества предполагает регулирование сексуальных отношений, в том числе регламентацию оборота порнографической продукции. Для защиты общественной нравственности в данной сфере установлены уголовно-правовые запреты на определенные действия с порнографическими материалами или предметами.

Актуальность данного аспекта очевидна. Индустрия порнографии (порнобизнес) в США с середины 90-х гг. прошлого века считается третьим по величине источником прибыли организованной преступности. На территории Российской Федерации незаконный оборот порнографической продукции в настоящее время также приобрел гигантские масштабы. Ситуация осложняется повсеместным использованием информационно-телекоммуникационной сети

Интернет, при помощи которой возможно не только мгновенно передавать порнографию в любую точку мира, но и создавать порнографические материалы. При этом вовлеченными в их изготовление всё чаще оказываются несовершеннолетние. Опросы показали, что информацию порнографического характера содержит 30% спама [3, 26] и большая часть незатребованных почтовых сообщений.

Уголовное законодательство Российской Федерации в статьях 242-242.2 устанавливает ответственность за действия, сопряженные с порнографической продукцией. Последние изменения в указанные нормы внесены Федеральным законом № 14-ФЗ от 29.02.2012, и до настоящего времени выработанная практика применения данных норм отсутствует.

Нормы об ответственности за действия с порнографической продукцией содержатся в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» – в главе 25 УК РФ. Видовым объектом указанной главы является здоровье населения и общественная нравственность. В уголовных законодательствах развитых

зарубежных стран общественно опасные деяния, связанные с изготовлением, распространением и оборотом порнографических материалов или предметов, преимущественно содержатся в главах, объединяющих преступления против половой свободы (преступления сексуального характера), либо против нравственности (сексуальной морали). Так, рассматриваемые деяния в уголовных законодательствах Аргентины и Испании расположены в разделе «Против половой свободы» [5, 63]; Норвегии – в разделе «Преступления сексуального характера» [7, 191-192]; Швейцарии – в разделе «Преступные деяния против половой неприкосновенности» [8, 74]. В ряде стран рассматриваемая категория преступлений позиционируется именно как деяния против нравственности и располагается в уголовных законодательствах в соответствующих разделах: «Публичные оскорбления общественной нравственности» (Бельгия) [6, 235], «Преступные деяния против нравственности» (Австрия) [4, 93].

По нашему мнению, видовым объектом преступлений в сфере незаконного оборота порнографических материалов или предметов, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, обоснованно является общественная нравственность. Преступное посягательство при незаконных действиях с порнографической продукцией причиняет вред (создает угрозу причинения вреда) прежде всего основам нравственности как историческому и культурному базису общества, и именно на данный объект должно быть сфокусировано внимание при анализе указанных правовых норм и соответствующей квалификации деяний.

Непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст.242, 242.1, 242.2 УК РФ, являются общественные отношения в сфере нравственности половых отношений как формы функционирования общества с присущей ей системой принципов и правил поведения в области взаимоотношений полов и полового воспитания. Дополнительным непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие права и законные интере-

сы несовершеннолетних.

Исторически изменчивый характер порнографической продукции во многом объясняет сложность однозначного закрепления названного понятия на законодательном уровне. «Непристойность», «циничность», «вульгарность» – являются по своей сути оценочными понятиями, содержание которых зависит от сложившихся в определенном обществе моральных норм и взглядов на нравственность. По нашему мнению, под порнографическими материалами или предметами необходимо понимать любой элемент материального мира, содержащий детальную демонстрацию половых органов либо полового акта, не обладающий при этом культурной, научной и исторической ценностью и являющийся по своей сути оскорбительным для общественной нравственности.

Предметом преступлений, предусмотренных ст.242, 242.1, 242.2 УК РФ, могут быть изображения (фотографии, рисунки, слайды, кино- и видеоматериалы и т. п.), печатные издания (книги, журналы, газеты, статьи и т. п.), отдельные предметы (статуэтки, макеты половых органов и т. п.) и прочая продукция, в том числе аудиоматериалы.

Кратко отметим основные положения норм об ответственности за действия с порнографической продукцией, а также их соответствие современной действительности и сложности квалификации.

Как отмечено выше, уголовно-правовые запреты в сфере незаконного оборота порнографической продукции неоднократно претерпевали изменения. Федеральным законом № 14-ФЗ от 29.02.2012 в статью 242 УК РФ «Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов» включены незаконное перемещение через Государственную границу Российской Федерации в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования, а также публичная демонстрация в качестве самостоятельного действия. Кроме того, законодатель ввел квалифицирующие признаки, закрепленные в ч.2 и 3 указанной статьи. Согласно части 2 ст.242 УК РФ повышенная ответственность предусмотрена

за распространение, публичную демонстрацию или рекламирование порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних либо вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Часть 3 содержит три признака: а) группой лиц по предварительному сговору; б) с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет); в) с извлечением дохода в крупном размере.

Указанные изменения следует признать необходимыми с точки зрения соответствия современным реалиям. Так, оборот порнографической продукции в ряде случаев является транснациональным деянием, что повышает его общественную опасность. В связи с этим перемещение через Государственную границу Российской Федерации в качестве самостоятельного действия, а также особая ответственность для лиц, занимающихся оборотом порнографической продукции в коммерческих целях (ч.3 ст.242 УК РФ), позволят адекватно реагировать на совершение преступных деяний в рассматриваемой сфере.

Вместе с тем необходимо отметить недоработки ст.242 УК РФ, затрудняющие квалификацию оборота порнографии. Так, в рассматриваемой норме по-прежнему отсутствует ответственность за хранение порнографической продукции в целях распространения, что снижает ее общую эффективность: порнографическая продукция, находящаяся на складах и явно пред-назначенная для последующей продажи, не подлежит конфискации, а к ее владельцам невозможно применить меры уголовной ответственности.

Основной же недоработкой статьи 242 УК РФ остается наличие в диспозиции признака «незаконности» перечисленных действий, в условиях отсутствия перечня законных действий в данной сфере. Сложилась юридически некорректная ситуация: исходя из формулировки и содержания ст.242 УК РФ получается, что существуют

законные действия с порнографическими материалами или предметами, но фактически, при отсутствии соответствующих правоустанавливающих документов, данные действия на законных основаниях осуществляться не могут.

Выход из сложившейся ситуации представляется двояким: необходимо либо исключить из названия и диспозиции нормы, предусмотренной ст.242 УК РФ, слова «незаконные», либо принять законопроект, раскрывающий содержание «законных» действий с порнографическими материалами или предметами и устанавливающий порядок их осуществления. Ряд авторов отстаивает позицию, что слова «незаконные» нужно исключить из ст.242 УК РФ и тем самым поставить любые действия с порнографией вне закона [2, 78]. По-нашему мнению, следует принять федеральный закон «О противодействии распространению порнографических материалов или предметов», содержащий официальное определение порнографии и раскрывающий содержание «законных» действий с порнографическими материалами или предметами. В том числе в этом законе должен быть указан перечень конкретных действий с порнографической продукцией, разрешённых на территории Российской Федерации.

Статья 242.1 УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» первоначально предусматривала следующие уголовно-наказуемые действия с материалами или предметами с порнографическими изображениями несовершеннолетних: изготовление, хранение, перемещение через Государственную границу Российской Федерации, распространение, публичная демонстрация, рекламирование, а также привлечение несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера. С учетом последних изменений использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов, в том числе привлечение указанных лиц в качестве исполнителей для участия

в зрелищных мероприятиях порнографического характера, составляют новую норму – статью 242.2 УК РФ. Значимость введения статьи 242.2 УК РФ состоит в обращении повышенного внимания на общественную опасность использования несовершеннолетнего в качестве модели или исполнителя в мероприятиях порнографического свойства. Задача повышенной охраны несовершеннолетних от указанных действий достигается, в числе прочего, посредством относительно суровых санкций статьи: ч.1 ст.242.2 УК РФ предполагает лишение свободы на срок от трех до десяти лет, часть 2 – лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, что, безусловно, является полностью оправданным.

Часть вторая статьи 242.1 УК РФ содержит следующие квалифицирующие признаки: а) в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста; б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в) с извлечением дохода в крупном размере; г) с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

Квалифицирующий признак, предусматривающий совершение рассматриваемого деяния «с извлечением дохода в крупном размере», введен Федеральным законом № 215-ФЗ от 27.07.2009. Последние изменения, внесенные в квалифицирующие признаки рассматриваемой нормы Федеральным законом № 14-ФЗ от 29.02.2012, имеют, на наш взгляд, свои положительные и отрицательные стороны. Так, положительным следует считать ужесточение ответственности за действия с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (п.«г», ч.2 ст.242.1 УК РФ). Мониторинг показал, что каждый пятый ребенок, проводящий время в online чатах, подвергается сексуальному домогательству, а 70% преступников, осужденных по преступлениям, связанным с сексуальной

эксплуатацией детей, использовали в своих намерениях Интернет [1, 67-68].

Наряду с указанными положительными изменениями, дискуссионным следует считать исключение из квалифицирующих признаков статьи 242.1 УК РФ пункта, предусматривающего ответственность за совершение деяний родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного или иного учреждения, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним. Учитывая, что реализация преступного намерения у данной категории лиц существенно облегчается, данный пункт являлся справедливым и оправданным.

Редакция статьи 242.2 УК РФ устанавливает ответственность за использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов, а также привлечение несовершеннолетнего в качестве исполнителя для участия в зрелищном мероприятии порнографического характера. Квалифицирующие признаки данной нормы схожи с рассмотренными выше применительно к статье 242.1 УК РФ. Следует отметить, что данная норма введена путем выделения части действий из диспозиции статьи 242.1 УК РФ, что отмечено выше. С учетом относительно недолгого функционирования рассматриваемой нормы дополнительных самостоятельных сложностей ее применения, нуждающихся в освещении, не выявлено.

Резюмируя изложенное, следует сделать вывод о необходимости дальнейшей корректировки норм, направленных на охрану общественной нравственности в сфере оборота порнографической продукции. Являясь востребованным направлением для организованной преступности, незаконный оборот порнографии видоизменяется, что в свою очередь требует изменения правовых мер уголовного реагирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Бесчастнова О.В. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (уголовно-правовой аспект): дис... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С.67–68.
2. См.: Денисенко М.В. Уголовная ответственность за незаконное распространение материалов или предметов: дис... канд. юрид. наук. М., 2004. С.78.
3. Джонсон С. Как защитить детей от опасностей Интернета: вирусов, программ-шпионов, спама, порносайтов, всплывающих окон / пер. англ. Е.А. Ивановой. М.: НТ Пресс, 2006. С.26.
4. См.: Уголовный кодекс Австрии. М., 2001. С 93.
5. См.: Уголовный кодекс Аргентины. СПб., 2003. С.109; Уголовный кодекс Испании. М., 1998. С.63.
6. См.: Уголовный кодекс Бельгии. СПб., 2004. С.235.
7. См.: Уголовный кодекс Норвегии. СПб., 2001. С.191–192.
8. См.: Уголовный кодекс Швейцарии. М., 2001. С.74.

О.Ю. Исаев,

кандидат юридических наук, соискатель
(ВНИИ МВД России)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЕСТРА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, РЕЕСТРА ВЛАДЕЛЬЦЕВ ЦЕННЫХ БУМАГ ИЛИ СИСТЕМЫ ДЕПОЗИТАРНОГО УЧЕТА (СТ.170.1 УК РФ)

В статье раскрываются признаки преступления, предусмотренного ст.170.1 УК РФ, в том числе непосредственный объект и предмет преступления, объективная и субъективная сторона, а также субъект преступления. Даются предложения по совершенствованию данной статьи.

Ключевые слова: объект, предмет преступления, объективная сторона, субъективная сторона, субъект преступления

The article describes the elements of a crime under Art. 170.1 of the Criminal Code, including the direct object and the object of the crime, the objective and the subjective side, as well as the perpetrator. We give suggestions for improving this article.

Keywords: object, the object of the crime, the objective side, the subjective side, the perpetrator

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч.1 ст.170.1 УК РФ, является установленный порядок (общественные отношения) в сфере:

представления документов в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц (ЮЛ) и индивидуальных предпринимателей (ИП);

представления документов в организацию, осуществляющую учет прав на ценные бумаги.

Диспозиция уголовно-правовой нормы является бланкетной, в связи с чем для уяснения сущности деяния необходимо обращаться к соответствующим нормативным правовым актам, которые и раскроем.

Представление документов в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц (ЮЛ) и индивидуальных предпринимателей (ИП)

Согласно ст.51 ГК РФ, юридическое лицо подлежит государственной регистрации в уполномоченном государственном органе в порядке, определяемом законом о государственной регистрации юридических лиц.

В соответствии с ч.1 ст.23 ГК РФ гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юри-

дического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Под государственной регистрацией следует понимать акт уполномоченного федерального органа исполнительной власти, а именно подразделения ФНС, осуществляемый посредством внесения в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) [1] или Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП) [2] сведений о создании, реорганизации, ликвидации и иных сведений о юридическом лице, а также индивидуальном предпринимателе или крестьянском (фермерском) хозяйстве.

Органом, уполномоченным осуществлять государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, является Федеральная налоговая служба (ФНС) [3].

ФНС осуществляет государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в соответствии с ФЗ РФ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [4].

При государственной регистрации

юридического лица заявителями могут быть следующие физические лица:

а) руководитель постоянно действующего исполнительного органа регистрируемого юридического лица или иное лицо, имеющие право без доверенности действовать от имени этого юридического лица;

б) учредитель или учредители юридического лица при его создании;

в) руководитель юридического лица, выступающего учредителем регистрируемого юридического лица;

г) конкурсный управляющий или руководитель ликвидационной комиссии (ликвидатор) при ликвидации юридического лица;

д) иное лицо, действующее на основании полномочия, предусмотренного федеральным законом, актом специально уполномоченного на то государственного органа или актом органа местного самоуправления.

Регистрирующий орган не проверяет на предмет соответствия федеральным законам или иным нормативным правовым актам Российской Федерации форму представленных документов и содержащиеся в представленных документах сведения, за некоторым исключением.

Указанный выше закон регламентирует сроки и место, документы, представляемые при государственной регистрации, порядок их представления, порядок государственной регистрации: юридических лиц при их создании; юридических лиц, создаваемых путем реорганизации, внесении в ЕГРЮЛ иных записей в связи с реорганизацией юридических лиц; изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица, и изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в ЕГРЮЛ; юридического лица в связи с его ликвидацией или исключением юридического лица из ЕГРЮЛ (ст. 12, 14, 17, 21 и др.).

Представление документов в организацию, осуществляющую учет прав на ценные бумаги

К организациям, осуществляющим учет прав на ценные бумаги, относятся:

организации, занимающиеся ведением реестра владельцев ценных бумаг;

организации, осуществляющие депози-

тарную деятельность.

В соответствии со ст. 8 ФЗ РФ «О рынке ценных бумаг» [5] *под реестром владельцев ценных бумаг* (далее – реестр) понимается формируемая на определенный момент времени система записей о лицах, которым открыты лицевые счета [6] (далее – зарегистрированные лица [7]), записей о ценных бумагах, учитываемых на указанных счетах, записей об обременении ценных бумаг и иных записей в соответствии с законодательством Российской Федерации [8].

К деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг относятся сбор, фиксация, обработка, хранение данных, составляющих реестр владельцев ценных бумаг, и предоставление информации из реестра владельцев ценных бумаг.

Деятельностью по ведению реестра владельцев ценных бумаг имеют право заниматься только юридические лица. Лица, осуществляющие деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг, именуются держателями реестра (регистраторами) [9].

Для ценных бумаг на предъявителя реестр не ведется.

Держателем реестра могут быть эмитент [10], регистратор на основании договора с эмитентом или иное лицо. Держателем реестра владельцев акций акционерных обществ, которые в связи с размещением и (или) обращением акций обязаны раскрывать информацию в соответствии со статьей 30 Федерального закона «Об акционерных обществах», может быть только регистратор.

В обязанности держателя реестра входит:

открытие лицевых и иных счетов в реестре;

проведение операций [11] в реестре только по распоряжению зарегистрированных лиц;

предоставление зарегистрированному лицу, на лицевом счете которого учитывается более 1 процента голосующих акций эмитента, информацию из реестра об имени (наименовании) зарегистрированных лиц и о количестве акций каждой категории (каждого типа), учитываемых на их лицевых счетах;

составление списка лиц, осуществляющих права по ценным бумагам, по требованию эмитента и др.

Под депозитарной деятельностью в соответствии со ст.7 ФЗ «О рынке ценных бумаг» понимается оказание услуг по хранению сертификатов ценных бумаг и/или учету [12] и переходу прав на ценные бумаги.

Профессиональный участник рынка ценных бумаг, осуществляющий депозитарную деятельность, именуется депозитарием. Депозитарную деятельность могут осуществлять только юридические лица, имеющие лицензию профессионального участника рынка ценных бумаг на осуществление депозитарной деятельности.

Лицо, пользующееся услугами депозитария по хранению ценных бумаг и/или учету прав на ценные бумаги, именуется депонентом.

Между депозитарием и депонентом заключается депозитарный договор (договор о счете депо) в письменной форме.

Депозитарий имеет право регистрироваться в системе ведения реестра владельцев ценных бумаг или у другого депозитария в качестве номинального держателя в соответствии с депозитарным договором.

Перевод ценных бумаг из системы ведения реестра в депозитарий, выступающий в качестве номинального держателя ценных бумаг, влечет за собой изменение способа удостоверения прав на ценные бумаги [13].

Предметом данного посягательства являются единый государственный реестр юридических лиц, реестр владельцев ценных бумаг или система депозитарного учета, документы, содержащие заведомо ложные данные, предоставляемые в эти органы и организации.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч.1 ст.170.1. УК РФ, выражается в предоставлении в указанные органы и организации документов, содержащих заведомо ложные данные:

а) об учредителях (участниках) юридического лица;

б) о размерах и номинальной стоимости долей учредителей (участников) участия в уставном капитале общества с ограничен-

ной ответственностью (ООО);

в) о зарегистрированных владельцах именных ценных бумаг, о количестве, номинальной стоимости и категории именных ценных бумаг общества;

г) об обременении [14] ценной бумаги или доли, о лице, осуществляющем управление ценной бумагой или долей, переходящих в порядке наследования;

д) о руководителе постоянно действующего исполнительного органа юридического лица или об ином лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица;

е) совершенные в иных целях.

Многие авторы считают, что данный состав формальный. Для признания деяния оконченным преступлением достаточно совершения действий по представлению в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, или в организацию, осуществляющую учет прав на ценные бумаги, документов, содержащих заведомо ложные данные. Преступление считается оконченным независимо от того, повлияли ли указанные действия на внесение данных в соответствующий реестр, а также наступили ли общественно опасные последствия в виде совершения хищений и т.п.[15]

В то же время в диспозиции данной нормы говорится о том, что рассмотренные выше действия должны быть направлены на приобретение права на чужое имущество. В связи с этим Г. К. Смирнов отмечает, что указанный состав преступления сконструирован как материальный и предполагает необходимость наступления указанного общественно опасного последствия для вменения лицу в вину оконченого преступления [16].

В связи с этим следует отметить, что, совершив рассмотренные выше действия, лицо приобретает право владения, пользования и распоряжения имуществом комплексом, в том числе денежными средствами, находящимися на расчетном счете, для чего в банк представляются подложные документы, на основании которых вносятся изменения, например о смене директора

и праве распоряжения денежными средствами, находящимися на расчетном счете. Также это лицо, в случае вывода какого-либо участника, например ООО, приобретает право на его долю в уставном капитале.

В то же время юридический факт в виде перехода права собственности в уставном капитале данной статьей не охватывается. Деяние, повлекшее указанный незаконный переход права собственности надлежит квалифицировать по статье 159 или иной статье главы 21 УК РФ.

Проведенное исследование показало, что действия по представлению в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, или в организацию, осуществляющую учет прав на ценные бумаги, документов, содержащих заведомо ложные данные, как правило, квалифицируются по ст.170.1 УК РФ. В то же время имеет место и дополнительная квалификация по ст.159 УК РФ [17], что является неверным в силу вышеизложенных аргументов.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла и наличием специальной цели: представление в указанные выше органы документов, содержащих заведомо ложные данные, **в целях внесения в единый государственный реестр юридических лиц, в реестр владельцев ценных бумаг или в систему депозитарного учета недостоверных сведений.**

Субъектом преступления, предусмотренного ст.170.1 УК РФ, может быть любое лицо, представившее ложные данные для внесения изменений в ЕГРЮЛ, реестр ценных бумаг, систему депозитарного учета. Однако, как правило, ими выступают руководители обществ (директор, председатель правления, члены коллегиального исполнительного органа, члены совета директоров (наблюдательного совета) или их представители, которые уполномочены составлять юридически значимые (применительно к этому направлению деятельности обществ) документы, на основании которых должно приниматься решение об изменении данных соответствующих реестров

или системы депозитарного учета.

Объективная сторона ч.2 ст.170.1 УК РФ характеризуется внесением заведомо недостоверных сведений:

- 1) в реестр владельцев ценных бумаг;
- 2) в систему депозитарного учета.

Внесение недостоверных сведений в Единый государственный реестр юридических лиц или Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей не охватывается ч.2 ст.170.1.

Уголовный закон предусматривает способ, которым должно быть внесены заведомо недостоверные сведения. В отличие от ч.1 ст.170.1 УК РФ, где способом является «представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, или в организацию, осуществляющую учет прав на ценные бумаги», в ч.2 данной статьи эти действия должны совершаться путем неправомерного доступа к реестру владельцев ценных бумаг или к системе депозитарного учета. Под доступом следует понимать возможность внести изменения в данные реестра или системы депозитарного учета. Он может быть признан неправомерным, если сопряжен с обманом, подкупом, злоупотреблением полномочиями, незаконным проникновением в помещение, хранилище, неправомерным доступом к компьютерной информации и иными нарушениями закона [18].

Указание на способ совершения преступления говорит о том, что субъектом данного преступления не может быть регистратор или депозитарий, поскольку они наделены правом доступа к указанным системам. Следовательно, субъектом данного преступления должно быть лицо, не наделенное полномочиями по доступу к реестру владельцев ценных бумаг или системе депозитарного учета.

Как отмечают авторы комментария к УК РФ, в подавляющем большинстве случаев указанный способ реализуется через личный доступ виновного с использованием электронных средств коммуникации к соответствующим базам данных. Однако в таком случае квалификации по совокупности

со ст.272 УК не требуется. Вместе с тем не исключается здесь и такой способ совершения преступления, как неправомерное воздействие (путем уговоров, подкупа и иных способов, кроме указанных в ч.3 статьи) на лицо, имеющее доступ к соответствующим базам данных. При этом если соответствующие действия совершает лицо, имеющее правомерный доступ к реестру владельцев ценных бумаг, то его действия подлежат квалификации по ч.3 ст.185.2 УК РФ. Должностные лица, совершившие указанные действия, подлежат ответственности по ст.285.3 УК [19].

Другие авторы считают, что квалификация таких деяний зависит от характеристики субъекта преступления: если оно совершено должностным лицом, содеянное квалифицируется по ст.285.3 УК; если служащим, не являющимся должностным лицом, – по ст. 292 УК; частным лицом – по ст.327 УК РФ [20].

Как отмечает Г. К. Смирнов, данное преступление образуют действия, повлекшие искажение действительных данных не только о зарегистрированных в реестре акционеров лиц и записанных на их счет акциях, но и данных по любому из параметров реестра акционеров [21] (сведения об эмитенте, о ценных бумагах эмитента, категориях, видах ценных бумаг и т.п., о чем было сказано выше).

Он также отмечает, что указанный состав преступления сконструирован как материальный и предполагает необходимость наступления указанного общественно опасного последствия для вменения лицу в вину оконченного преступления [22].

Представляется, что данный состав является формальным. Преступление считается оконченным после внесения в реестр владельцев ценных бумаг, в систему депозитарного учета заведомо недостоверных сведений, независимо от того, повлияли ли указанные действия на причинение определенных последствий в виде искажения данных реестров, совершения хищений и т.п. или нет.

Особо квалифицирующий признак, указанный в **ч.3 ст.170.1** в виде применения

или угрозы применения насилия, относится лишь к деянию, предусмотренному ч.2 данной статьи. В данном случае предполагается применение насилия или угроза таковым в отношении лица, имеющего доступ к соответствующим базам данных.

Насилием является нанесение побоев, истязания, ограничение свободы, другое физическое воздействие, а также легкий и средней тяжести вред здоровью.

Предложения по совершенствованию данной статьи.

Диспозиция ч.1 данной статьи является громоздкой, излишне перегруженной. В частности, представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, или в организацию, осуществляющую учет прав на ценные бумаги, документов, содержащих заведомо ложные данные, могут совершаться только с целью внесения в единый государственный реестр юридических лиц, в реестр владельцев ценных бумаг или в систему депозитарного учета недостоверных сведений и никакой другой. Это будет ясно и в случае, если из текста диспозиции удалить слова «в целях внесения в единый государственный реестр юридических лиц, в реестр владельцев ценных бумаг или в систему депозитарного учета недостоверных сведений».

Кроме того, многие вопросы и понятия, имеющиеся в данной статье, относительно того, каким образом могут быть внесены в единый государственный реестр юридических лиц, в реестр владельцев ценных бумаг или в систему депозитарного учета недостоверные сведения, раскрыты в названных выше законах, в связи с чем, по мнению автора, нет необходимости в их перечислении.

Кроме того, как уже отмечалось, диспозиция данной статьи говорит о том, что рассмотренные выше неправомерные деяния должны быть направлены на приобретение права на чужое имущество.

Такая формулировка осложняет определение состава преступления (формальный или материальный), квалификацию преступлений (требуется ли дополнительная

квалификация по ст.159 УК РФ), поскольку, в определенной степени, заимствует формулировку данной статьи.

Фактически же указанные выше деяния направлены на незаконный захват управления в юридическом лице, что и следует отразить в диспозиции указанной статьи.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным диспозицию части первой ст.170.1 УК РФ сформулировать следующим образом:

1. Представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, или в организацию, осуществляющую учет прав на ценные бумаги, документов, содержащих заведомо ложные данные, в целях незаконного захвата управления в юридическом лице...

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Постановление Правительства РФ от 19 июня 2002 г. № 438 «О едином государственном реестре юридических лиц» (в ред. постановления Правительства РФ от 22.12.2011 № 1092).
2. См.: Постановление Правительства РФ от 16 октября 2003 г. № 630 «О едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей, правилах хранения в единых государственных реестрах юридических лиц и индивидуальных предпринимателей документов (сведений) и передачи их на постоянное хранение в государственные архивы, а также о внесении изменений и дополнений в постановления Правительства Российской Федерации от 19 июня 2002 г. № 438 и 439» (в ред. постановления Правительства РФ от 30.05.2013 № 454).
3. См.: Постановление Правительства РФ от 17 мая 2002 г. № 319 «Об уполномоченном Федеральном органе исполнительной власти, осуществляющим государственную регистрацию юридических лиц, крестьянских (фермерских) хозяйств, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей» (в ред. постановления Правительства РФ от 16.09.2003 № 577, с изм., внесенными постановлением Правительства РФ от 12.08.2002 № 578); п. 1 Положения о Федеральной налоговой службе, утв. постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 (в ред. постановления Правительства РФ от 20.03.2013 № 244, с изм., внесенными постановлением Правительства РФ от 14.03.2005 № 127).
4. См.: Федеральный закон РФ от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (в ред. Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ, с изм., внесенными Федеральным законом от 27.10.2008 № 175-ФЗ).
5. См.: ФЗ РФ от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в ред. Федерального закона от 28.07.2012 № 145-ФЗ, с изм., внесенными Федеральным законом от 18.07.2009 № 181-ФЗ).
6. В соответствии с п. 2 Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг, утв. постановлением Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг от 2 октября 1997 г. № 27, лицевой счет – совокупность данных в реестре о зарегистрированном лице, виде, количестве, категории (типе), государственном регистрационном номере выпуска, номинальной стоимости ценных бумаг, номерах сертификатов и количестве ценных бумаг, удостоверенных ими (в случае документарной формы выпуска), обременении ценных бумаг обязательствами и (или) блокировании операций, а также операциях по его лицевому счету (за исключением операций, предусмотренных подпунктами 7.4.4 – 7.4.6 пункта 7.4 и пунктами 7.8, 7.9 данного Положения). Выделяются следующие типы лицевых счетов:
эмиссионный счет эмитента – счет, открываемый эмитенту для зачисления на него ценных бумаг, выпуск которых зарегистрирован в установленном порядке, и их последующего списания при размещении или аннулировании (погашении) ценных бумаг;
лицевой счет эмитента – счет, открываемый эмитенту для зачисления на него ценных бумаг,

выкупленных (приобретенных) эмитентом в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»;

лицевой счет зарегистрированного лица – счет, открываемый владельцу, номинальному держателю, залогодержателю или доверительному управляющему.

7. В соответствии с п.2 Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг, зарегистрированное лицо – физическое или юридическое лицо, информация о котором внесена в реестр. Различают следующие виды зарегистрированных лиц: владелец – лицо, которому ценные бумаги принадлежат на праве собственности или ином вещном праве; номинальный держатель – профессиональный участник рынка ценных бумаг, который является держателем ценных бумаг от своего имени, но в интересах другого лица, не являясь владельцем этих ценных бумаг; доверительный управляющий – юридическое лицо или индивидуальный предприниматель (профессиональный участник рынка ценных бумаг), осуществляющий доверительное управление ценными бумагами, переданными ему во владение на определенный срок и принадлежащими другому лицу, в интересах этого лица или указанных этим лицом третьих лиц; залогодержатель – кредитор по обеспеченному залогом обязательству, на имя которого оформлен залог ценных бумаг.

8. В соответствии с п.2 названного выше Положения, реестр – это совокупность данных, зафиксированных на бумажном носителе и (или) с использованием электронной базы данных, которая обеспечивает идентификацию зарегистрированных лиц, удостоверение прав на ценные бумаги, учитываемые на лицевых счетах зарегистрированных лиц, а также позволяет получать и направлять информацию зарегистрированным лицам.

9. В соответствии с п.2 названного выше Положения, регистратор – профессиональный участник рынка ценных бумаг, осуществляющий деятельность по ведению реестра владельцев именных ценных бумаг как исключительную на основании договора с эмитентом и имеющий лицензию на осуществление данного вида деятельности, или эмитент, осуществляющий самостоятельно ведение реестра владельцев именных ценных бумаг в соответствии с законодательством Российской Федерации.

10. В соответствии со ст.2 ФЗ РФ «О рынке ценных бумаг», эмитент – юридическое лицо, исполнительный орган государственной власти, орган местного самоуправления, которые несут от своего имени или от имени публично-правового образования обязательства перед владельцами ценных бумаг по осуществлению прав, закрепленных этими ценными бумагами.

11. В соответствии с п.2 Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг, операция – это совокупность действий регистратора, результатом которых является изменение информации, содержащейся на лицевом счете, и (или) подготовка и предоставление информации из реестра.

12. В соответствии с п.2.1. Положения о депозитарной деятельности в Российской Федерации, утв. постановлением Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг от 16 октября 1997 г. № 36, под учетной системой на рынке ценных бумаг понимается совокупность учетных институтов: организаций, осуществляющих депозитарную деятельность, и организаций, осуществляющих деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг. Учетная система на рынке ценных бумаг выполняет функции подтверждения прав на ценные бумаги, а также подтверждения прав, закрепленных ценными бумагами, в целях передачи этих прав и их осуществления.

13. Более подробно о данной деятельности см.: Положение о депозитарной деятельности в Российской Федерации, утв. постановлением Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг от 16 октября 1997 г. № 36.

14. В соответствии со ст.1 ФЗ РФ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» ограничения (обременения) – наличие установленных законом или уполномоченными органами в предусмотренном законом порядке условий, запрещений, стесняющих правообладателя при осуществлении права собственности либо иных вещных прав на конкретный объект недвижимого имущества (сервитута, ипотеки, доверительного управления,

аренды, концессионного соглашения, ареста имущества и других).

15. См.: Гладких В.И., Федотов П.В., Шумов Р.Н. Уголовное право. Общая и Особенная части. Курс лекций. М.: Эксмо, 2010. С. 253; Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И.В. Шишко. М.: Проспект, 2012. С. 232-233; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /отв. ред. А.И. Рарог. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. С.395.

16. См.: Смирнов Г.К. Ответственность за рейдерство, преступления в сфере учета прав на ценные бумаги и государственной регистрации. М.: Юрлитинформ, 2011. С.81.

17. См., например: Обвинительное заключение по уголовному делу № 967289, составленное "25" июля 2011 г. следователем следственным отделом по Центральному району г. Челябинска следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Челябинской области по обвинению С. по ч.1 ст.185.5, ч.1 ст.170.1, ч.1 ст.185.5, ч.1 ст.170.1, ч.4 ст.159, ч.1 ст.306 УК РФ.

18. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Издание 3-е, доп. и перераб./под ред. док. юрид. наук, проф. А.И. Чучаева. – М.: Московская государственная юридическая академия; Контракт, 2011. Электронный вариант // КонсультантПлюс. Комментарий к ст.170.1.

19. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Издание 7-е, пере-раб. и доп. / под ред. док. юрид. наук, проф. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2011. Электронный вариант // КонсультантПлюс. Комментарий к ст.170.1.

20. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. док. юрид. наук, проф. А.И. Чучаева.

21. См.: Смирнов Г.К. Ответственность за рейдерство, преступления в сфере учета прав на ценные бумаги и государственной регистрации. М.: Юрлитинформ, 2011. С.95.

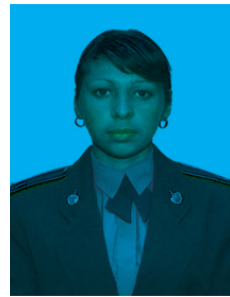
22. Там же. С.81.

Г.И. Уразеева,

кандидат психологических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

А.В. Плохова,

курсант
(КЮИ МВД России)

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ: СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА, ПРИЧИНЫ

В статье представлена статистика преступлений, совершенных сотрудниками полиции, в ее динамике за последние годы по Республике Татарстан и выполнен анализ их причин. Предлагается системный анализ проблемы детерминации преступлений, совершенных сотрудниками полиции, рассматриваются психологические особенности личности сотрудников, совершивших преступления.

Ключевые слова: детерминация, преступление, личность, сотрудник полиции.

In this article the statistics of the crimes committed by police officers in its dynamics in recent years across the Republic of Tatarstan is presented and the systematic analysis of a problem of determination of the crimes committed by police officers is offered. Authors studied also psychological features of the personality of employees who have committed crimes.

Keywords: The statistics of the crimes, personality, police officer.

Феноменологически проблема наиболее ярко представлена в публикациях средств массовой информации, подробно информирующих граждан о преступлениях, совершенных сотрудниками полиции России, многие из которых поражают своей жесткостью и цинизмом. Проблема чрезвычайно актуальна не только в аспектах общественной опасности данных преступлений и чернения имиджа российской полиции, но она непосредственно затрагивает еще одну – проблема доверия к государству, представители власти которого сами совершают преступления.

Проблема наглядно отражена в данных за последние пять лет, предоставленных УСБ МВД по РТ. В 2008 году сотрудники органов внутренних дел Республики Татарстан совершили 98 преступлений (АППГ 83; +18,1%). При этом уровень преступности на 1000 сотрудников составил 2,5 (+6,4% от АППГ). В 2009 году сотрудники ОВД Республики Татарстан совершили

82 преступления (АППГ 98; - 16,3%). При этом уровень преступности на 1000 сотрудников составил 2,6 (+4% от АППГ) [По данным УСБ МВД по РТ – Режим доступа: URL: <http://mvd.ru/mvd/structure/unit/security>, свободный].

В 2010 году сотрудники ОВД Республики Татарстан совершили 87 преступлений (АППГ 82; +11,2%). При этом уровень преступности на 1000 сотрудников составил 2,5 (+1,5% от АППГ). В 2011 году сотрудники ОВД Республики Татарстан совершили 80 преступлений (АППГ 87; -9,2%). При этом уровень преступности на 1000 сотрудников составил 2,6 (+1% от АППГ). В 2012 году сотрудники ОВД Республики Татарстан совершили 73 преступления (АППГ 80; -8,2%). При этом уровень преступности на 1000 сотрудников составил 2,7 (+2% от АППГ) [По данным УСБ МВД по РТ – Режим доступа: URL: <http://mvd.ru/mvd/structure/unit/security>, свободный].

Возникает вопрос о причинах соверше-

ния преступлений сотрудниками полиции, об их мотивации как ведущей детерминанты преступного поведения. Традиционно в системе детерминант преступного поведения все исследователи выделяют внешние и внутренние факторы. Для житейской психологии обывателя характерно представление об определяющей роли внешнего фактора в поведении личности (когда сотрудник полиции нецензурно выражается в общественном месте, в ответ на сделанное ему замечание он может в сердцах заявить: «Довели меня, не выдержал», «Да вот, машину в ДТП помяли - расстроился»). Наиболее часто упоминаются авторами ряд детерминант. Мы рассмотрим их по сферам жизни сотрудника, как и любого человека.

1) Непосредственно трудовая деятельность (служебная деятельность сотрудников полиции) имеет ряд внешних (объективных) детерминант поведенческих и личностных девиаций:

- психические и физические перегрузки;
- переутомление как результат физических и психологических перегрузок;
- негативные последствия частых конфликтных и экстремальных ситуаций;
- дефицит времени на выполнение служебных задач;
- непрофессионализм как приемлемое явление в коллективе сотрудников;

2) явно выраженная экстремальная микросреда служебной деятельности, предполагающая постоянное взаимодействие с девиантным спецконтингентом как объектом психологического воздействия сотрудников полиции, который, в свою очередь, вызывает обратное, часто реактивно-ответное ситуативное негативное воздействие на самих сотрудников. Результатом такого взаимодействия является перенимание сотрудниками ненормативной лексики, вредных привычек, асоциальных норм, стереотипов поведения преступного мира;

3) противоправная, коррупционная деятельность надзорных и контролирующих органов характеризуется следующими явлениями:

- несовершенство системы отчетности;
- неуважительное отношение со стороны

этих органов к сотруднику полиции;

- коррупция в данных органах;

4) характер взаимоотношений с непосредственным руководством (подробнее см.: 1, С. 126-139) обуславливают следующие особенности деятельности сотрудников:

- неграмотный стиль управления руководителя, выражающийся в грубости, уничижительном отношении к подчиненному, вызывает у сотрудника неуверенность в себе, заниженную самооценку, потребность в самоутверждении любыми способами;

- грубые и систематические нарушения трудового законодательства, этикета общения и социального поведения в целом;

- «процентомания» в органах и подразделениях внутренних дел, палочная система в оценке эффективности служебной деятельности становятся внутренними критериями оценки выполненного у самого сотрудника;

5) проблемы в семейной жизни часто вызваны следующим:

- недостаток времени, уделяемого семье вследствие перегрузок на работе;

- слабая социальная защищенность сотрудников и их семей;

- частые ссоры с близкими, испытывающими недостаток внимания со стороны сотрудника;

6) характер взаимоотношений и социально-психологический климат в коллективе нередко характеризуется следующим:

- негативные социальные установки большинства членов в коллективе, а именно: нигилизм, цинизм, чувство безнаказанности;

- наличие неформальных лидеров, демонстрирующих асоциальные нормы поведения, общения, отношения к служебным обязанностям;

- коррумпированность сотрудников;

7) социальная сфера жизнедеятельности характеризуется следующим:

- низкий социальный статус сотрудника полиции;

- пропаганда в средствах массовой информации и иных массмедиа потребительского образа жизни, богатства и власти как

главной цели в жизни и критерия оценки успешности, состоятельности личности [3, С.111], представление таких понятий, как «любовь», «дружба», «честь», «долг», в искаженном виде.

Вместе с тем полицейская реформа обозначает и другие проблемы в функционировании государства и полиции как отдельной подсистемы внутри него. Органы внутренних дел неизбежно испытывают влияние макросоциальных процессов реформирования Министерства внутренних дел России и общества в целом. Социально-ориентированные реформы полицейских структур в развитых странах приводят к «дебюрократизации и демократизации полиции как социально-правового института», повышая ее социальную эффективность [2, С.20]. Ориентация на сотрудничество и партнерство социальной полиции стабилизирует и ее внутреннюю структуру, обуславливая ее социальное содержание и личностную устойчивость действующих субъектов. Другие формы полицейских реформ (военная, смешанная [1, 2]) усиливают реактивные тенденции и ситуативно обусловленные процессы в полицейской структуре в целом, а также в поведении, деятельности самого полицейского, ослабевают внутренние социальные регуляторы его активности.

Человек является социальной единицей внутри социума и в своем поведении отражает те тенденции, которые проявляются в макросоциальных структурах в целом. Поскольку структура российской полиции сохраняет пока элементы военной модели, формирующей реактивные ситуативные формы поведения, в погоне за показателями растет число нарушений дисциплины и законности среди личного состава [2, С.22]. Социально ориентированный вектор развития российской полиции как направление ее реформы, безусловно, отразится на состоянии преступности не только в обществе, но и в самой полиции и станет одним из ключевых объективных факторов изменения системы отношений к человеку, в том числе и к самому полицейскому, в структуре полиции. Однако все вышеназванное можно отнести к внешним факто-

рам, мотивирующим человека на социально полезные или опасные действия. Эти так называемые внешние мотивы оказывают различное действие на сотрудников полиции с разным уровнем сформированности личности. Они оказывают свое влияние на любого, но это влияние будет иметь различный эффект, ибо преломляется сквозь призму уже сложившегося внутреннего мира человека. Внешнее всегда действует через внутреннее (С.Л. Рубинштейн).

Следует отметить, что при особом образе жизни и служебной деятельности сотрудник полиции – абсолютно обычный человек, у которого психологические процессы проходят так же, как и у любого другого человека с выраженной нормой психического развития. Соответственно, при определении субъективных (психологических) детерминант преступного поведения сотрудников полиции мы будем использовать закономерности и механизмы, глубоко изученные в общей психологии, в психологии личности [5, 7]. В качестве относительно самостоятельных компонентов структуры личности (ее подструктур) можно выделить: 1) характер; 2) динамику ее психических процессов – темперамент; 3) психические возможности личности в отдельных видах деятельности – способности; 4) направленность личности – характерные для нее потребности, мотивы, цели, интересы, идеалы, убеждения, установки, ценности и мировоззрение. Проявляясь в соответствующих обобщенных способах поведения, направленность обуславливает характер личности [5, 7]. В психологический портрет сотрудника, совершившего преступление, необходимо добавить психофизиологические состояния как фактор, способный деформировать устойчивые свойства личности в случаях длительного неблагоприятного самочувствия человека.

В процессе формирования личности сотрудника полиции постоянно проявляющееся в поведении и действиях сочетание взаимосвязанных продуктивного мышления и воли приводит к переходу мировоззрения в убеждения:

– убеждение – одна из высших форм на-

правленности личности, проявляющаяся в осознанной потребности действовать в соответствии со своими ценностными ориентациями на фоне эмоциональных переживаний и волевых устремлений [5,7];

– установка – готовность индивида к определенной деятельности, актуализирующаяся в создавшейся ситуации [5,7]. Она проявляется в устойчивой предрасположенности к определенному восприятию (перцептивные установки), осмыслению (интеллектуальные установки) и поведению индивида (моторные, двигательные установки). Установка выражает личностную позицию сотрудника, его взгляды, ценностные ориентации по отношению к различным фактам общественной жизни и служебной профессиональной деятельности. Она может быть личностно позитивной, негативной или нейтральной. При позитивной установке явления, события и свойства предметов особенности других людей воспринимаются и оцениваются доброжелательно и с доверием. При негативной установке – эти же признаки воспринимаются искаженно, с недоверием или как чуждые, вредные и неприемлемые для данного человека.

Установка опосредует влияние внешних воздействий и уравнивает личность со средой, а осознание субъектом содержания этих воздействий позволяет с определенной степенью достоверности прогнозировать поведение в соответствующих ситуациях [5,7]:

– позиция – устойчивая система отношений человека к определенным сторонам действительности, проявляющаяся в его поведении и общении. Она включает в себя совокупность мотивов, потребностей, взглядов и установок, которыми индивид руководствуется в своих действиях. В систему факторов, определяющих конкретную позицию человека, включаются также его притязания на определенное положение в социальной и профессиональной иерархии ролей и степень его удовлетворения в этой системе отношений;

– цель – желаемый и представляемый в виде образа результат конкретной деятельности человека или группы людей. Она

может быть близкой, ситуационной или отдаленной, общественно ценной или вредной, альтруистической или эгоистической. Человек или группа людей ставят перед собой цель в результате опредмечивания потребностей, с учетом интересов и возможностей ее достижения.

В целеполагании важную роль играют информация о состоянии субъекта и актуальности планируемой ситуации, его мыслительные процессы и эмоциональное состояние, иерархия мотивов в предполагаемой активности. Целевыполнение складывается из системы действий, направленных на достижение предполагаемого результата [5, 7].

Направленность, как мы видим из названия данного свойства личности, определяет вектор, по которому движется личность в своем развитии. Применительно к выбранной нами теме это можно сформулировать следующим образом: каждое осознанное и неосознаваемое действие человека опосредовано мотивом. Поэтому важно, чтобы в основе иерархии мотивации сотрудника полиции были социальные мотивы. Нравственно воспитанный сотрудник не совершает преступления [9]. Поэтому одним из важных направлений в деятельности российской полиции является воспитательная работа с личным составом, особенно с молодыми сотрудниками, на этапе их профессионального становления [8, 10]

Всякая деятельность сложна и многогранна. Она предъявляет различные, порой очень высокие, требования к психическим и физическим возможностям человека. Если наличная система свойств личности отвечает этим требованиям, то человек успешно и на высоком уровне осуществляет деятельность. Если такого соответствия нет, то у индивида обнаруживается неспособность к данному виду деятельности [4].

При анализе психофизиологических состояний как фактора поведения и важной составляющей в структуре личности нас интересует сущность и предпосылки возникновения данных состояний в профессиональной деятельности.

Психическое функциональное состояние – система психофизиологических

и психических функций, от которых зависят продуктивность профессиональной деятельности человека, а также его работоспособность на данном отрезке времени [6].

В различных функциональных состояниях субъекта могут условно выделяться разные составляющие:

- волевые составляющие психических функциональных состояний, они связаны с переживанием «напряжения – разрешения», проявляются в ситуациях «борьбы мотивов», постановки цели и преодоления препятствий на пути к достижению цели. Практические составляющие волевых состояний, зависящие от особенностей реализации деятельности: вдохновение – страсть; воодушевление – переутомление; мобилизация, активация – пресыщение, усталость.

- мотивационные составляющие волевых состояний зависят от условий и особенностей актуализации, а также степени реализованности мотивов субъекта: а) органические – гипоксия, жажда, голод и др.; б) ориентировочно-познавательные – скука, интерес, любопытство, удивление, тревога и др.

- аффективные (эмоциональные) составляющие психических функциональных состояний, связаны с переживанием «удовольствие – неудовольствие». Эмоциональные состояния характеризуют всегда любую реакцию на действующий раздражитель: спокойствие – волнение; радость, страх, отвращение, гнев и др. Личностные состояния характеризуют эмоции, возникающие во взаимодействии и межличностном общении: симпатия – антипатия; восхищение – возмущение; гордость – зависть и др. В качестве источников неблагоприятных функциональных состояний могут выступать: а) внутренние, субъективно-личностные факторы; б) внешние факторы, связанные с условиями и организацией деятельности субъекта.

Поскольку сотрудник зачастую действует в экстремальных условиях, характеризующих его служебную деятельность, мы должны рассмотреть состояния, возникающие у человека в момент опасности. В экс-

тремальных условиях при возникновении состояния психической напряженности наблюдается 4 основных типа изменения деятельности субъекта [6]:

- напряженный тип поведения: общая заторможенность, скованность, напряженность и импульсивность движений;

- тормозной тип поведения: высокая заторможенность движений и интеллектуальной оценки ситуации;

- деструктивный тип поведения, избегающий «трусливый тип поведения»: отказ от выполнения деятельности, апатия, пассивность, стремление выйти из ситуации, субъективное переживание сильной тревоги или страха;

- прогрессивный тип поведения характеризуется повышением эффективности действий на основе сосредоточенности, оптимизма, готовности действовать при мобилизации субъектом психических и физиологических ресурсов [6]. Основываясь на эмпирических данных выполненных нами наблюдений и имеющихся статистических данных, отметим, что выраженные у сотрудников полиции негативные черты личности наиболее значимы при описании поведения в аспекте направленности. Они сложились как устойчивая иерархия мотивов, существующих и функционирующих во взаимосвязи, которая и будет являться субъективной психологической детерминантой совершаемого преступления. Этот вектор поведения в форме деформированной направленности является как бы почвой для формирования преступного поведения, с основной тенденцией от отдельного преступления к преступному поведению. Вместе с тем мы должны оговорить, что между направленностью личности и совершением конкретного преступления может и не быть прямой причинно-следственной связи. Мы предпринимаем попытку рассмотреть закономерные детерминанты преступления через разные свойства личности, выделяя в качестве системообразующего свойства личности ее направленность.

Сделаем обобщение из вышесказанного и выделим личностные предпосылки для каждого вида преступника из числа сотруд-

ников полиции:

Сотрудник, совершающий преступление с целью карьерного продвижения, имеет следующие выраженные личностные особенности:

1) импульсивность, эмоциональность, впечатлительность (холерический темперамент);

2) несоответствие моральных установок реальной действительности (отсутствие фрустрационной толерантности);

3) излишнее честолюбие, азарт, стремление любой ценой добиться цели в виде раскрытия преступления и наказания виновных лиц;

4) жестокость, властность, гипертрофированное самолюбие (истероидная акцентуация);

5) подозрительность, склонность считать преступником лицо, вина которого не была вполной мере доказана, демонстрация в поведении крайне негативного к нему отношения.

Сотрудник, считающий для себя нормой стандарт коррупционного поведения, склонный к взяткам, характеризуется следующими личностными данными:

1) доминирование низших потребностей, связанных с благосостоянием и удовольствием;

2) отсутствие устойчивой социальной системы ценностей, идеалов, моральных установок, их изменчивость в зависимости от обстоятельств окружающей действительности;

3) руководство в выборе целей и приоритетов принципами личной выгоды и целесообразности;

4) отсутствие внутренних моральных ограничений в достижении утилитарных целей.

В целом для сотрудника с коррупционным поведением характерны следующие личностные особенности:

– доминирование низших потребностей;
– корыстный мотив при поступлении на службу;

– асоциальные ценности, идеалы, мировоззрение, убеждения преступного мира;

– пренебрежительное, игнорирующее, утилитарное отношение к нормам обще-

лической морали, нормам права;

– жестокость, потребность властвовать, гипертрофированное самолюбие.

Рассмотрим модель механизма формирования преступного поведения у сотрудника, склонного к взяткам. Мотив в данном случае будет иметь 2 уровня. Один глубинный, внешне ненаблюдаемый, связан с психологическими закономерностями и механизмами поведения асоциальной личности. Применительно к данному случаю это защита своего «я» путем удовлетворения потребностей, считающихся в обществе наиболее престижными, что может быть следствием когнитивного диссонанса (мотивы самозащиты и самоутверждения). Поверхностным же мотивом поведения, принятым в теории уголовного права и называемым юристами-практиками, будет корысть. Оба внутренних мотива взаимосвязаны и взаимообусловлены другим внешним мотивом. Им может быть приемлемость взяток, наблюдаемых в действиях других сотрудников, оправдание взяточничества как закономерного результата высокой, но по-прежнему неадекватной требованиям деятельности и затраченным личностным усилиям заработной платы, а также взятка как всеобщий и реальный факт достижения желаемых целей.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сформулировать выводы нашего исследования:

– существуют как объективные, так и субъективные факторы совершения преступлений сотрудниками органов внутренних дел. Эти факторы взаимосвязаны и взаимообусловлены;

– преступление, совершенное сотрудником органов внутренних дел, как отдельный факт не является результатом только объективных факторов, продиктованных экстремальными условиями жизни и служебной деятельности;

– преступление является сложным механизмом взаимодействия внутренних и внешних факторов, в ходе которого внутренний выступает системообразующим поведенческих девиаций;

– существуют группы факторов риска, побуждающих сотрудников к совершению

преступлений и иных правонарушений. Субъективно выраженными факторами риска являются доминирующее неблагоприятное психофизиологическое состояние сотрудника полиции и его асоциальная направленность как система мотивации. Их влияние на поведение может быть как изолированным, так и в сочетании. Фактор риска характеризуется устойчивостью и интенсивностью выраженности неблагоприятного для социального поведения личностного свойства.

Успешное выполнение органами внутренних дел стоящих перед ними оперативно-служебных задач, совершенствование работы с кадрами непосредственно связано

с реальностью адекватного и качественного профессионального отбора достойных среди поступающих на службу, формированием у сотрудников профессионально-значимых качеств, укреплением морально-психологического климата, дисциплины и законности в служебных коллективах. Одна из основных психолого-педагогических задач в органах внутренних дел сегодня – адекватный профессиональный отбор и повышение уровня воспитательной работы с выделением приоритетов в системе воспитания личного состава.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. подробнее: Комлев Ю.Ю. Основы конфликтологии: теория, анализ и управление конфликтами в ОВД: учебное пособие. Казань, КЮИ МВД России, 2011. 188 с.
2. См. подробнее: Комлев Ю.Ю. Транзит от военной к социальной модели ОВД: дискурсивный анализ проблем полицейской реформы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 2(8.). С.19-25.
3. Криминология: Особенная часть: учебник / под общ. ред. Ф.К. Зиннурова. Казань: КЮИ МВД РФ, 2011. 508 с.
4. Лейтес Н.С. Умственные способности и возраст. М., 2009.
5. Общая психология/ под ред. В.В. Богословского, А.Г. Ковалева, А.А.Степанова. М., 2009.
6. Психология труда. Психофизиологические состояния в трудовой деятельности. URL: <http://www.suzllp.com/t13r1part2.html>
7. Рейнвальд Р.С. Психология личности: монография. М.: Изд. УДН, 1999 .
8. Темняков Д.А. Педагогика в повседневной деятельности сотрудников органов внутренних дел, профилактика возможной опасности и безопасности сотрудников: монография. Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2013. 163 с.
9. Уразаева Г.И. Нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел и психологическая безопасность их личности// Современные проблемы безопасности жизнедеятельности: теория и практика: материалы II Международной научно-практической конференции. Ч. I / под общей ред. д-ра техн. наук, проф. Р.Н. Минниханова. Казань: ГУ «Научный центр безопасности жизнедеятельности детей», 2012. С.576-582.
10. Уразаева Г.И. Совершенствование воспитательной работы с молодыми сотрудниками на этапе их профессионального становления и формирование безопасного мышления: проблемы, возможности, перспективы// Современные проблемы безопасности жизнедеятельности: теория и практика: материалы II Международной научно-практической конференции. Ч. I / под общей ред. д-ра техн. наук, проф. Р.Н. Минниханова. Казань: ГУ «Научный центр безопасности жизнедеятельности детей», 2012. С.582-588.

А.В. Кузнецов,
кандидат юридических наук
(ФГКУ «ВНИИ МВД России» по СФО)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ С УЧЕТОМ РАЗЪЯСНЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

В статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации преступлений коррупционной направленности, их отграничения от иных должностных преступлений. Представлено толкование отдельных норм Уголовного кодекса в рамках разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: взятка, коммерческий подкуп, присвоение или растрата, злоупотребление должностными полномочиями, должностное положение.

The article deals with the problematic issues of qualification of crimes cor-corruption focus, distinguishing them from other malfeasance. Are represented by the interpretation of certain provisions of the Criminal Code in the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: bribery, commercial bribery, embezzlement, abuse of official capacity, official capacity.

С позиции действующего уголовного законодательства наиболее распространенными преступлениями коррупционной направленности являются получение взятки (ст.290 УК РФ), коммерческий подкуп (ст.204 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст.285 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст.201 УК РФ для должностных лиц коммерческих и иных негосударственных организаций), присвоение или растрата (ст.160 УК РФ).

Общей составляющей данных преступлений является, во-первых, их корыстная направленность, которая указывается в ст.160 и 285 УК РФ и является содержанием получения взятки по сути; во-вторых, использование служебного положения и, последнее, единство субъекта преступления (должностные лица, руководители коммерческих организаций и др.).

Однако если анализировать механизм посяательства применительно к каждому из вышеназванных составов преступлений, то можно выделить некоторые особенности:

– получая взятку, лицо должно совершать определенные действия, связанные со злоупотреблением должностными полномочия-

ми (другими словами, получение «наживы» осуществляется посредством «продажи» полномочий);

– в результате злоупотребления должностными полномочиями виновный преследует корыстную цель, которая осуществляется не посредством «мзды», а реализацией полномочий в своих интересах. Именно это является способом обогащения виновного лица;

– в отличие от злоупотребления должностными полномочиями, при присвоении или растрате должностное лицо обладает полномочиями по распоряжению имуществом и, изымая (растрачивая) его в своих интересах, нарушает объект состава преступления, предусмотренного ст.160 УК РФ (общественные отношения, связанные с посягательством на собственность).

Некоторого внимания заслуживают вопросы толкования правоприменителем рассматриваемых составов преступлений.

Так, обязательным условием при получении взятки является наличие у виновного полномочий должностного лица. Согласно п.5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О

судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», не являются субъектами получения взятки работники государственных органов и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, исполняющие в них профессиональные или технические обязанности, которые не относятся к организационно-распорядительным или административно-хозяйственным функциям.

Учитывая п. 6 вышеназванного постановления, лица, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой или иной организации независимо от формы собственности либо в некоммерческой организации, не являющиеся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, а также поверенные, представляющие в соответствии с договором интересы государства в органах управления акционерных обществ (хозяйственных товариществ), часть акций (доли, вклады) которых закреплена (находится) в федеральной собственности, не могут быть признаны должностными лицами и в случае незаконного получения ими ценностей либо пользования услугами за совершение действия (бездействия) в интересах дающего в связи с занимаемым служебным положением подлежат ответственности по ст.204 УК РФ (коммерческий подкуп).

В связи с этим следует учесть необходимость четкого толкования «организационно-распорядительных функций» должностного лица. В п.4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» указано, что под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или

находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п.

К организационно-распорядительным функциям относятся и полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листа временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медикосоциальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии). Полагаем, что подобные разъяснения следует признать правильными и необходимыми. Именно они позволяют сегодня верно квалифицировать деятельность преподавателя, получающего денежное вознаграждение от лица за необходимую ему оценку по зачету как злоупотребление должностными полномочиями (ст.285 УК РФ) или злоупотребление полномочиями (ст.201 УК РФ), но не получение взятки.

Другим положительным моментом для правильной квалификации получения взятки необходимо признать разъяснения Пленума Верховного Суда в п.9 постановления от 10 февраля 2000 г. № 6, где закреплено, что если имущественные выгоды в виде денег, иных ценностей, оказания материальных услуг предоставлены родным и близким должностного лица с его согласия либо если он не возражал против этого и использовал свои служебные полномочия в пользу взяткодателя, действия должностного лица следует квалифицировать по ст.290 УК РФ.

Следует обратить внимание на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, указанные в п.20 постановления от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», согласно которым получение должностным

лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг и других материальных ценностей якобы за совершение действия (бездействия), которое он не может осуществить из-за отсутствия служебных полномочий или невозможности использовать свое служебное положение, следует квалифицировать при наличии умысла на приобретение указанных ценностей как мошенничество по ст.159 УК РФ. Считаем данное толкование закона не удачным, так как в этом случае должностному лицу придается статус частного лица (мошенника). К тому же при мошенничестве похищенное возвращается потерпевшему, а при даче взятки оборачивается в пользу государства. Полагаем, что содеянное виновным в подобных случаях следует квалифицировать как превышение должностных полномочий (ст.286 УК РФ) вследствие того, что он не имел право выполнять обещанные действия.

Является неурегулированным в уголовном законодательстве вопрос о взятке-благодарности, когда должностное лицо совершает какие-либо действия в пользу иного лица без предварительной договоренности, а позже получает от него подарок. Полагаем, подобного рода деятельность нельзя назвать коррупционной вследствие отсутствия договоренности между лицами, а поэтому представляется необходимым в рамках примечания к ст.290 УК РФ законодательное закрепление взятки-благодарности (понятие, размер материальной прибыли от подарка, в зависимости от которого должностное лицо имеет возможность оставить его себе или обязано передать в пользу государства).

Остается не разрешенным с точки зрения коррупции вопрос о должностном покровительстве и попустительстве как возможности получения взятки. Безусловно, правоохранительные органы сегодня не готовы рассматривать эту форму получения прибыли как преступную в связи с тем, что получение взятки, согласно действующему уголовному законодательству, требует конкретного деяния, а не «крышевания».

К тому же материальной основы деятельности правоохранительных органов в данном направлении в УК РФ нет, хотя потребность правового регулирования подобных общественных отношений сегодня имеется.

Представляется необходимым остановиться на вопросах толкования ст.285 УК РФ. Достаточно новым и актуальным является разъяснение Пленума Верховного Суда в постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 относительно толкования понятия должностного лица в Вооруженных Силах Российской Федерации. Таковыми являются сегодня должностные лица по служебному положению и (или) воинскому званию. Начальниками по служебному положению являются лица, которым военно-служащие подчинены по службе, а по воинскому званию те, которые определены в ст.36 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (например, сержанты по отношению к солдату в одной воинской части).

К тому же Пленум дал пояснения квалификации по ст.285 УК РФ в зависимости от умысла совершения преступления, что позволит сегодня правоприменителю дифференцировать уголовную ответственность по отношению к виновному. Так, должностное лицо, совершившее умышленное преступление, предусмотренное ст.285 УК РФ или ст.286 УК РФ, во исполнение заведомо для него незаконного приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность на общих основаниях. При этом действия вышестоящего должностного лица, издавшего такой приказ или распоряжение, следует рассматривать при наличии к тому оснований как подстрекательство к совершению преступления или организацию этого преступления и квалифицировать по соответствующей ст. Особенной части УК РФ со ссылкой на ч.3 или 4 ст.33 УК РФ.

Должностное лицо, издавшее заведомо незаконный приказ или распоряжение подчиненному лицу, не осознавшему незаконность такого приказа или распоряжения и исполнившему его, подлежит ответственности как исполнитель преступления.

Необходимым условием привлечения

к ответственности по ст.285 УК РФ является использование служебных полномочий вопреки интересам службы, под которыми Пленум Верховного Суда в п.15 вышеуказанного постановления понимает совершение таких деяний, которые, во-первых, не вызывались служебной необходимостью, во-вторых, противоречили общим задачам и требованиям, в-третьих, не соответствовали целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено теми или иными должностными полномочиями. Вследствие этого действия должностного лица необходимо квалифицировать по ст.285 УК РФ в том случае, если оно их совершает из корыстной или иной личной заинтересованности при отсутствии обязательных условий или оснований совершения (например, прием на работу лиц, которые фактически трудовые обязанности не исполняют, освобождение командирами подчиненных от исполнения возложенных обязанностей с направлением для работы в коммерческих организациях или обустройства личного хозяйства).

Положительным следует отметить то, что сегодня под использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы следует рассматривать такое явление, как протекционизм, то есть незаконное оказание содействия в трудоустройстве, продвижении по службе и т.п., также совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности.

Пленум Верховного Суда не оставил без внимания и такой состав преступления, как присвоение или растрата. Коррупционную направленность данное преступление имеет в том случае, если совершено с использованием своего служебного положения (ч.3 ст.160 УК РФ). К лицам, использующим свое служебное положение при совершении присвоения или растраты, согласно п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»,

следует относить:

- должностных лиц (примечание 1 к ст.285 УК РФ);
- государственных и муниципальных служащих;
- управленцев (примечание 1 к ст.201 УК РФ).

Принимая во внимание вышеизложенное, на наш взгляд, необходимо считать использующих свое служебное положение при присвоении или растрате еще одну категорию лиц, а именно: материально-ответственных (кассиры, продавцы, которым имущество вверено, и они им не распоряжаются). Однако данные лица не являются управленцами и должностными лицами, а следовательно, не могут быть субъектом ч.3 ст.160 УК РФ.

Поэтому в целях совершенствования уголовного законодательства предлагаем в рамках ч.3 ст.160 УК РФ вместо термина «служебное положение» использовать «должностное положение». В этом случае государственные и муниципальные служащие уголовную ответственность будут нести по ч.1 ст.160 УК РФ, а должностные лица и управленцы по ч.3 этой же статьи. Полагаем, что ответственность в рассматриваемом нами случае необходимо дифференцировать в зависимости от статуса, а именно: чиновников и управленцев выделить отдельно посредством их должностных полномочий.

Безусловно, разъяснения, которые дал Пленум Верховного Суда в рассматриваемом нами направлении, имеют большую теоретическую и практическую значимость, однако имеются спорные вопросы, требующие детального осмысления и толкования. Представляется, изложенное выше позволит правоприменителю систематизировать знания о вопросах квалификации преступлений коррупционной направленности, а значит, снять имеющиеся противоречия в ходе предварительного следствия и принятия законного решения судом.

А.А. Хайдаров,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

**ПРОБЛЕМЫ ПРИОБЩЕНИЯ
К МАТЕРИАЛАМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ДОКУМЕНТОВ,
ПРЕДСТАВЛЕННЫХ (СУДЬЕЙ) СУДУ
В ХОДЕ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ**

В статье рассматривается такое судебное действие как приобщение к материалам уголовного дела документов в рамках судебного следствия. Автор обозначает проблемы процессуального производства указанного судебного действия, возникающие в практической деятельности судов и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: суд, судебное действие, судебное следствие, приобщение документов к материалам уголовного дела.

The article deals with such legal action as an introduction to the materials of the criminal case documents in the framework of the judicial investigation. The author refers to the problem of procedure of production of the mentioned judicial actions arising in the practical activity of the courts and propose solutions.

Keywords: court, court action, legal consequence, the communion of the documents to the materials of the criminal case.

В соответствии со ст.286 УПК документы, представленные в судебное заседание сторонами или истребованные судом, могут быть на основании определения или постановления суда исследованы и приобщены к материалам уголовного дела. Содержание ст.286 УПК не соотносится с ее названием. В статье речь идет не только о документах, представленных суду (судье) сторонами, но и об истребованных судом по собственной инициативе. Ст.286 УПК рекомендуется озаглавить «*Приобщение документов к материалам уголовного дела*».

По нашему мнению, указанное судебное действие следует отнести к следственно-судебным, поскольку по своему характеру и содержанию оно сходно с таким следственным действием, как выемка [1, С.110]. Суть указанного следственно-судебного действия состоит в том, что документы, имеющие значение для уголовного дела, предлагаются для исследования в судебном заседании, а после исследования приобщаются к материалам уголовного дела. Некоторые документы могут быть сразу приобщены по решению суда (судьи) в качестве

вещественных доказательств, а в исключительных случаях после проведения судебной экспертизы на основании заключения эксперта.

Процессуальное решение об исследовании и приобщении документов к материалам уголовного дела может быть принято по усмотрению суда (судьи). Данное положение способствует проявлению субъективизма, обвинительного уклона, одностороннего подхода, коррупционной деятельности судьи (суда) в рамках судебного следствия [2, С.286]. Следует учесть тот факт, что судья не может понять, имеет ли значение документ для установления тех или иных обстоятельств дела, пока он не был исследован в рамках судебного заседания. Поэтому следует ограничить принятие решения по усмотрению судом (судьей) в данном вопросе и обязать его исследовать представленный документ.

Возникает вопрос, а что если стороны будут использовать данное правило для затягивания уголовного дела. Априори мы исходим из законной заинтересованной деятельности сторон, и, даже не имея это-

го правила, стороны вправе заявлять ходатайства о приобщении к уголовному делу документов, а суд обязан с учетом мнения сторон принимать соответствующие процессуальные решения.

Подобное правило предусматривается в ч.4 ст.271 УПК для допроса свидетелей и специалистов, вызванных в судебное следствие по инициативе сторон, однако случаев злоупотребления подобным правилом участниками процесса при посещении судебных заседаний не выявлено.

Нет необходимости в каждом случае исследования документов в рамках судебного следствия выносить отдельное постановление или определение. Как нам кажется, достаточно лишь сделать соответствующую отметку в протоколе судебного заседания.

Стороны обвинения и защиты прибегают к указанному судебному действию в тех случаях, когда документы по той или иной причине не были приобщены к уголовному делу в ходе предварительного расследования.

Указанные документы могут быть классифицированы по следующим основаниям:

- документы, касающиеся личности подсудимого, потерпевшего, свидетелей и других участников судопроизводства;
- документы, подтверждающие издержки участвующих в судебном заседании лиц;
- документы, подтверждающие возмещение ущерба потерпевшим
- иные документы, имеющие значение для уголовного дела.

По смыслу уголовно-процессуального закона документ, подлежащий приобщению, подлежит обязательному оглашению в рамках судебного заседания. При этом участник уголовного судопроизводства, заявивший ходатайство о приобщении того или иного документа, должен обосновать необходимость его приобщения: как он связан с исследуемым событием и какой факт он подтверждает. Суд (судья) обязан выяснить мнение противоположной стороны относительно приобщения указанного документа к уголовному делу.

В литературе предлагается проводить оглашение документа, подлежащего приобщению, по правилам ст.285 УПК [3, С.180].

Нам это представляется излишним, тем более что в ст.286 УПК имеется указание о том, что эти документы подлежат исследованию в ходе судебного следствия. Исследование документов, как нам кажется, предполагает его оглашение тем или иным участником процесса.

По нашему мнению, оглашение документа участником уголовного судопроизводства, подлежащего приобщению, недостаточно. Суду (судье) следует осмотреть указанный документ после передачи его для приобщения к делу. Результаты осмотра документа судом (судьей) подлежат занесению в протокол судебного заседания.

К сожалению, УПК не предусматривает такого судебного действия, как осмотр документов. Однако в соответствии со ст.286 УПК документы, представленные суду, как нами уже указывалось, могут быть *исследованы (курсив мой - А.Х.)*. По нашему мнению, процесс исследования документов также включает в себя такое процессуальное действие, как осмотр его судом (судьей) и другими участниками уголовного судопроизводства. Именно в оглашении документа стороной и его осмотре любым участником процесса и заключается такое общее условие судебного разбирательства, как устность и непосредственность.

Кроме того, УПК не дает ответа, как поступить судье, если сторона представит для приобщения предмет. Судебные действия в ходе судебного следствия в большей степени преследуют цель проверки и оценки доказательств. Однако уголовно-процессуальный закон не запрещает приобщения предмета в качестве вещественного доказательства.

Возникает вопрос, а может ли предмет быть изъят в ходе производства некоторых следственно-судебных действий. В главе 37 УПК отсутствуют указания на процессуальный порядок производства ряда судебных действий, а суд (судья) в этой ситуации вынужден пользоваться аналогичными правилами производства соответствующих следственных действий.

В полной мере указанное правило следует применить к такому судебному действию,

как осмотр местности и помещения. Процессуальный порядок производства осмотра местности и помещения в ст.287 УПК не указан. В случаях если суд (судья) в ходе указанного судебного действия обнаружит предмет, имеющий отношение к уголовному делу, то он подлежит изъятию по правилам ч.3 ст.177 и ч.2 ст.180 УПК. Исходя из указанного выше, приходим к выводу, что суд (судья) в ходе судебного следствия в рамках осмотра местности и помещения вправе изымать предмет, имеющий отношение к уголовному делу.

Обращаясь ко второму проблемному вопросу о приобщении предмета к материалам дела по ходатайству сторон в рамках судебного заседания, укажем, что мы считаем возможным приобщить предмет к материалам уголовного дела в случаях, если сторона подтвердит факт его относимости. Кроме того, суду (судье) следует заслушать мнение противоположной стороны по данному вопросу. Сторона, желающая приобщить тот или иной предмет к материалам уголовного дела, обязана указать, где и при каких обстоятельства данный предмет был обнаружен. В том случае, если этот предмет был получен от какого-либо лица, это лицо должно быть обязательно допрошено в рамках судебного следствия.

Суд (судья) по ходатайству сторон или по собственной инициативе вправе проверить подлинность того или иного предмета путем назначения судебной экспертизы. Стоит напомнить, что при наличии любых неустранимых сомнений в подлинности предмета и его относимости они толкуются в пользу подсудимого, а суд должен отказать в удовлетворении ходатайства о приобщении предмета к материалам уголовного дела. В случае если суд (судья) удовлетво-

рил указанное ходатайство, а назначенная экспертиза не принесла результатов, то он не должен учитывать это обстоятельство при принятии процессуальных решений.

По нашему мнению, следует предусмотреть возможность приобщения предметов в качестве вещественных доказательств в ходе судебного следствия в уголовном процессе России. В обоснование своей научной позиции обратим внимание на ст.271 УПК, где указано, что на подготовительной части судебного разбирательства сторонам разрешается ходатайствовать об истребовании вещественных доказательств. Мы осознаем, что данное правило распространяется лишь на подготовительную часть судебного разбирательства.

По нашему мнению, указанное правило необходимо распространить на этап судебного следствия с небольшой оговоркой, что в рамках указанного этапа истребуются лишь определенные *предметы* (курсив мой – А.Х.), а вещественными доказательствами они смогут стать после того, как будут исследованы в рамках судебного следствия с участием сторон и будет установлена их относимость и достоверность. Подобный процессуальный порядок приобщения предмета соответствует требованиям уголовно-процессуального закона и его следует признать допустимым.

Поэтому рекомендуем изложить ст.286 УПК в следующей редакции:

«Статья 286. Приобщение предметов и документов к материалам уголовного дела

Предметы и документы, представленные в судебное заседание сторонами или истребованные судом, могут быть на основании определения или постановления суда исследованы и приобщены к материалам уголовного дела».

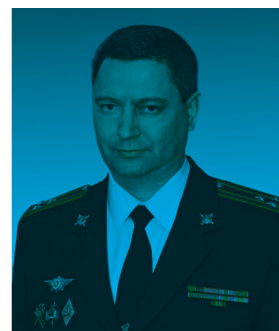
ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдаров А.А. К вопросу о понятии и классификации судебных действий, осуществляемых в ходе судебного следствия // Черные дыры в российском законодательстве. 2012. №5. С.109-112.
2. Хайдаров А.А. Условия коррупционного поведения судей при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. №4 (24). С.285-291.
3. Васяев А.А. Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2008. 242 с.

С.А. Карнович

(ФГКОУ ВПО «Восточно-Сибирский институт МВД России»)

ВОПРОСЫ ОПЕРАТИВНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ ФАКТОВ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

На основе анализа правоприменительной практики и законодательства рассмотрены отдельные аспекты проведения оперативно-розыскных мероприятий при расследовании незаконной перевозки наркотических средств и психотропных веществ железнодорожным и воздушным транспортом.

Ключевые слова: Наркотические средства, психотропные вещества, незаконный оборот наркотиков, способы транспортировки наркотиков, оперативно-розыскные мероприятия, транспортная инфраструктура.

Based on the analysis of legislation and law enforcement practices considered some aspects of the search operations in the investigation of illegal transportation of narcotic drugs and psychotropic substances by rail and air transport.

Keywords: Narcotic drugs and psychotropic substances, trafficking in drugs, ways of transporting narcotics, search operations, transport infrastructure.

Поскольку преступления с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами совершаются в условиях неочевидности и зачастую вскрываются вследствие реализации оперативно-розыскных материалов, при расследовании данной категории преступлений требуется эффективное взаимодействие следователя с оперативными работниками. Самым распространенным противоправным деянием незаконного оборота наркотиков является хранение. Вместе с тем, учитывая, что большинство наркотических средств в России не производится (только за 2012 г. изъято 35815797 гр., из них наркотические средства опийной группы (в том числе героин) 5686985 гр.), очевиден факт, что без перевозки как вида противоправной деятельности наркодилерам не обойтись. Однако, согласно статистическим данным, львиная доля выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, квалифицируется как хранение или сбыт. Так, за 2012 г. выявлено 218974 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, из них по ст.228 УК – 99794, по ст.228.1 УК – 104943.

Понятие незаконной перевозки, которая представляет собой умышленные действия лица, перемещающего без цели сбыта наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, подробно раскрывает п.8 постановления Пленума ВС РФ от 15.06.2006 г. № 14 [1]. Так, Е. незаконно приобрел наркотическое средство – опий массой 9,09 гр. для личного потребления в четырех полиэтиленовых пакетиках, принес его в автомашину и вместе с Щ. вез до момента задержания в тот же день. Е. был осужден за незаконную перевозку наркотика.

Президиум Верховного Суда РФ приговор в части осуждения Е. за перевозку наркотических средств отменил и указал, что вопрос о наличии в действиях лица незаконной перевозки наркотических средств и об отграничении этого состава преступления от незаконного хранения наркотического средства во время поездки должен решаться судом в каждом конкретном случае с учетом направленности умысла, цели использования транспортного средства, количества, размера, объема и места на-

хождения наркотических средств или психотропных веществ и других обстоятельств дела. Как видно из материалов дела, Е. приобрел наркотическое средство для личного потребления. При таких обстоятельствах в действиях Е. и Щ. отсутствует незаконная перевозка наркотических средств [2].

Учитывая проблемы связанные с распространением высокоактивных наркотических средств и психотропных веществ, относящихся к Списку I, находящихся в незаконном обороте преимущественно в различных смесях с нейтральными компонентами, Пленум ВС РФ в п. 4 постановления от 15.06.2006 г. № 14 совершенно обоснованно сделал вывод о том, что, решая вопрос об ответственности по ст.228, 228.1 и 229 УК РФ в отношении наркотических средств и психотропных веществ из Списка I по таким квалифицирующим признакам, какими являются крупный и особо крупный размеры, следует исходить из общего веса смеси (в граммах) содержащихся в ней наркотического средства или психотропного вещества и нейтральных компонентов (мука, крахмал, тальк и т.п.), а не из количества содержащихся в смеси наркотического средства или психотропного вещества (в граммах) в чистом виде. При этом в тех случаях, когда наркотическое средство или психотропное вещество, включенное в Список I, входит в состав смеси (препарата), содержащей более одного наркотического средства или психотропного вещества, его количество определяется весом всей смеси по наркотическому средству или психотропному веществу, для которого постановлением Правительства РФ № 1002 установлен наименьший значительный, крупный или особо крупный размеры [3].

Аналогичный порядок для определения значительного, крупного и особо крупного размеров применяется к смеси, содержащей в своем составе наркотическое средство Списка II «кокаин» (а также «кокаина гидрохлорид»).

Так, Т. обвинялся в том, что в неустановленное время, в неустановленном месте, у неустановленного лица незаконно приобрел наркотическое средство: героин, мас-

сой 1,53 гр., который хранил без цели сбыта у себя дома, то есть совершил преступление, предусмотренное ч.1 ст.228 УК РФ по признаку его совершения в крупном размере. Постановлением суда уголовное дело в этой части прекращено за отсутствием в действиях Т. состава преступления, так как крупный размер героина не нашел подтверждения.

Прокурор в представлении указал, что при определении размера наркотического средства суд необоснованно исходил из содержания чистого героина в смеси, признав, что 0,013 грамма героина в смеси нельзя отнести к крупному размеру приобретения, поскольку таковым является размер, превышающий 0,5 гр.

Судебная коллегия ВС РФ согласилась с данными доводами. Как видно из заключения экспертизы, общая масса вещества, конкретное наименование которого как не относящегося к широко распространенным наркотическим средствам ввиду малого количества и отсутствия образцов сравнения определить не представилось возможным, составила 1,530 гр. с содержанием чистого героина в ней 0,013 гр.

По смыслу закона, если наркотическое средство входит в состав смеси, содержащей одно наркотическое средство, то его размер определяется весом всей смеси, однако суд вынес решение, не обсудив данного вопроса, поэтому оно подлежит отмене [4].

Отметим, что в настоящее время ч.1 ст.228 УК РФ предусматривает ответственность за незаконное хранение наркотического средства в значительном размере, и в соответствии с постановлением Правительства РФ от 01.10.2012 г. № 1002 именно его составляет данная масса героина.

Несмотря на то, что перевозка и хранение наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов объединены в ч.1 ст.228 УК РФ, необходимо четко их разграничивать.

После получения справки специалиста по результатам исследования в случае, если представленное на исследование вещество является наркотическим (на основании постановления Правительства РФ

от 30.06.1998 г. № 681) и если размер соответствует как минимум значительному (на основании постановления Правительства РФ от 01.10.2012 г. № 1002), следователь (дознатель) выносит постановление о возбуждении уголовного дела.

Возбуждение уголовного дела по ст.228.1 УК РФ без проведения ОРМ практически невозможно. Есть только один факт, когда уголовное дело возбуждается по ст.228.1 УК РФ со ссылкой на ст. 30 УК РФ, – это когда задерживается лицо, которое при себе имеет большое количество наркотических средств или психотропных веществ, например 100 и более граммов героина. Так как ясно, что для личного потребления это слишком много, уголовное дело возбуждается по ст.30, ч. 2 ст.228.1 УК РФ. В п. 15 постановления Пленума ВС РФ от 15.06.2006 г. № 14 разъяснено, что если лицо незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает или перерабатывает наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги в целях последующего сбыта этих средств или веществ, но умысел не доводит до конца по не зависящим от него обстоятельствам, содеянное при наличии к тому оснований подлежит квалификации по части 1 статьи 30 УК РФ и соответствующей части статьи 228.1 УК РФ как приготовление к незаконному сбыту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Все остальные конкретные факты сбыта могут вменяться лицу только лишь по результатам проведения ОРМ.

Наиболее эффективные оперативно-розыскные мероприятия для выявления и документирования преступлений данной категории:

- контролируемая поставка;
- проверочная закупка;
- оперативное внедрение;
- наблюдение;
- обследование зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств;
- прослушивание телефонных переговоров;
- контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений.

Самым распространенным ОРМ являет-

ся проверочная закупка, представляющая собой совокупность действий по искусственному созданию ситуации (мнимой) сделки купли-продажи с лицом, подозреваемым в противозаконной деятельности.

Проверочная закупка по делам о незаконном обороте наркотических средств – это закрытое, зашифрованное приобретение наркотических средств и психотропных веществ с целью выявления, пресечения, документирования, задержания с поличным лиц, причастных к сбыту крупных партий наркотиков. Проведение проверочной закупки предметов и веществ, ограниченных или запрещенных в гражданском обороте в соответствии со ст.8 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» осуществляется на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД. Получение судебного решения не требуется. На это имеется определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 102-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.В. Васильева на нарушение его конституционных прав ч. 7 ст.8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [5].

Необходимо учитывать, что следователь не имеет права непосредственно участвовать в проведении ОРМ. Вместе с тем этот субъект может принимать участие в «планировании ОРМ, консультировании работников оперативно-розыскных подразделений по вопросам их проведения, закрепления результатов, перспектив последующего использования» [6] и т.д.

Из анализа судебно-следственной практики и специальной литературы следует, что подлинниками оперативно-служебных документов, которые чаще всего составляются оперативными подразделениями по делам о незаконном сбыте наркотиков при проведении проверочной закупки, являются:

1. Рапорт сотрудника.
2. Постановление о проведении ОРМ – проверочная закупка.
3. Приложение к постановлению о проведении ОРМ (ксерокопии купюр, акт по-

метки денежных купюр).

4. Заявление гражданина о согласии участвовать в проведении ОРМ.

5. Акт досмотра «покупателя» перед проведением ОРМ.

6. Акт вручения «покупателю» денежных средств.

7. Приложение к акту вручения денежных средств (ксерокопии купюр).

8. Акт наблюдения (стенограммы, подготовленные по материалам аудио-, видеозаписи).

9. Схема (приложение к акту наблюдения).

10. Акт досмотра «покупателя» после проведения ОРМ.

11. Отношение (направление изъятого вещества на исследование).

12. Справка об исследовании изъятого вещества.

13. Объяснение сотрудников.

14. Фотокомпозиционный портрет (карта на субъективный композиционный портрет).

15. Рапорт об обнаружении признаков преступления (регистрация в КУСП).

16. Постановление о предоставлении результатов ОРД.

17. Наркотическое средство, изъятое в ходе ОРМ, в упакованном и опечатанном виде.

Предварительная проверка по факту незаконной перевозки наркотических средств и психотропных веществ в целях сбыта осуществляется путем тщательного анализа исходной информации, в том числе результатов ОРМ. Предварительная проверка может осуществляться как следователем, так и лицом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

После принятия решения о возбуждении уголовного дела выбор направления расследования, правильная его организация, формирование комплекса средств собирания доказательств зависят от правильной оценки исходной следственной ситуации.

Согласно ст.49 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», органы, осуществляющие ОРД, имеют право на проведение проверочной закупки, то есть на оборот наркотических средств и психотропных веществ.

Изучение материалов судебно-след-

ственной практики разных регионов позволяет нам сделать вывод, что однозначного отношения по поводу реализации материалов, полученных в ходе проведения ОРМ, нет.

Так, в соответствии с ч.2 ст.21 УПК РФ в каждом случае обнаружения признаков преступления следователь, орган дознания принимают меры по установлению события преступления и изобличению лиц. Тем самым при обнаружении признаков состава преступления уполномоченные должностные лица обязаны возбудить уголовное дело.

В то же время ст.2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» одной из задач ОРД называет выявление и установление лиц, совершивших преступление. При проведении проверочной закупки не все участники могут быть выявлены сразу, поэтому объективно возникает необходимость в дальнейшем проведении ОРМ.

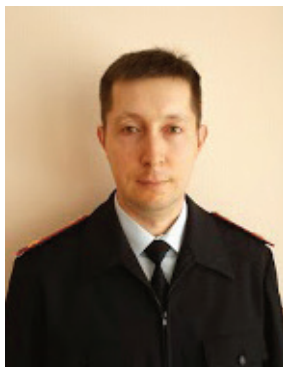
Таким образом, два федеральных закона вступают в противоречие. Однако предпочтение отдается отраслевому законодательству. В силу ст.118 Конституции РФ и ст.8 УПК РФ правосудие осуществляется только судом и в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством. Тем самым УПК РФ является отраслевым нормативным правовым актом.

Поэтому правоохранительные органы вынуждены в соответствии со ст.21 УПК РФ возбуждать уголовное дело после проведения проверочной закупки в отношении неустановленных лиц, что влияет на раскрываемость. С целью получения положительных показателей органы дознания заинтересованы в направлении уголовного дела в суд по ч.1 ст.228 УК РФ, без проведения мероприятий, направленных на установление каналов поставки и участников наркобизнеса. Представленные в начале статьи данные наглядно показывают, что, к сожалению, в настоящее время правоохранительные органы противодействуют незаконному обороту наркотиков точечно, то есть «бьем по тем, кто при себе хранит», а не глобально – в стратегическом плане – кто доставляет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2004 г. по уголовным делам, утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2004 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 3. С.9.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002 "Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 2281, 229 и 2291 Уголовного кодекса Российской Федерации"// СЗ РФ. 2012. № 41. Ст.5624.
4. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 сентября 2006 г. № 46-О06-72 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. URL: <http://base.consultant.ru>
5. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 102-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Васильева Владимира Васильевича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 8 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"». URL: <http://sudbiblioteka.ru/ks/listdeloks3.htm>
6. Гармаев Ю.П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков: практ. пособие. Иркутск: Изд-во ИПКПР ГП РФ, 2004. С.7.

Ю.Л.Сироткин,

кандидат социологических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Распределение власти между мужчиной и женщиной в семье определяются комплексом факторов, к которым можно отнести: экономические, политические, религиозные и национальные. Существуют три основных варианта распределения власти в семье: матриархат, патриархат и равноправие. В первобытном обществе власть принадлежала женщинам (матриархат). Это было связано с необходимостью передачи собственности по наследству, а в условиях промискуитета точно можно определить только материнство. После формирования основных моральных запретов («табу») и упорядочивания отношений через заключение брака наступил период патриархата. Современное гражданское общество не исключает и равноправных отношений между мужчиной и женщиной в семье. Первенство в семье определяет организацию функционирования, характер принятия решений, меру участия членов семьи в управлении ее жизнедеятельностью.

Ключевые слова: семья, власть, распределение, патриархат, матриархат, общество.

The distribution of power between men and women in the family are determined by a complex of factors, these include: the economic, political, religious and national. There are three basic options for the allocation of power in the family: matriarchy, the Patriarchate and «equality». In primitive society the power belonged to the women (maternal). It was connected with the necessity of transfer of property by inheritance, and in the conditions of промискуитета accurately determine only motherhood. After the formation of the basic moral prohibitions («taboo») and organize your relations through marriage, a period of Patriarchate. Modern civil society does not exclude and equal relations between a man and a woman in the family. The leadership in the family determines the functional organization of the nature of decision-making, the measure of involvement of family members in the management of its activity.

Keywords: family, power distribution, the Patriarchate, matriarchy, and society.

Современная российская семья является объектом пристального внимания различных гуманитарных и естественных наук. На каждом новом этапе развития общества происходит переоценка ценностей, возрастает интерес к определенным проблемам создания и функционирования семьи. Проблемы современной семьи носят социально-психологический и социологический характер. Одной из таких проблем является распределение власти в семье.

Распределение власти между мужчиной и женщиной в семье определяется комплексом факторов, к ним можно отнести: экономические, политические, религиозные

и национальные. Существуют три основных варианта распределения власти в семье: матриархат, патриархат и равноправие. В первобытном обществе власть принадлежала женщинам (матриархат). Это было связано с необходимостью передачи собственности по наследству, а в условиях промискуитета можно определить только материнство. После формирования основных моральных запретов («табу») и упорядочивания отношений через заключение брака наступил период патриархата. Современное гражданское общество не исключает и равноправных отношений между мужчиной и женщиной в семье. Первенство в семье определяет

организацию функционирования, характер принятия решений, меру участия членов семьи в управлении ее жизнедеятельностью.

В работах отечественных и зарубежных исследователей накоплен большой опыт изучения семьи. Большинство авторов (Антонюк Е.В., Суслова Т.Р., Лекторская Е.В., Алешина Ю.Е., Голод С.И., Най Р.И., Роллинз Е.М., Хаас Л. и др.) сходятся во мнении, что происходит активный процесс эгалитаризации семейных отношений. Другие же авторы (Москвичева Н.Л., Белинская Е.И., Куликова Е.П. и пр.) полагают, что традиционная модель семьи сохраняет, хотя и чуть меньшую, популярность сегодня.

Социально-экономический и политический кризис в России вызвал во второй половине 80-х и 90-х годах XX века всплеск религиозной активности. В современном российском обществе религия продолжает играть значимую роль и оказывать влияние на различные сферы социума. По данным социологических исследований, более половины населения современной России называют себя сегодня верующими [7. С.29-38]. Люди обращаются к вере потому, что религия дает человеку выверенные многовековым опытом ценностные и нравственные ориентиры, – считает Т.И. Дымнова [8. С.100].

Сложно спорить с тем, что религиозная вера представляет феномен субъективного мира, психики и сознания человека, а значит, влияет на особенности его семьи. Например, наряду с демографической катастрофой, «...когда двое супругов в лучшем случае воспроизводят одного ребенка, а число незамужних женщин достигает 20% населения, в верующих семьях мы видим по три, по четыре и более детей» [8. С.100].

Семья – это сложное социально-культурное явление. Она есть результат общественного развития, продукт истории. Именно это, по мнению Гафаровой М.К., объединяет в себе естественно – биологические, хозяйственно-экономические, юридические, моральные и эстетические отношения [5.С. 82-83]. По общему признанию семья – древнейший институт человеческого общества – прошла сложный путь развития. От первобытных форм общежития, через

большую семью, вмещавшую под одной крышей несколько поколений, включающей многочисленных родственников, к нуклеарной семье, состоящей только из родителей и детей – таков путь развития современной «ячейки общества».

Итак, семья – исторически сложившаяся саморазвивающаяся социальная ячейка общества, основанная на браке, санкционированная и регулируемая государством, форма отношений между мужчиной и женщиной, родителями и детьми и другими родственниками, ведущими общее хозяйство.

Говоря о распределении власти в современной российской семье, отметим, что под влиянием модернизации на первый план выходит принцип рационального инструментализма и эгоистических мотивов в поведении большинства граждан. При этом взаимоотношения в семье могут зависеть от интересов каждого члена семьи.

С точки зрения Д. Белла и Э. Тоффлера, человечество прошло несколько этапов цивилизации: аграрный (доиндустриальный), индустриальный и постиндустриальный (информационный) [10; 11]. Конечно, информационный век существенно изменил социальные роли в семье и в какой-то мере ограничил влияние нравственных норм на своих детей, точно так же, как глобальная экономика и политика, включая информационные сети, ограничили влияние национальных государств и их право на контроль над социальным поведением своих граждан. Однако и в том, и в другом случаях семья и государство продолжают играть важную роль в закреплении наиболее значимых социальных и культурных кодов поведения людей, которые способствовали бы не только процветанию государства и семьи, но и созданию пространства для диалога и развития необходимых качеств и навыков для ответа на существующие вызовы реальности.

Достаточно большое влияние на распределение власти в семье оказывает религия. В Татарстане исторически получили широкое распространение две мировые религии – это христианство и ислам. Говоря о влиянии религии на распределение власти в семье, заслуживает внимания характеристика

структуры мусульманской семьи, основанная на четырех столпах, которые приводит Абдел Рахим Омран [1. С.5]. 1. Семья как колыбель общества, обеспечивающая безопасность, здоровье и поддержку для родителей и подрастающего поколения. 2. Семья как фактор, ограничивающий естественные сексуальные желания мужчин и женщин и направляющая их в здоровое русло. 3. Семья как источник главных добродетелей, таких, как любовь, доброта, милосердие. 4. Семья как самое надежное укрытие от внутренних и внешних опасностей.

Ислам не против поиска знаний, опасность заключается в том, что нередко религиозные деятели ограничивают стремление молодежи к интеллектуальному развитию религиозными догмами. Шариат представляет собой не только свод мусульманских правовых норм, но и всеобъемлющую систему правил поведения и запретов. В отличие от христианства, в исламе почти все регламентируется – внешний облик, образ жизни, образ мышления. Ислам пытается монополизировать духовную жизнь народа, жестко регулирует образ мышления, поведения, ограничивая, таким образом, свободу выбора; с одной стороны, сохраняет традиции, с другой – ограничивает свободу личности. *Власть в мусульманской семье безоговорочно принадлежит мужчине.*

Обратимся к основам христианского брака. Брак с самого начала был установлен Богом как основание любого общества на все времена. Когда Бог сотворил этот мир и первых людей, Он провозгласил, что нехорошо быть человеку одному. Сотворив женщину из ребра мужчины, Бог сделал это, чтобы символически показать тесную взаимосвязь между мужчиной и женщиной в плане творения. Именно поэтому мы чувствуем особенный "интерес" друг к другу и желание соединиться. Основать семью и воспитать следующее поколение – важная часть Божьего плана для жизни человека [9].

В христианстве семья создана для того, чтобы принести счастье человеку. «Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт.2:24-25) Бог дал это повеление

мужу, потому что именно ему следует быть основателем семьи [3].

Следующим важным моментом является то, что брак требует неразлучного соединения мужа и жены в течение всей их жизни. Это повеление Бога четко видно в слове «прилепиться». Это значит отдаться всем сердцем, прежде всего, духовно, а потом позволить этому проникнуть во все сферы своего существа так, чтобы это соединение было интеллектуальным, эмоциональным и физическим. Брак – это глубокие, нежные, чистые, интимные и любовные взаимоотношения. Он был с самого начала предопределен Богом по образу взаимоотношений Христа и Его церкви [12]. *Такое понимание семьи предполагает в большей степени равноправные отношения между ее членами.*

Распределение власти в семьях с одинаковым и разным вероисповеданием супругов. В современной России, по мнению Н. Пезешкиана, получает все большее распространение «плюралистическое сосуществование во многих семьях и группах, где каждый придерживается различных философских, религиозных, этических взглядов и живет согласно специфическим производственным отношениям и правилам человеческого поведения. Это становится нормой воспитательных отношений внутри отдельной семьи, превращая транскультурный подход в основу межличностных отношений» [2. С. 28].

В.П. Левкович, исследуя взаимоотношения в семьях с разным вероисповеданием, предполагает, что источником деструкции супружеских отношений в таких семьях может быть противоречивость потребностей супругов, основанная на различиях их национальных культур, формирующих специфику национального сознания и самосознания супругов, которая особенно ярко проявляется в сфере семейно-бытовых обычаев и традиций. Следовательно, успешная адаптация супругов в семье с разным вероисповеданием зависит от того, насколько они способны преодолевать противоречия, обусловленные спецификой национальных культур брачных партнеров.

Говоря об религиозных факторах, вли-

яющих на распределение власти в семье, нужно учитывать, насколько каждый член семьи идентифицирует себя с той или иной верой, и насколько он повторяет поведение своих родителей в семье, в которой родился и вырос. Таким образом, в семьях с разным вероисповеданием возникает много ситуаций, касающихся вопросов религиозной принадлежности. Важную роль в такой семье играет умение находить компромиссы и договариваться, особенно это касается воспитания детей.

В браках с разным вероисповеданием религиозная идентичность имеет свои особенности [4. С.27-30]. По-видимому, здесь все-таки преувеличивается этническое влияние татар в смешанных браках, особенно в последние десятилетия. Тем не менее, при рассмотрении вопроса о смешанных браках татар и русских следует учитывать крайне важный аспект религиозной принадлежности конкретно матери и отца. «Как представляется, в тех семьях, где мать – татарка, до половины детей становятся татарами, если же отец – татарин, то в большинстве случаев дети становятся русскими» [6. С.154].

Распределения ролей в семье происходит следующим образом. В русских семьях жена ответственна за «распределение» материальных благ в семье. Основная роль мужа в этих семьях – это «психотерапевт». Остальные роли распределены равномерно. У жен в татарских семьях нет явных ролей, они определяются мужем. Ведущие роли мужа – это роль «хозяина» и воспитателя детей. Если рассматривать результаты по распределению ролей в браках одной веры, то они почти совпадают. В обеих группах жены исполняют роль ответственного за «распределение» материальных благ в семье, а мужу отводится роль «хозяина».

К традиционному типу семьи (патриархальный брак) чаще склоняются мужчины-мусульмане пожилого поколения, проживающие в селе. К эгалитарному типу семьи (оба супруга лидеры) больше тяготеют представители православной веры старшего поколения, проживающие в городе. Амбивалентного типа придерживается молодежь, проживающая в городе.

В рамках нашей работы мы провели социологический опрос среди курсантов Казанского юридического института МВД России (таблицы 1-6).

Таблица 1.

Приверженцем какой религии Вы являетесь?	
Христианство	28%
Ислам	60%
Буддизм	-
Конфуцианство	-
Иудаизм	-
Атеист	4%
Затрудняюсь ответить	8%

Таблица 2.

Представителем какой национальности Вы являетесь?	
Татарской	56%
Русской	36%
Чувашской	-
Марийской	-
Свой вариант	-
Затрудняюсь ответить	8%

Таблица 3.

Кто в семье распоряжается доходом?	
Мать	42%
Отец	35%
Я лично	6%
Иные члены семьи	4%
Затрудняюсь ответить	13%

Таблица 4.

Ваш пол?	
Мужской	56%
Женский	44%

Таблица 5.

Ваш возраст?	
19 лет	28%
20 лет	60%
21 год	8%
24 года	4%

Таблица 6.

Ваше место жительства?	
Город	80%
Село	20%

Более половины респондентов (60%) ответили, что решают важнейшие вопросы на семейном совете, 24% – отец, 4% – мать

На вопрос «Каким образом распределяются обязанности по домашнему хозяйству?» 8% ответили, что обязанности распределяются по старшинству, 8% – по половой принадлежности, 52% ответили, что все делают вместе

Наиболее авторитетными в семье счита-

ют отца – 39%, 23% – мать, 13% ответили, что дедушка и бабушка

На вопрос «Какие взаимоотношения у Вас с самым авторитетным членом семьи?» 43% ответили, что любят, 45% – что уважают, а 8% затруднились ответить.

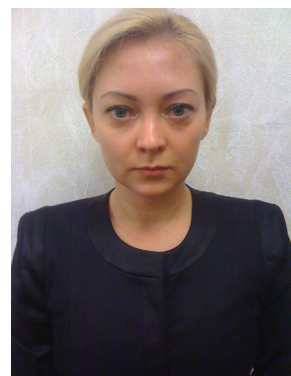
Таким образом, можно сделать вывод, что в большинстве российских семей, по мнению курсантов и слушателей Казанского юридического института, главенство принадлежит отцу. Этот факт подтверждает выдвинутую нами гипотезу, что в России пока сохраняется традиционное представление об отце как главе семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдел Рахим Омран. Планирование семьи в толковании Ислама. Душанбе, 2001. С.5.
2. Асанова Э.С. Этнокультурные факторы межэтнического взаимодействия. Молодые голоса в науке. Вып. 12. Майкоп: Ред. изд. отдел АГУ, 2008. С.28.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами. Минск: Библейская лига, 2006.
4. Влияние социокультурной среды на формирование общественного мнения студенческой молодежи // Перспектива-2003: материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: В 8-ми томах. Т. 1. Нальчик: изд-во Каб.-Балк. ун-та, 2003. С.27-30.
5. Гафарова М.К. Женщины Советского Востока. Ирфон. Душанбе, 1987. С.82-83.
6. Гриценко, В.В. Социально-психологический климат вокруг национально-смешанных семей / В.В. Гриценко // Этнические факторы в жизни общества. М.: Владос, 2009. 154 с.
7. Дубова Е.Т. Духовный кризис в современной России и практическая психология // Журнал прикладной психологии. 2000. №1. С.29-38.
8. Дымнова Т.И. Психологический анализ зависимости структурно-содержательных особенностей супружеской семьи от родительской: дис. ...канд. психол. наук. М., 1996. 128с.
9. Самралл Л. Божий проект счастливой семьи. СПб.:МРО ХВЕП «Христианская Миссия», 2010. 144 с.
10. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: ООО Изд-во АСТ, 2002. 669 с.
11. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. М.: ООО "Издательство АСТ", 2004.
12. Уит Эд, Глория Оукс Перкинс. Любовь в браке. Ровно. Принт Хауз, 2006. 238 с.

В.А. Рядинская,
кандидат юридических наук
(ГНИИ МВД Украины)

РАЗВИТИЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОХОДОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ДО XX ВЕКА

Исследуется исторический опыт налогообложения доходов физических лиц до начала XX века в различных странах (Англия, Франция, Германия, США, Россия). Выявлены исторические закономерности введения налога на доходы физических лиц на данном этапе. Предложено проецирование исторических уроков на формирование налоговой системы современного государства.

Ключевые слова: налог на доходы физических лиц, фискальный аппарат, контроль за доходами.

Historical experience of taxation of profits of physical persons is probed to beginning of XX age in different countries (England, France, Germany, USA, Russia). Historical conformities to law of introduction of tax are exposed on the profits of physical persons on this stage. Mapping of historical lessons is offered to forming of the tax system of the modern state.

Keywords: tax on the profits of physical persons, fiscal vehicle, control after profits.

Обращение к вопросам развития правового механизма налогов и сборов всегда вызывает пристальное внимание, так как правильно оценить процесс формирования налоговой системы государства возможно только сквозь призму становления того или иного налогового платежа, что в значительной мере актуализирует вопросы, связанные с генезисом налогообложения физических лиц. Принципы налогообложения физических лиц вырабатывались на практике в течение длительного времени и нашли свое отображение в концепции А. Смита [1], который в начале XX века провозгласил справедливость налогообложения доходов физических лиц. На сегодня данный принцип никем не оспаривается, наоборот, видные финансисты – А.В. Брызгалин, А.З. Дадашев, В.Г. Князев, В.А. Кашин, Н.П. Кучерявенко, Л.С. Кирин, И.А. Майбуров, Л.П. Павлова, В.М. Пушкарёва, А.Э. Сердюков, Н.Н. Тютюрюков, Д.Г. Черник, С.Д. Шаталов, Е.Б. Шувалов, Т.Ф. Юткина, А.А. Ялбулганов и другие являются его яркими приверженцами. Однако такое положение дел не всегда существовало в налоговом праве. Длительное вре-

мя ученые (А. Вагнер, Дж. Кейнс, Ф. Кенэ, А. Лаффер, Д. Локк, Дж. Миль, В. Мирабо, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, Ж. Сисмонди, Ж.-Б. Сэй, Д. Фридман, Ф. Юсти и другие) указывали на недостатки в налогообложении доходов физических лиц, подчеркивали неэффективность такого налогообложения, выдвигали предложения по отмене налога на доходы физических лиц. Связано это было, в первую очередь, с историей развития данного налога до XX века, его зарождением и формированием в разных странах.

Поэтому целью нашей статьи является исследование исторического развития налога на доходы физических лиц до XX века в разных странах, выявление исторических закономерностей введения такого налога в налоговых системах этих стран и оценка процесса формирования налоговой системы современного государства в направлении налогообложения доходов физических лиц.

Необходимо отметить, что попытки обложить налогом доходы физических лиц предпринимались в истории неоднократно. Так, еще в 10 году н.э. китайский император Ванг Манг ввел налог на доход мастеров (квалифицированных специалистов)

в размере 10% от получаемой ими прибыли [2], однако после смерти этого императора в 23 году н.э. его наследник отменил вышеуказанный налог «...внемля наставлениям людей мудрых и опытных».

В 1480 году во Флоренции, в связи с необходимостью ведения войны с Неаполем и папой, была введена, помимо подушного налога (капиталиции), «decima scalata» – «степенная десятина», которая представляла собой прогрессивный налог на доходы физических лиц – 5% взыскивалось с самых бедных, с доходом от 1 до 50 флоринов и 16,33% для богатых, получавших 1200 флоринов и более (в 1481 году был поднят до 22%) [3]. Однако, из-за недостатков в механизме налогообложения (сборщик податей имел неограниченную власть в определении имущественного ценза плательщика, и, соответственно, установлении размера налога, что неизбежно привело к росту коррупции) вызывал значительное недовольство среди населения и был отменен в 1488 году.

Во Франции в 1697 году по предложению С. Вобана и П. Буагильбера [4] был введен классифицированный подушный налог, взимающийся в соответствии с социальным статусом физических лиц (все население было разбито на 22 класса в зависимости от имущественного положения (как правило, в зависимости от арендной платы за жилье), в соответствии с принадлежностью к которому и устанавливались ставки налога – от 1 до 2000 ливров), при этом обычный подушный налог также продолжал взыскиваться. Основным недостатком данного налога, как и в предыдущем случае, было отсутствие четкого механизма контроля за размерами доходов, получаемых физическими лицами. Э. Селигман [5] подчеркивает, что практика уклонения от налога путем коррупционной схемы занижения доходов и отнесения плательщика к более низкому классу, стала повсеместной.

В 1710 году данный налог был реформирован [6] – систематизированы виды доходов, получаемых физическими лицами (от недвижимости, от зарплат, от ценных бумаг и от бизнеса) и установлена твердая ставка, одинаковая для всех плательщи-

ков – 10% от суммы полученных доходов (с 1749 – 5%). Была предусмотрена система льгот по данному налогу – полное освобождение от его уплаты, которое предоставлялось по личному указу короля. Это возможность получения льгот и погубила данный налог – сначала отдельные люди, а потом и целые классы освобождались от его уплаты. Налоговые органы из-за функциональной неэффективности (разобщенность, неграмотность чиновников, отсутствие централизованного управления) и желания личностного обогащения не могли обеспечивать равное налогообложение по этому налогу, его взыскание вызывало длительные споры и судебные разбирательства, поэтому, не удивительно, что одним из первых актов Великой Французской революции в 1789 году налог на доходы был отменен [7].

В Англии подобный налог появился в 1798 году по предложению премьер-министра В. Пита-младшего и был введен как чрезвычайная мера для пополнения бюджета при подготовке к войне с Наполеоном. Налог устанавливался на доходы более 60 фунтов в год в размере 2 шиллинга с фунта с суммы, превышающей необлагаемый минимум, и увеличивался до 2 фунтов с шиллинга при доходах более 200 фунтов. Особенностью налогообложения доходов физических лиц в данной стране было то, что сумму доходов никто не контролировал – налог уплачивался «по совести». В связи с этим, несмотря на постоянные изменения и реформирования его правового механизма, поступления от данного налога были незначительны [8].

В Пруссии в 1821 году для уплаты контрибуции наполеоновской Франции ввели классную подать, в соответствии с которой все граждане разделялись на четыре класса – рабочих и прислугу, крестьян; землевладельцев и богатых лиц и для каждого класса устанавливалась твердая ставка налога. Доходы лиц определялись приблизительно специальной оценочной комиссией. Реформа 1857 года изменила налог на доходы – он был разделен на классную и классификационную части. Классную часть

уплачивали бедные слои населения, а классификационную – богатые (доход которых превышал 3000 марок) [9].

С объединением германских земель в 1873 году налог на доходы физических лиц вновь подвергается реформированию. Лица с доходом до 420 марок от налогообложения освобождались, все остальные лица разделялись на 40 классов (в зависимости от имущественного положения, установленного специальной оценочной комиссией) и для каждого класса устанавливалась твердая ставка налога [10]. Налогообложение по такой системе отличалось неравномерностью (лица одного класса, но с разными доходами, платили одинаковую сумму налога), приводило к росту коррупции (население уплачивало взятки представителям оценочной комиссии для отнесения к менее состоятельному классу) и не приносило существенных доходов. В 1891 году, в очередной раз, правовой механизм налога на доходы физических лиц претерпел изменения – под налогообложение попадали все граждане Германии, которые были разделены на 94 степеней, где каждой соответствовал определенный размер налога, ставка которого зависела от суммы дохода (от 0,62 до 4%) [11].

В США налогообложение доходов физических лиц было введено в 1861 году – в период Гражданской войны. Под налогообложение попадали физические лица, доход которых превышал 600 долларов (по ставке 3%); лица с доходом от 10000 долларов облагались по ставке 5%. В 1880 году, после войны, налог был отменен. В 1880 году в Верховный суд США поступил иск от одного из бывших плательщиков, в котором он требовал возмещения ему всех уплаченных платежей на том основании, что налог на доходы является прямым налогом, а Конституция США на тот момент разрешала взыскание прямых налогов лишь при условии существования кадастра или переписи населения с пропорциональным разделением налога между штатами. Верховный суд США не принял аргументов истца и постановил считать налог на доходы акцизным налогом [12].

Вторая попытка ввести налог на доходы

в США в 1894 году привела к подаче подобного иска, и в этот раз Верховным судом такой налог был признан неконституционным [13]. Только внесение в 1913 году 16 поправки к Конституции США, которая разрешала введение налогов на доходы без пропорционального разделения между штатами, переписи и кадастрации, позволило ввести подобный налог на территории данной страны. Ставка такого налога устанавливалась для доходов, превышающих 3000 долларов, в размере 1%, а для доходов свыше 500000 долларов – увеличивалась до 7%. Однако, в связи с отсутствием взаимодействия между штатами, проблемами налогового учета и контроля за доходами физических лиц поступления от данного налога едва перекрывали расходы на его администрирование.

В России впервые налог на доходы физических лиц вводился в 1893 году в виде квартирного налога [14]. После крымской компании состояние финансов Российской империи находилось в критическом состоянии, поэтому с целью выявления новых источников для пополнения бюджета в 1859 году была создана Комиссия для пересмотра системы податей и сборов [15], которой на основе анализа исторического и зарубежного опыта было предложено разработать предложения по введению ряда новых налогов и сборов. Комиссией, среди прочего, было предложено введение квартирного налога, в котором идея налогообложения заключалась в следующем: налог устанавливался на квартиросъемщиков – чем дороже они снимали квартиру, тем большим был налог на них. По мнению ученых того времени [16, 17, 18], найм квартиры – внешнее проявление доходов физических лиц, так как доходы на содержание квартиры, по их мнению, напрямую зависели от суммы доходов плательщика. Для целей этого налога все города Российской империи было разделено на классы; в зависимости от класса и размера платы за найм квартиры закреплялись ставки налога в процентном соотношении от 1,6 до 10% (см. таблицу 1).

Таблица 1.

**Ставки квартирного налога на территории Российской империи
по Закону от 14 мая 1893 года [19]**

Размер платы за найм квартиры за год (в рублях)	Ставка налога (в зависимости от размера платы за найм квартиры)
в городах 1-го класса	
до 300	0%
300	1,6%
от 300 до 600	2,3%
от 600 до 1200	3,2%
от 1200 до 2400	4,4%
от 2400 до 4800	7,9%
от 4800 до 5800	9,7%
от 5800 и более	10 %
в городах 2-го класса	
до 225	0%
от 225 до 270	1,6%
от 270 до 540	2,3%
от 540 до 1080	3,2%
от 1080 до 1920	4,4%
от 1920 до 3010	7,9%
от 3010 до 4500	9,7%
от 4500 и более	10%
в городах 3-го класса	
до 150	0%
от 150 до 225	1,6%

от 225 до 540	2,3%
от 540 до 870	3,2%
от 870 до 1100	4,4%
от 1100 до 2000	7,9%
от 2000 до 3000	9,7%
от 3000 и более	10%
в городах 4-го класса	
до 120	0%
от 120 до 150	1,6%
от 150 до 230	2,3%
от 230 до 440	3,2%
от 440 до 910	4,4%
от 910 до 1100	7,9%
от 1100 до 2400	9,7%
от 2400 и более	10%
в городах 5-го класса	
до 60	0%
от 60 до 120	1,6%
от 120 до 200	2,3%
от 200 до 440	3,2%
от 440 до 610	4,4%
от 610 до 870	7,9%
от 870 до 1200	9,7%
от 1200 и более	10%

По утверждению министра финансов Российской империи С.Ю. Витте, введение квартирного налога было предтечей подоходного налогообложения. Таким образом государство стремилось получить сведения о доходах физических лиц прежде, чем ввести непосредственно налог на доходы [20]. Однако, несмотря на благие намерения, налог превратился в налог на расходы, на потребление (что не всегда соответствовало уровню доходов физического лица, так как в ряде случаев он мог быть вынужден снимать более дорогое жилье в связи с семейными обстоятельствами (больные родственники, разнополые дети и т.д.), при этом охватывалась узкая категория плательщиков – городские жители, снимавшие квар-

тиры, все иные физические лица под налогообложение не попадали. Своей цели он не достиг, сведений о доходах физических лиц добыть не помог, поступления от него в некоторых городах не превышали расходов на его взыскание.

Итак, историческими закономерностями развития налогообложения доходов физических лиц являются: 1) введение данного налога практически всегда было сопряжено с необходимостью срочного пополнения казны и поиском для этого дополнительных источников доходов; 2) взыскание налога на доходы физических лиц происходило наряду с взысканием иных прямых налогов на физических лиц (например, подушных); 3) отсутствие эффективного механизма

контроля за доходами физических лиц не давало значительных поступлений от вышеуказанного налога, в ряде случаев расходы на его администрирование превышали доходы от сбора; 4) наличие субъективного фактора в оценке доходов физических лиц неизменно приводило к коррупции и злоупотреблениям; 5) предоставление льгот по уплате данного налога использовалось для уклонения от его уплаты; 5) контроль за доходами физических лиц путем установления контроля за их расходами оказался неэффективным; 6) недостатки налогового учета и отсутствие взаимодействия между фискальными органами приводило к существенному уменьшению поступлений от налога на доходы физических лиц, а также коррупции.

Только к началу XX века с развитием капиталистического общества появились ус-

ловия, обеспечивающие возможность экономически эффективного взыскания налога на доходы физических лиц. Историческим уроком, который можно извлечь из развития налогообложения доходов физических лиц и который необходимо помнить, формируя систему налогообложения, является то, что введение подобного налога требует наличия определенных условий, без соблюдения которых его взыскание будет неэффективным, а именно – существование действенного фискального аппарата и развитой системы контроля за доходами физических лиц. При их отсутствии или недостаточной разработке процесс взимания такого налога приводит к развитию коррупции, злоупотреблениям, уклонениям.

В дальнейших работах мы продолжим анализ исторического развития налогообложения доходов физических лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сміт А. Добробут націй. Дослідження про природу та причини добробуту націй. К.: Порт-Роял, 2001. 593 с.
2. Seligman Edwin R.A. The income tax. A study of the history, theory and practice of income taxation at home and abroad. New York : The Macmillan Company, 1914. P.53.
3. Клулас И. Лоренцо великолепный – самый великолепный из Медичи // Электронный ресурс : [режим доступа] URL: <http://sv-scena.ru/athenaeum/lorenco-velikolepnyj.html>
4. Греченко В.А., Греченко В.В. Виникнення і розвиток податку з доходів фізичних осіб до Першої світової війни // Вісник Харківського Національного університету. 2010. Вип. 2(49).X. :Нац. ун-т внутр. справ. С.23-30.
5. Seligman Edwin R.A. The income tax. A study of the history, theory and practice of income taxation at home and abroad. New York : The Macmillan Company, 1914. P.53.
6. Князев В.Г. Тенденции развития налоговых систем в зарубежных странах // Налого-вый Вестник. 1998. №9. С.54-57.
7. Козырин А.Н. Налоговое право зарубежных стран: вопросы теории и практики. М.: Изд-во Проспект, 1999. 456 с.
8. Александров А.М. Налоговые системы России и зарубежных стран. М.: Бератор-Пресс, 2002. 192с.
9. Попова Л.В., Дрожжина Н.А., Алимов С.А. Налоговые системы зарубежных государств: учебное пособие. Орел : ОрелГТУ, 2007. 342с.
10. Ходов Л.Г., Попов В.И. Подходное налогообложение физических лиц (зарубежный опыт, российские проблемы). М.: Теис, 2004. 172с.
11. Морозова Г.В., Дерина О.В. Сравнительный анализ становления и развития системы налогообложения доходов физических лиц в РФ и зарубежных странах // Системное управление. 2009. Вып.1 (3). [Электронный ресурс]. URL : <http://sisupr.mrsu.ru>
12. Тютюрюков Н.Н. Налоговые системы зарубежных стран. Европа и США. М. : Дашков и К, 2002. 186 с.
13. Терентьева С.Н. Характеристика налогообложения доходов физических лиц в США // Фи-

нансы и менеджмент. 2009. № 5. С. 33-39.

14. Об устройстве налога на строения и квартиры в городах // Труды комиссии высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и соборов. Т. III Ч. 1. СПб. : Тип. В. Безобразова и комп., 1863. С. 1-32.

15. Орлик С.В. Проекты оподаткування нерухомого майна в Російській імперії в 50-60 роках XIX ст. // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. 2010. Вип. XVIII. С. 57-89.

16. Янжул И.И. Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. СПб. : Статутъ, 1899. 508 с.

17. Орлов Д. Налоговая реформа 1989 года – последняя и самая удачная в истории российского промышленного обложения // Налоги. 1993. № 3. С. 7-9.

18. Тарасов И.Т. Очерк науки финансового права . М.: Типография Императорского Университета, 1889. 307 с.

19. Об устройстве налога на строения и квартиры в городах // Труды комиссии высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и соборов. Т. III. Ч. 1. СПб. : Тип. В. Безобразова и комп., 1863. С. 1-32.

20. Витте С.Ю. Конспект лекций о государственном хозяйстве. СПб. : Тип. В.Д. Каткова, 1914. 456 с.

О.Э. Згадзай,

кандидат физико-математических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблемы информационной безопасности являются насколько значимыми, настолько и сложными для решения. Рост количества преступлений в сфере компьютерной информации вызывает необходимость в постоянном повышении квалификации и уровня подготовки специалистов, которые вынуждены противостоять хакерам и другим компьютерным злоумышленникам. Подготовка кадров должна осуществляться комплексно, в нескольких уровнях. Необходимо создать систему непрерывной профессиональной подготовки специалистов в области информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, защита информации, компьютерная преступность, профессиональная подготовка, предупреждение, профилактика

The problems of informational security are as significant, as complex to solve. The growth of the number of cybercrimes requires the necessity of professional growth special training of the personal, confronting hackers and various computer criminal. The personal training must be complex and multilevel. It is absolutely necessary to build the system of continuous professional training in the sphere of informational security.

Key words: informational security, protection of the information, cybercrime, professional training, warning, preventive maintenance

Проблемы информационной безопасности в условиях современной России являются одними из наиболее значимых и сложных. Они охватывают все уровни и сферы государственной деятельности. Именно поэтому вопросы информационной безопасности должны постоянно находиться в центре внимания государства, его органов, учреждений, организаций.

Согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства. Состояние информационной безопасности России определяется влиянием происходящей в мире "информационной революции" и массового использования информационных технологий: появилось множество но-

вых информационных опасностей и угроз – как внешних, так и внутренних. Организованный и трансграничный характер приобрели компьютерные преступления – возможности сети Интернет позволяют нарушителям из разных стран координировать свои деструктивные действия.

Сегодняшнее положение дел в области информационной безопасности не в полной мере соответствует формирующимся потребностям личности, общества и государства. К серьезным негативным последствиям приводит противоречивость и неразвитость правового регулирования общественных отношений в информационной сфере. Использование зарубежных информационных технологий приводит к росту угроз применения "информационного оружия" против информационной инфраструктуры России. Работы по адекватному комплексному противодействию угрозам информационной безопасности

ведутся при недостаточной координации и слабом бюджетном финансировании.

Принятие правильных решений, касающихся вопросов обеспечения информационной безопасности, должно опираться на использование научных достижений из разных отраслей знания – от физики и математики до психологии и права. Необходимо совершенствовать нормы и институты, регулирующие правовое положение специальных информационных служб министерств и ведомств, статус конфиденциальной информации и государственной тайны. Специальной регламентации требуют вопросы, касающиеся применения форм и видов безопасности информации, инженерно-технических способов защиты информации.

Рост количества преступлений в сфере компьютерной информации, их многочисленные разновидности, способность нарушителей оперативно устранять следы своего вмешательства в течение информационных процессов – все это обуславливает необходимость в постоянном повышении квалификации, уровня знаний и подготовки специалистов, которые противостоят хакерам и другим компьютерным злоумышленникам [1]. Существенное противодействие росту преступлений в сфере информационных технологий может оказать грамотная политика подготовки национальных кадров. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации относит развитие и совершенствование системы подготовки кадров в сфере обеспечения информационной безопасности к первоочередным задачам государственной политики.

Задачи кадрового обеспечения информационной безопасности включены в "Перечень приоритетных направлений научных исследований в области информационной безопасности Российской Федерации", неоднократно рассматривались на заседаниях Межведомственной комиссии Совета безопасности и секции по информационной безопасности научного совета при Совете безопасности Российской Федерации и Межведомственной комиссии по защите государственной тайны. Минобрнауки

России во взаимодействии с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти в стране сформировало основные направления многоуровневой системы подготовки кадров в области информационной безопасности. Проблемы подготовки специалистов в области информационной безопасности отражены в решении Межведомственной комиссии по информационной безопасности: "Признать необходимым обеспечение комплексного подхода при формировании планов и программ подготовки кадров по проблемам информационной безопасности. В учебных планах и программах подготовки специалистов технического профиля предусматривать усиленную правовую подготовку, а юридического профиля – обязательное изучение технических аспектов информационной безопасности".

Научным сообществом признано, что понятия "специалист по компьютерной технике" не существует, несмотря на широко распространенное убеждение в противоположном. Каждый специалист в области информационных технологий (ИТ) имеет очень четкую, в большинстве случаев – достаточно узкую специализацию [1]. Поскольку современные системы безопасности становятся все более сложными и комплексными как по целям, так и по используемым методам и средствам защиты, необходимо расширять номенклатуру образовательных специальностей по защите информации. Подготовка кадров должна осуществляться комплексно в нескольких уровнях. В результате кадры правоохранительных органов и работников судов должны иметь как соответствующую юридическую, так и техническую подготовку.

В настоящий период особо актуальна именно задача формирования системы подготовки кадров в области информационной безопасности как по "вертикали" – с охватом всех уровней подготовки, так и по "горизонтали" – с выходом на проблемы информационной безопасности в гуманитарной сфере и на стыке естественнонаучных, технических и гуманитарных направлений. В первую очередь это относится

к подготовке и переподготовке специалистов правоохранительных органов, органов суда и прокуратуры в области борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации. Представляется необходимым создать систему непрерывного профессионального образования специалиста в области информационной безопасности [2].

Базовые принципы подготовки кадров в области защиты информации с учетом требований настоящего момента времени можно сформулировать следующим образом:

- уровень получаемых теоретических знаний должен соответствовать международному уровню подготовки;
- необходимо ориентироваться на приобретение практических навыков защиты информации в отечественных условиях;
- особое внимание следует уделять вопросам организации защиты информации и развития информационной инфраструктуры на государственном, региональном и отраслевом уровне;
- существенное внимание должно быть уделено вопросам обеспечения информационной безопасности личности.

Проблема совершенствования подготовки специалистов в области информационной безопасности является многоплановой. Успешно решить ее возможно только комплексно, на основе системного подхода [3].

Можно обозначить ряд условий, реализация которых обеспечит качественную подготовку специалистов в области информационной безопасности.

- Обеспечение постоянной и тесной связи учебного процесса с научными исследованиями в области информационной безопасности.

Исследования в области информационной безопасности до недавних пор проводились только в закрытых и военных вузах. Стремительное развитие информационных технологий стимулирует гражданские вузы к интенсивному накоплению собственного опыта, созданию своих научных школ.

- Материально-техническое обеспечение учебного процесса.

Дополнительные трудности при подготовке специалистов по защите информации

вызваны требованиями к материально-техническому обеспечению учебного процесса. Практические и лабораторные занятия должны проводиться в специально оборудованных помещениях, с применением современной вычислительной техники.

Значительных затрат требует лицензионное программное обеспечение, расходные материалы, доступ в Интернет. Решение данных проблем в России находят путем интеграции с промышленными предприятиями.

- Обеспечение учебного процесса педагогическими кадрами высшей квалификации.

Данная проблема решается организацией курсов повышения квалификации, семинаров и конференций по обмену опытом, осуществлением непрерывного мониторинга качества образования.

Важным условием повышения качества подготовки специалистов в области информационной безопасности является формирование высокого уровня информационной культуры студентов. Персонал остается самым слабым звеном информационных систем, основным источником утечки и разглашения информации.

Проблему формирования информационной культуры при подготовке специалистов в области информационной безопасности целесообразно решать по двум направлениям. Во-первых, следует совершенствовать технологии отбора кандидатов на специальности, связанные с информационной безопасностью, во-вторых, необходимо организовать морально-психологическую и правовую подготовку студентов в процессе обучения [4].

В гуманитарных направлениях должно быть уделено внимание изучению таких вопросов, как борьба с компьютерными преступлениями, их экспертиза и расследование, защита от информационно-психологического воздействия на человека через технические системы и средства массовой информации, а также организационные, оперативные, правовые и психологические аспекты обеспечения информационной безопасности [5].

Учебно-воспитательная работа должна строиться таким образом, чтобы активно вовлечь будущих специалистов по компьютерным технологиям в борьбу с кибер-преступностью, изолировать их от преступной среды. С этой целью возможно организовать преподавание курса "Кодекс компьютерной этики", в ходе изучения которого делать упор на том, что уважение к собственности других лиц в виртуальном мире столь же важно, как в мире физическом. В целом концепция совершенствования процесса обучения по информационной безопасности в этом направлении предусматривает решение следующих задач: формирование правовой культуры в области информационных технологий, корректировка существующих учебных программ, введение новых учебных дисциплин.

В итоге можно отметить следующие ключевые моменты в повышении уровня подготовки квалифицированных кадров по информационной безопасности:

- Особая актуальность проблем информационной безопасности, в том числе с учетом региональных особенностей;
- Формирование количественной и качественной структуры подготавливаемого контингента в сфере обеспечения информационной безопасности.
- Совершенствование механизма определения потребностей в специалистах по информационной безопасности для государственного и негосударственного сектора экономики;
- Разработка перечня должностей специалистов по направлениям информационной безопасности и квалификационных характеристик, соответствующих современной ситуации;
- Необходимость отражения в документах по лицензированию и контролю качества подготовки специалистов специфических требований к содержанию и условиям реализации основных образовательных программ в области информационной безопасности;
- Совершенствование государственного образовательного стандарта по вопросам защиты государственной тайны и информационной безопасности, направленное на формирование базового уровня понимания существующих проблем в обществе;
- Необходимость активного привлечения работодателей, творческого потенциала ученых и практиков к разработке государственных образовательных стандартов и образовательных программ в области информационной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Погуляев В. Молодой здоровый вирус// ЭЖ-Юрист. 2004. № 23.
2. Лихачев В. Кадровое обеспечение информационной безопасности// Кадровик. Кадровый менеджмент. 2007. № 12. С.11-17.
3. Косичкин Р. Подготовка специалистов по информационной безопасности // Финансовая газета. Региональный выпуск. 2008. № 47.
4. Северин В.А. Правовая подготовка специалистов в области информационной безопасности организаций// Безопасность бизнеса. 2005. № 1. С.42-48.
5. Минбалеев А.В. Правовая подготовка специалистов по защите информации// Информационное право. 2007. № 4. С.21-24.

Г.Х. Шамсеева,
кандидат филологических наук
(КЮИ МВД России)

Г.Г. Шамсеева,
директор высшей категории татарской
гимназии №1 г. Казани

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО СПОСОБА ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ ПРАВА В АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена лексико-грамматическому способу образования юридической терминологии в английском и татарском языках. Показаны наиболее продуктивные модели образования юридических терминов как в английском, так и в татарском языках. Изучаются общие модели для двух исследуемых языков.

Ключевые слова: английская и татарская юридическая терминология, конверсия, продуктивные модели.

The article is devoted to the lexical and grammatical way of the formation new terms in Tatar and English languages. The most productive models of the formation law terms are given in the article below. The common models for both languages are studied.

Key-words: English and Tatar law terminology, conversion, the most productive models.

Лексико-грамматический способ терминологического образования (или конверсия) представляет собой образование нового термина «путем перехода чистой или осложненной грамматическими формантами основы в другую часть речи» [3]. Этот способ называется лексико-грамматическим, потому что образование нового термина происходит путем перехода слова в другой лексико-грамматический класс, в другую часть речи.

Конверсия – образование нового слова путем перевода данного слова в другую парадигму словоизменения. Переход слов из одной части речи в другую имеет место во многих языках мира. В одних языках конверсия представляет собой весьма продуктивный и регулярный способ образования новых слов (например, в английском и французском), в других – особой продуктивности и регулярности не наблюдается [4].

Конверсия в той или иной степени присуща многим языкам, но в английском языке она имеет особенно широкое распространение.

Важнейшей причиной этому является такая особенность английского языка, как отсутствие морфологических показателей.

Будучи продуктивным способом словообразования, лексико-грамматический способ участвует и при создании юридических терминов в английском языке. Наиболее продуктивны следующие модели:

1) существительное → глагол. Наиболее распространенная разновидность конверсии в современном английском языке – вербализация существительных. Путем конверсии от существительных образуются много глаголов: **The committee I chair opposes the move**. Вербализации чаще подвергаются простые непроизводные существительные. Почти всем существительным такой структуры в английском языке соответствует глагол:

a lesion (вред, убыток) → **to lesion** (наносить убыток), **a summit** (встреча на высшем уровне) → **to summit** (проводить участие во встрече на высшем уровне), **a bribe** (взят-

ка) → **to bribe** (давать взятку), **a vote** (голосование) → **to vote** (голосовать), **a combat** (борьба) → **to combat** (бороться), **a rate** (налог) → **to rate** (облагать налогом), **an advocate** (защитник) → **to advocate** (защищать), **an appeal** (апелляция) → **to appeal** (подавать апелляцию), **a trap** (ловушка) → **to trap** (заманить в ловушку), **a bail** (поручительство) → **to bail** (брать на поруки) [2].

Вместе с тем значительное количество глаголов образуются от сложных существительных, например, **red-line** (дискриминация отдельных районов города путем отказа владельцам собственности в займах, страховке) → **to red-line** (дискриминировать отдельные районы города путем отказа владельцам собственности в займах, страховке). Усиливается тенденция к образованию конвертированных единиц от усечений: **to frag** (убивать способом расчленения); **to psych** во фразе **to psych out** этот глагол имеет значение «подавлять психологически», во фразе **to psych up** – «стимулировать, волновать». Общая схема семантических изменений при образовании глаголов от неодушевленных существительных может быть представлена как приглушение семы «предметность» и добавление семы «действовать посредством предмета», которая становится стержнем нового значения. Например: **to trap** – заманить в ловушку. При образовании глаголов от одушевленных существительных происходит приглушение семы «лицо» и добавление семы «действовать подобно лицу»;

2) глагол → существительное. Среди конвертированных существительных усиливается тенденция к образованию от глаголов с послелогами: **to rip-off** (воровать) → **rip-off** (воровство), **to buy-out** (выкупать контрольный пакет акций) → **buy out** (выкуп контрольного пакета акций). Существительные могут образовываться от глагольных фраз, например: **work-to-rule** (выступление рабочих с требованиями соблюдать все пункты трудового договора);

3) прилагательное → существительное: **military** (военные) → **military** (военные), **cool** (спокойный, невозмутимый, сдержанный) → **cool** (самоконтроль, сдержанность),

часто употребляется во фразе **to lose one's cool, to keep one's cool**. Особенно продуктивно образование существительных от прилагательных, оканчивающихся на -ic, например **alcoholic** (алкогольный) → **alcoholic** (алкоголик), **fanatic** (фанатичный) → **fanatic** (фанатик). При образовании существительных от прилагательных на семном уровне происходит приглушение семы «качество» и добавление семы «предмет», которая становится центром значения субстантивированной единицы. При полной субстантивации прилагательных вновь образованное слово может определяться прилагательным, употребляться с определенным и неопределенным артиклями, выступать в синтаксических функциях существительного и иметь все присущие существительной формы словоизменения. Например: **He is a real criminal. Don't harbour criminals. The criminal was tracked down.**

Главный признак конверсии как слово-образовательного процесса – это, конечно, формирование нового обозначения с новым содержанием, притом моделируемым по тем же правилам, что наблюдаются, на-пример, и при суффиксации. Важно при этом подчеркнуть, что особенность данного явления видится не в расширении и не в сужении мотивирующей основы, а в ее переосмыслении, в “повороте” основы и ее рассмотрении под новым углом зрения. Таким образом, при конверсии происходит обогащение содержания понятия (добавляются новые семы).

Г.И. Одиноква [5] и М.М. Николаева [6] в своих диссертационных исследованиях считают конверсию малопродуктивным способом терминообразования в татарском языке. В процессе изучения юридической терминологии татарского языка ими было выявлено незначительное количество терминов, образованных путем конверсии. Самым продуктивным при этом способе исследователи указывают на субстантивацию. М.Д. Степанова отмечает, что субстантивация, то есть переход слов в класс существительных из других грамматических классов слов без применения каких-либо словообразовательных средств (аффиксов, изменения

корня), известна с древнейших времен [7].

При исследовании юридических терминов татарского языка, образованных лексико-грамматическим способом, в зависимости от части речи, в которую переходит слово (субстантивация, адъективация, адвербиализация), нами была выявлена следующая классификация.

Субстантивация.

Прилагательные → существительные: **азгын** (распутный) – **азгын** (распутник); **хэрби** (военный) – **хэрби** (военный); **асыл** (подлинный) – **асыл** (суть); **ирекле** (добровольный) – **ирекле** (доброволец); **эшлексез** (неделовой) – **эшлексез** (бездельник); **эшсез** (безработный) – **эшсез** (безработный); **гаепле** (виновный) – **гаепле** (виновник) и другие [1].

Глаголы → существительные: **белдерү** (объявить) – **белдерү** (объявление); **кисәтү** (предупредить) – **кисәтү** (предупреждение); **сайлау** (выбрать) – **сайлау** (выборы) и другие.

Причастие → существительные: **тикшерүче** (проверяющий) – **тикшерүче** (следователь); **оештыручы** (организующий) – **оештыручы** (организатор); **башкаручы** (исполняющий) – **башкаручы** (исполнитель); **яклаучы** (защищающий) – **яклаучы** (защитник); **катнашучы** (участвующий) – **катнашучы** (соучастник) и другие.

Имя действия → существительные: **янау** (угрожать) → **янау** (угроза); **көчләү** (насиловать, изнасиловать) → **көчләү** (изнасилование); **эзләү** (искать) → **эзләү** (поиск);

кимсетү (унижать) → **кимсетү** (унижение); **гаепләү** (обвинять, обвинить) → **гаепләү** (обвинение); **зарарлау** (повреждать, повредить) → **зарарлау** (повреждение); **талау** (грабить) → **талау** (грабеж); **урлау** (похищать, похитить) → **урлау** (хищение); **үтерү** (убивать, убить) → **үтерү** (убийство) и другие.

Адвербиализация.

Имя существительное → имя прилагательное: **гаеп** (вина) – **гаеп** (виновный); **газап** (мучение) – **газап** (мучительный); **залим** (изверг) – **залим** (жестокий); **хаким** (повелитель) – **хаким** (господствующий); **күрсәтмә** (указание) – **күрсәтмә** (наглядный).

Лексико-грамматический способ образования юридической терминологии или конверсия активно образует юридические термины в исследуемых языках. В английском языке этот способ терминообразования более распространен, а в татарском языке встречается реже. Тем не менее, нами были выявлены следующие общие модели для двух исследуемых языков: глагол → имя существительное, прилагательное → имя существительное [8].

Таким образом, конверсия является распространенным способом образования юридических терминов в английском языке, в то время как в татарском языке этот способ терминообразования не широко распространен, но имеет место.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амиров К.Ф. Русско-татарский юридический словарь. Казань: Татар. кн. изд-во, 1996. 103 с.
2. Англо-русский полный юридический словарь. Академическое издание / сост. А.С. Мамулян, С.Ю. Кашкин. М.: Эксмо, 2008. 816 с.
3. Ганиев Ф.А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань: Татар. книж. изд-во, 1978. С.34.
4. Ганиев Ф.А. Татарский язык: проблемы и исследования. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. С.6.
5. Николаева М.М. Формирование и развитие терминологии уголовного права в татарском языке: дис. канд. ... филол. наук. Казань, 2005. 238 с.
6. Одиноква Г.И. Формирование юридической терминологии в современном татарском литературном языке: дис. канд. ... филол. Наук. Казань, 1994. 203с.
7. Степанова М.Д. Лексикология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1962. С.200.
8. Шамсеева Г.Х. Юридическая терминология в английском и татарском языках: автореф. дис...канд. филол.наук. Казань: Логос, 2009.

И.В. Козелецкий,

кандидат юридических наук, доцент
(Академия МВД Республики Беларусь)

Н.И. Ретнёва,

кандидат юридических наук, доцент
(Академия МВД Республики Беларусь)

ЛИЧНЫЙ ОБЫСК КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

В статье раскрывается определение правовой природы личного обыска и обосновываются пути совершенствования процедуры его применения.

Ключевые слова: личный обыск, административный процесс, органы внутренних дел, Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях.

In the article the definition of the legal nature of a personal search and justified ways to improve procedures for its implementation.

Keywords: personal search, the administrative process, the bodies of internal affairs, the Procedural Code of the Republic of Belarus on Administrative Offences.

Личный обыск представляет собой одну из наиболее специфических мер обеспечения административного процесса. Действующим Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) личный обыск отнесен к мерам обеспечения административного процесса. Изучение правоприменительной практики показывает, что данная процессуальная мера широко применяется в деятельности органов внутренних дел. Однако существующие особенности ее применения требуют определения понятия «личный обыск», установления его признаков и оснований, а также исключения произвольного толкования существующих правовых норм.

Впервые понятие личного обыска как меры административно-процессуального обеспечения было введено п. 6 постановления Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 г. «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 г. № 5363-VI "Об усилении ответственности за хулиганство"»,

которым предписывалось перед водворением в камеру арестованных за мелкое хулиганство подвергать их личному обыску [1]; а также п. 2 постановления Президиума Верховного Совета СССР от 30.11.1976 «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30.11.1976 года "Об ответственности за незаконные операции с иностранной валютой и платежными документами"» [2], согласно которому при задержании лица, совершившего незаконные операции с иностранной валютой и платежными документами, органами внутренних дел в необходимых случаях производился личный обыск, о чем составлялся протокол личного обыска. Однако в дальнейшем законодатель отказался от использования указанного термина и ввел в правовой обиход понятие «личного досмотра» вместо «личного обыска» (постановление Президиума Верховного Совета СССР от 05.06.1981 г. № 4997-X [3] и п. 15 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 08.09.1982 г. № 7880-X «Об изменении и признании утратившими силу

некоторых законодательных актов СССР об административных правонарушениях» [4]). В последующем, согласно Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее КоАП) 1984 г., вступившему в силу на территории БССР с 01.06.1985 г., понятие «личный досмотр» использовалось на протяжении почти двух последующих десятилетий (ст.243 «Личный досмотр и досмотр вещей»). Последние изменения в определении данного процессуального действия были вызваны введением ПИКоАП в правовое поле понятия личного обыска, что свидетельствует о возврате к ранее используемой в 60-70 гг. XX в. терминологии.

Изучение научной литературы, тем или иным образом касающейся личного обыска, позволяет вести речь о его недостаточно полной правовой исследованности, отсутствии исчерпывающих характеристик при определении указанного понятия, а также подтверждает наличие некоторых проблем, существующих в правоприменительной практике. Применительно к природе личного обыска высказываются различные точки зрения. Так, А.Н. Крамник отмечает, что «личный обыск выражается в проверочном осмотре, досмотре лица» [5, С.124]. В.Н. Кивайко полагает, что под указанным процессуальным действием следует понимать «принудительное обследование тела человека и его одежды для обнаружения и изъятия документов, веществ и других предметов, являвшихся орудием или непосредственным объектом правонарушения, а также установления их личности» [6, С.87]. Личный обыск в литературе «по содержанию принудительного воздействия» относят «к мерам ограничения личных неимущественных прав» [7, С.533] и «принудительным мерам административно-процессуального обеспечения, направленных на получение доказательств» [8, С.382], а его сущность сводят к «принудительному обследованию гражданина» [9, С.308], «... либо его имущества» [10, С.338].

На сегодняшний момент определение личного обыска в ПИКоАП отсутствует.

Статья 27.1. КоАП РФ предусматривает

такую меру обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, как личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице.

Личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, то есть обследование вещей, проводимое без нарушения их конструктивной целостности, осуществляются в случае необходимости в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения (ст.27.7 КоАП РФ).

Статья 264. КоАП Украины также предусматривает личный досмотр и досмотр вещей как меру обеспечения по делам об административных правонарушениях, которая применяется уполномоченными на то должностными лицами органов Службы безопасности Украины, внутренних дел, органов и учреждений исполнения наказаний и следственных изоляторов, Военной службы правопорядка в Вооруженных Силах Украины, военизированной охраны, гражданской авиации, таможенных учреждений и органов пограничной службы, а в случаях, прямо предусмотренных законами Украины, также и других органов.

В настоящее время определение личного обыска, как и личного досмотра в КоАП Украины, в ПИКоАП отсутствует. Между тем специфика рассматриваемой меры обеспечения административного процесса требует своего законодательного определения. Анализ действующего административно-процессуального закона позволяет нам сделать вывод, что личный обыск представляет собой меру обеспечения административного процесса, применяемую в отношении физического лица, задержанного за совершение административного правонарушения и подвергнутого фактическому ограничению свободы, в целях обнаружения орудий и средств правонарушения, предметов, документов и ценностей, имеющих значение при ведении административного процесса.

По нашему мнению, к признакам личного обыска следует отнести: воздействие на телесную неприкосновенность индивида; принудительность проведения; двойственную

природу, определяющую познавательный и обеспечительный характер проведения личного обыска; формирование рамок осуществления поисковой деятельности (запрет на выход из «личной сферы» обыскиваемого); формулирование возможности проведения личного обыска, исходя из анализа составов административных правонарушений.

Личный обыск, проводимый в соответствии с ПИКоАП, выступает в качестве одного из предусмотренных им процессуальных действий, совершаемых уполномоченными на то должностными лицами при ведении ими административного процесса.

ПИКоАП выделяет следующие виды личного обыска:

1) личный обыск на стадии подготовки дела к рассмотрению (ст.8.6 ПИКоАП);

2) личный обыск обеспечительного характера, проводимый на стадии исполнения постановлений о наложении административных взысканий (ч.4 ст.18.7 ПИКоАП).

Основаниями проведения личного обыска являются наличие в действиях обыскиваемого признаков любого противоправного деяния, предусмотренного КоАП, а также обеспечение исполнения постановлений о наложении административных взысканий.

Применение личного обыска на стадии подготовки дела к рассмотрению допустимо исключительно по решению компетентного должностного лица, ведущего (начавшего) административный процесс (ч.1 ст.8.1 ПИКоАП), а обязательность его проведения может быть обусловлена только целями обнаружения орудий и средств административного правонарушения, предметов, документов и ценностей, имеющих значение для административного процесса (ч.1 ст.8.6 ПИКоАП). Анализ ст.8.9 ПИКоАП позволяет сделать однозначный вывод о необязательности личного обыска, ставя одновременно под сомнение в ряде случаев и неотложность его проведения (исключение составляют случаи, специально предусмотренные иными законодательными актами, например, п. 28 Инструкции по организации работы медицинского вытрезвителя, утвержденной постановлением МВД Республики Беларусь от 22.03.2004 № 65) [11].

В некоторых случаях личный обыск может заменяться схожими процессуальными действиями: изъятием вещей и документов (ст.8.9 ПИКоАП), осмотром (ч.2 ст.10.13 ПИКоАП).

Личный обыск обладает обширными информационными возможностями и позволяет устанавливать не только факт совершения административного правонарушения, его мотивы и признаки, но и содействует установлению виновности лица, привлекаемого по делу об административном правонарушении. Наиболее часто личный обыск применяется по той категории правонарушений, которые предусматривают административный арест, формируя доказательственную базу и одновременно выступая в качестве средства обеспечения процесса. Те составы административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена исключительно в связи с наличием или обнаружением у виновного предметов и (или) средств совершения правонарушения, можно отнести ко второй группе правонарушений, при выявлении и фиксации которых применимо данное процессуальное действие.

ПИКоАП устанавливает порядок проведения личного обыска, регламентирует права и обязанности его участников, а также порядок оформления, который включает в себя полный (самостоятельный) вариант оформления обыска в виде отдельного протокола, и его упрощенное документирование (ч.2 ст.8.6 ПИКоАП). Правила проведения личного обыска включают в себя: полноту описания изымаемых вещей и предметов, недопустимость экспертных суждений и выполнение требований о наличии понятых, за исключением случаев, предусмотренных ч.1 ст.8.6 ПИКоАП.

Правовая природа личного обыска допускает его визуальное отождествление с иными процессуальными действиями, схожими по целям и условиям своего проведения. Однако существующие отличия позволяют выделить личный обыск в качестве самостоятельного процессуального действия, предусмотренного ПИКоАП.

Личный обыск, имея идентичные с адми-

нистративным задержанием цели и задачи, является в самом общем виде «продолжением процесса задержания» [12, С.68], его составным элементом, возможность применения которого допустима исключительно в отношении лица, подвергнутого административному задержанию.

Присущий объекту личного обыска признак пространственной связи с обыскиваемым позволяет отделить его от осмотра вещей (ч.2 ст.10.13 ПИКоАП), принадлежащих данному лицу, но очевидно отделенных от него в пространстве (например, стоящих рядом или находящихся в иных обособленных местах). Не случайно практика идет по пути отнесения ручной клади, находящейся при задержанном, одежды и иных предметов и вещей, которыми он обладает в момент задержания, к объекту личного обыска.

Таким образом, от осмотра (ст.10.13 ПИКоАП) личный обыск отличается:

1) по признаку пространственной связи с обыскиваемым: к объекту личного обыска относится одежда, находящаяся на административно задержанном или при нем, ручная кладь или багаж, который он транспортирует тем или иным образом (то есть предметы и вещи, связанные с человеком); при осмотре вещей, ручной клади, багажа, орудий охоты и добычи рыбы или других водных животных и иных предметов – указанные объекты в момент возникновения оснований для их осмотра не находятся в физическом контакте (соприкосновении) с их владельцем или иным собственником;

2) объектом исследования: при личном обыске обыскивается живой человек (его тело); при осмотре – объектом выступают неодушевленные предметы;

Наиболее схожим с личным обыском процессуальным действием, предусмотренным ПИКоАП, является освидетельствование (ст.10.14 ПИКоАП). Отличаются данные процессуальные действия следующим:

1) по цели проведения: личный обыск направлен на поиск указанных выше предметов и средств, а целью освидетельствования выступает обозрение особых примет, следов, иных свойств и признаков (ч.1 ст.10.14 ПИКоАП);

2) по субъекту, в отношении которого может проводиться данное процессуальное действие: личный обыск проводится исключительно в отношении лица, привлекаемого к административной ответственности (в отношении которого ведется административный процесс); проведение освидетельствования, в свою очередь, является возможным и в отношении потерпевшего физического лица;

3) по процессуальному порядку проведения: ПИКоАП допускает проведение освидетельствования лицом другого пола с освидетельствуемым, без участия понятых (при необходимости с участием врача или иного специалиста); при личном обыске административно задержанного особое место придается такой процессуально-этической особенности его проведения, как половая принадлежность субъектов личного обыска, в этом смысле ч.1 ст.8.6 ПИКоАП категорична: личный обыск задержанного проводится лицом того же пола, что и задержанный, с участием не менее двух понятых того же пола.

Наиболее тесным образом личный обыск связан с тождественным по используемой терминологии следственным действием, предусмотренным ст.211 «Личный обыск» УПК Республики Беларусь. Отличаясь друг от друга сферой применения и порядком оформления результатов, личный обыск, используемый в административном процессе, менее суров по своей природе. Ведя речь о различии рассматриваемых процессуальных действий, Р.Ш. Валиев отмечает, что «указанное различие не порождение какой-то условности, а отраслевой принадлежности соответствующих норм. Досмотр (личный обыск по КоАП) является административной мерой и осуществляется в рамках административно-правовых отношений, которым не свойственна жестокость, присущая нормам уголовно-процессуального права... Именно отраслевая принадлежность лежит в основе разграничения личного досмотра и личного обыска и не позволяет использовать их взамен друг друга» [13, С.102].

В деятельности органов внутренних дел

вызывают свое неоднозначное толкование различные спорные ситуации, связанные с проведением личного обыска. В частности, значительный практический интерес представляют правомерность и основания проведения наружного (поверхностного) обыска, получившего широкое применение в практической деятельности. Отсутствие его надлежащей правовой регламентации определяет всю сложность существования указанного действия, проводимого на начальном этапе ведения административного процесса. Применительно к правомерности наружного обыска следует отметить, что Конституция Республики Беларусь допускает возможность ограничения прав и свобод личности только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (ч.1 ст.23 Конституции). В свою очередь, ч.2 ст.2.3 ПИКоАП подчеркивает, что «ограничение прав и свобод участников административного процесса допускается только по основаниям и в порядке, установленным настоящим Кодексом» [14]. Характеризуя наружный (поверхностный) осмотр в сфере административно-процессуальной деятельности, О.Н. Гапонов, указывает на «нелегитимность данной меры», отмечая, что «ни в одном законодательном акте не упоминается о возможности осуществления наружного осмотра одежды и вещей граждан» [15, С.98]. Отсутствуют такие законодательные предписания и в законодательстве Республики Беларусь (исключение составляет частичная регламентация, содержащаяся в ч.1 ст.8.6 ПИКоАП). В то же время правовая неопределенность наружного (поверхностного) обыска, обусловленного потребностями практики и продиктованного требованиями личной безопасности, ставит под сомнение его правомерность.

Материалы изучения практики применения личного обыска сотрудниками органов внутренних дел позволяют вести речь об этапности его проведения. Личный обыск не является одномоментным процессуальным действием, ему свойственен

ряд взаимосвязанных приемов и способов: непосредственное проведение личного обыска и логическое оформление полученных результатов, образующих в своей совокупности самостоятельное процессуальное действие. Между указанными этапами не исключен разрыв во времени, обусловленный различными объективными обстоятельствами: (наличием конфликтной ситуации, препятствующей процессуальному оформлению обыска, отсутствием условий его проведения и т.п.). Однако, проведя наружный обыск правонарушителя, лицо, осуществившее его задержание, обязано в последующем процессуально оформить свои действия. Иначе правонарушитель будет лишен своих прав и гарантий, которыми он наделен как лицо, в отношении которого ведется административный процесс (ст.4.1 «Права и обязанности лица, в отношении которого ведется административный процесс» ПИКоАП).

В то же время необходимо внести изменения в ПИКоАП, дополнив его нормами, разрешающими не документировать проведение указанной разновидности личного обыска. По нашему мнению, в том случае, если личный обыск выступает исключительно в качестве административно-предупредительной меры (как личный досмотр) и регламентирован соответствующими законодательными актами, оформление не является обязательным элементом его проведения: например, п.6 ст.16 Закона Республики Беларусь от 08.05.2009 г. № 16-3 «О государственной охране» [16], абз. 18 ст.12 Закона Республики Беларусь от 13.01.2003 № 185-3 «О военном положении» [17], правилами проведения личного досмотра, досмотра вещей и документов, транспортных средств работниками военизированной охраны и охраны организаций, не обладающих правом создания военизированной охраны [18].

Определенную сложность в практике применения личного обыска занимает возможность последующего отнесения его результатов к источникам доказательств по уголовному делу, то есть перевода их в сферу уголовно-процессуальной деятельности. Необходимо согласиться с мнением

Ю.И. Чернова, который полагает, что «необходимым условием вовлечения в уголовный процесс доказательственной информации, первоначально полученной в производстве по делу об административном правонарушении, является их процессуальная доброкачественность с точки зрения действующего законодательства об административной ответственности... Вторым обязательным условием вовлечения в уголовный процесс указанной доказательственной информации является соблюдение уголовно-процессуальным законом порядка предоставления информации органу дознания, следователю и прокурору» [19, С.22-23]. В то же время не следует забывать, что, проводя то или иное процессуальное действие (в том числе и личный обыск), должностное лицо органа внутренних дел обязано верно определить порядок и основания своих действий, чтобы в последующем избежать возможных процессуальных нарушений. До оформления результатов личного обыска, проводимого в рамках административного процесса, его перевод в сферу уголовно-процессуальных отношений с последующим составлением протокола задержания в порядке ст.108 УПК (включающего в себя личный обыск задержанного) не может противоречить требованиям закона, так как первоначальные действия, образующие в своей совокупности личный обыск, по своей сути являются схожими. Важным в этой связи является правильное применение норм материальных отраслей права и своевременность проводимых процессуальных действий. Однако в той ситуации, когда состав об административном правонарушении «перерос» в уголовный или ведение административного процесса послужило поводом к началу доследственной проверки в соответствии с нормами УПК (например, при личном обыске обнаружены предметы или вещества, наличие которых влечет за собой возбуждение уголовного дела), а совершение процессуальных действий до этого велось исключительно в порядке ПИКоАП, результаты личного обыска тем не менее могут выступать в качестве такого источника доказательств, как иные документы (ст.100 УПК), подле-

жащие приобщению к уголовному делу.

Имеются и некоторые другие особенности применения личного обыска. В частности, наибольшую актуальность представляют вопросы, касающиеся степени принудительного воздействия личного обыска, а также допустимости нарушения конструктивной целостности ручной клади и одежды обыскиваемого. Если вести речь о принудительности воздействия, то мы поддерживаем мнение И. Петрухина, который отмечал, что «сложные диагностические процедуры и медицинские манипуляции, направленные на отыскание и изъятие предметов, скрываемых в полостях тела, не могут быть проведены в рамках личного обыска» [20, С.39]. К этому следует добавить, что положения ч.3 ст.2.4 ПИКоАП запрещают проявлять насилие, другое жесткое и унижающее человеческое достоинство обращение. Более того, анализ действующего законодательства и степень общественной опасности административных правонарушений свидетельствуют не только о нецелесообразности подобного принудительного воздействия, но и ставят его вне рамок правового поля. В то же время ПИКоАП в отличие от КоАП РФ не содержит прямых указаний в характеристике личного обыска на такую его составляющую, как «обследование вещей, проводимое без нарушения их конструктивной целостности» (ч.1 ст.27.7 КоАП РФ).

Таким образом, проведение личного обыска, при котором нарушается целостность (конструктивное единство) вещей и предметов одежды (например, изъятие шнурков из куртки или из обуви), не противоречит требованиям нашего законодательства. Однако их ничем не обоснованная порча, после которой вещь является непригодной к использованию, недопустима.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что личный обыск в сфере административно-процессуальной деятельности непосредственно связан с обеспечением конституционного принципа неприкосновенности граждан и представляет собой строго регламентированное ПИКоАП процессуальное действие, многоплановость

которого порождает существование различных его разновидностей, особых условий и оснований применения, а также возможность последующего вовлечения по-

лученной доказательственной информации в различные сферы процессуальной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство»: постановление Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5363-VI // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1966. № 30.
2. О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 года «Об ответственности за незаконные операции с иностранной валютой и платежными документами»: постановление Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1976. № 49.
3. О внесении изменений и дополнений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство»: указ Президиума Верховного Совета СССР от 05.06.1981 г. № 4996-X // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1981. № 23.
4. Об изменении и признании утратившими силу некоторых законодательных актов СССР об административных правонарушениях: указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.09.1982 г. № 7880-X // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1982. № 37.
5. Крамник А.Н. Административно-правовое принуждение. Мн.: Тесей, 2005. 208 с.
6. Кивайко В.Н., Булгаков А.П. Административный процесс: практическое пособие. Мн.: Академия МВД Республики Беларусь, 2006. 224 с.
7. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник для вузов. НОРМА, 2001. 640 с.
8. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое ОВД (системно-правовой анализ: дис... док. юрид. наук. М., 2006. 234 с.
9. Административное право: учебник / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М.: Юрист, 2002. 728 с.
10. Гавриленко Д.А., Гавриленко С.Д. Административное право: учеб. пос. / под ред. Д.А. Гавриленко. Мн.: Амалфея, 2002. 416 с.
11. Об утверждении инструкции об организации работы медицинского вытрезвителя: постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 22 марта 2004 г. № 65 (ред. от 20.09.2007 № 228) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.
12. Дикун И.П. Административный процесс: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Мн.: ГИУСТ БГУ, 2009. 144 с.
13. Валиев Р.Ш. Личный обыск в системе способов и средств обеспечения процесса доказывания по уголовным делам: дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 204 с.
14. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 20 дек. 2006 г., № 194-3 // // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.
15. Гапонов О.Н. Реализация мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок: дис... канд. юрид. наук. М., 2006. 214 с.
16. О государственной охране: Закон Республики Беларусь от 08.05.2009 г. № 16-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.
17. О военном положении: Закон Республики Беларусь от 13 января 2003 г. № 185-3 (ред. от 06.01.2009 № 8-3) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.
18. О некоторых мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 8 ноября 2006 года «Об охранной деятельности в Республике Беларусь»: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 мая 2007 г. № 601 (ред. от 23.12.2008 № 2010) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.
19. Чернов Ю.И. Соотношение уголовного судопроизводства с процессуальной формой административной ответственности: автореф. дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. 26 с.
20. Петрухин И. Личный обыск и охрана прав граждан // Социалистическая законность. 1984. № 6. С.34-41.

В.М. Пальченкова,
кандидат исторических наук, доцент
(Институт права им. В. Сташиса
Классического приватного университета)

РЕШЕНИЕ ВОПРОСА ПО СОЗДАНИЮ ПРЕВЕНТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОПЫТОК И БЕСЧЕЛОВЕЧНОГО ОБРАЩЕНИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В УКРАИНЕ

В статье рассмотрены основные шаги Украины к созданию национальных превентивных механизмов против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Ключевые слова: конвенция, наблюдательные комиссии, наказание, пытки, факультативный протокол

In the article is considered the principal steps to creation in Ukraine the national preventive procedure against the tortures and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment.

Key words: convention, supervisory commissions, punishment, the tortures, optional protocol.

На протяжении 70-90-х гг. XX ст. благодаря плодотворной работе органов ООН в пенитенциарной сфере был достигнут значительный прогресс, как в плане разработки правовых норм и документов, так и в принятии конкретных мер по запрещению пыток. Одним из важнейших событий стало начало работы в 1977 г. над Проектом Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее – Конвенция против пыток) [1].

Конвенция против пыток была принята 10 декабря 1984 г. и вступила в силу 26 июня 1987 г. [2]. По состоянию на май 2012 г. Конвенцию ратифицировали 150 государств. Украина подписала Конвенцию против пыток еще будучи в составе СССР, 27 февраля 1987, и ратифицировала Указом Президиума Верховной Рады УССР от 24 февраля 1987 г. Таким образом, как государство-участник добровольно поставив свою политику и законодательство под международный контроль, основанный на диалоге и сотрудничестве между ООН и отдельными государствами. Одним из важнейших практических результатов принятия Конвенции стало создание договорного органа – Комитета против пыток ООН, именно на него возложена функция

осуществления контроля исполнения Конвенции государствами-участниками, которая реализуется путем рассмотрения периодических докладов государств-участников о принятых законодательных и административных мерах. Государства отчитываются перед Комитетом против пыток раз в четыре года. Первый доклад Украины был заслушан 15 ноября 1989 г.

Очередным шагом на пути разработки международным сообществом контрольных механизмов соблюдения прав осужденных стала Всемирная конференции по правам человека (Вена, 1993), в которой приняли участие представители 171 государства. Принимая Венскую Декларацию и Программу действий, государства-члены ООН торжественно обещали уважать права человека и основные свободы, принимать в индивидуальном и коллективном порядке меры и программы, направленные на то, чтобы осуществление прав человека стало реальностью для всех людей (п.5, раздел В «Свобода от пыток» Декларации и программы действий) [3]. Участники конференции пришли к выводу, что усилия по искоренению пыток должны, прежде всего, сосредотачиваться на превентивных мерах. Таким образом, была активизирована работа по подготовке Факультативного протокола

к Конвенции против пыток, в соответствии с которым предусматривалось создание системы эффективных предупредительных мер путем регулярных посещений мест лишения свободы.

18 декабря 2002 г. Факультативный протокол к Конвенции против пыток был принят Генеральной Ассамблеей ООН и открыт для подписания [4]. От имени Украины Протокол был подписан 23 сентября 2005 г. и ратифицирован Законом Украины 21 июля 2006 г. [5]. В преамбуле Факультативного протокола отмечено, что пытки и другие жестокие бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания запрещены, а такие действия международное сообщество признает серьезным нарушением прав человека. В соответствии со ст.17, не позже чем через один год после ратификации Факультативного протокола государство берет на себя обязанность создать один или несколько независимых национальных превентивных механизмов с целью предупреждения пыток на национальном уровне. Таким образом, в Украине было положено практическое начало созданию превентивного механизма в борьбе против пыток, что на национальном уровне является обязанностью каждого государства-участника.

С целью исполнения возложенных на превентивный механизм функций и задач государство обеспечивает его необходимыми финансовыми ресурсами и использует необходимые средства для обеспечения деятельности экспертов, которые имеют глубокие профессиональные знания, необходимый опыт для реализации требований Конвенции против пыток и Факультативного протокола. При создании независимых превентивных механизмов обеспечивается гендерный баланс и адекватное представительство существующих в государстве этнических групп и национальных меньшинств.

Согласно ст.19 Конвенции против пыток национальные превентивные механизмы должны быть наделены следующими полномочиями: иметь право на своих заседаниях регулярно рассматривать состояние соблюдения прав и законных интересов лиц,

которые содержатся в условиях не-свободы (задержанные, арестованные, осужденные, лица, которые содержатся под стражей, и т.д.); принимать соответствующие меры для усиления правовой защиты данной категории лиц, а в случае необходимости обеспечить организацию их защиты от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов наказания или обращения; давать рекомендации органам и учреждениям, которые содержат людей в условиях несвободы, относительно условий их содержания и отношения персонала к этой категории задержанных или осужденных. Одним из важнейших полномочий является анализ существующего национального законодательства, которое регулирует порядок и условия содержания в местах лишения свободы, предоставление рекомендаций и замечаний относительно норм законодательства, которые приводят к возможным нарушениям прав лишенных свободы, с целью приближения его к международным стандартам обращения с этой категорией лиц.

Создав независимые национальные превентивные механизмы, государство обязуется предоставить доступ к любой информации: о численности лишенных свободы и количестве мест для их содержания; о месте нахождения и условиях содержания; об обращении с лицами, содержащимися под стражей. С этой целью представители национального превентивного механизма получают право беспрепятственного доступа в места лишения свободы и получают возможность проводить беседы с лицами, в них находящимися, без свидетелей, лично. При этом эксперты национальных превентивных механизмов наделяются правом по своему усмотрению выбирать для посещения орган или учреждение, в которых содержатся лица, лишенные свободы, и с которыми, по их мнению, необходимо провести беседу.

Около пяти лет в Украине продолжались безрезультатные дискуссии относительно создания независимого национального органа, который бы создал систему регулярных визитов мест предварительного

заклучения и лишения свободы с целью не допустить пытки и жестокое обращение. Одни возлагали надежду на Уполномоченного Верховной Радой Украины по правам человека, считая, что именно этот институт ратификационным законом отвечает за имплементацию Факультативного протокола. Одной из идей было создание такой институции в Секретариате Верховной Рады Украины по правам человека, который имеет очень широкие полномочия (в том числе относительно мест содержания задержанных, предварительного заключения, учреждений отбывания наказания в виде лишения свободы). Согласно действующему Уголовно-исполнительному кодексу Украины Уполномоченный Верховной Радой по правам человека или специально уполномоченные им представители имеют право без специального разрешения посещать учреждения исполнения наказания с целью осуществления контроля (ст.24 Уголовно-исполнительного Кодекса Украины (далее – УИК Украины)) [6]. Другие предлагали создать отдельный самостоятельный орган по образцу Национального Бюро. И тот и другой варианты имели свои недостатки. Уполномоченный Верховной Радой Украины по правам человека, мотивируя достаточно широким спектром задач, на него возложенных, отказывался взять на себя дополнительные функции, а создание отдельного, самостоятельного органа в период нестабильной экономической ситуации и финансового состояния государства были невозможными.

В то же время события, которые произошли в разных регионах Украины за последнее время, свидетельствуют о серьезных проблемах относительно соблюдения прав человека в учреждениях пенитенциарной системы. Это акции протеста в Симферопольском и Лукьяновском (г. Киев) СИЗО, в учреждениях исполнения наказаний в виде лишения свободы Винницкой, Киевской, Луганской, Харьковской областей и некоторых других, где осужденные протестовали против унижений их чести, бесчеловечного обращения, против условий содержания, неудовлетворительного ме-

дицинского обслуживания, условий труда и т.д. Такая ситуация является угрожающей, потому что вместо решения проблемных вопросов, которые толкают осужденных к протесту, администрация мест лишения свободы чаще применяет силовые методы предупреждения сопротивления и пытается не выносить информацию о событиях за пределы системы.

Каждый год количество дел, которые рассматриваются Европейским судом против Украины, катастрофически увеличивается, и такая тенденция, по данным экспертов, усиливается. Так, если в 1998 г. таких заявлений было 214, 1999 г. – 431, то по состоянию на 30 апреля 2010 г. количество заявлений достигло почти 11 тыс. За весь период от поступления первого заявления по состоянию на 31 декабря 2010 г. в Европейский суд поступило 30 тыс. 738 заявлений против Украины. Значительная часть из них – это дела относительно пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих видов обращения и наказания. Например, в 2010 г. из 109 дел, которые были рассмотрены в Европейском суде по правам человека по заявлениям граждан Украины, только в одном не было найдено нарушений.

Одна из вероятных причин такого состояния дел относительно нарушений прав человека в Украине – несоответствие государственной политики в сфере обеспечения и соблюдения прав человека, а именно: в сфере свободы от пыток, запрета жестоких и унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания требованиям международно-правовых документов.

Согласно части 2 ст.25 УИК Украины общественный контроль соблюдения прав и законных интересов осужденных осуществляется наблюдательными комиссиями, которые создаются на основе действующего законодательства и легализованы как орган общественного контроля мест лишения свободы. В целом возможно и реально использовать их деятельность для создания системы регулярных посещений мест лишения свободы, где содержатся осужденные, для усиления, а в случае необходимости защиты осужденных от пыток и других

жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Постановлением Кабинета Министров Украины от 1 апреля 2004 г. №429 было утверждено Положение о наблюдательных комиссиях. В соответствии с этим Положением члены комиссий получили право на доступ к информации относительно условий содержания и обращения с заключенными, о помещениях, где они проживают и работают, коммунально-бытовых и медицинских объектах колоний, дисциплинарных изоляторов и помещений камерного типа. Члены наблюдательных комиссий имеют право проводить личный прием осужденных, рассматривать их обращения и принимать по ним решения. Организация систематического личного приема осужденных членами наблюдательных комиссий, предоставление им первичной юридической помощи дает возможность познакомиться с состоянием условий содержания, наиболее распространенными жалобами осужденных по вопросам нарушения прав человека. Рациональный подход к комплектованию наблюдательных комиссий, состав которых на 50 % состоит из членов общественных организаций, представителей органов местного самоуправления и социальных служб дает возможность проводить инспекции мест лишения свободы именно силами наблюдательных комиссий, которые являются независимыми от пенитенциарной системы, и это делает их деятельность более самостоятельной [7].

Инспекции мест лишения свободы членами наблюдательных комиссий будут полезными также персоналу, особенно в случаях, когда сотрудники обвиняются в жестоком, негуманном отношении к осужденным.

Кроме того, с 16 февраля 2010 г., в связи с внесением изменений в УИК Украины, члены наблюдательных комиссий, которые осуществляют организацию общественного контроля соблюдения прав и законных интересов осужденных, получили право посещать учреждения исполнения наказаний без специального разрешения. А 10 ноября 2010 г. постановлением Кабинета министров Украины №1042 были внесены изменения в По-

ложение о наблюдательных комиссиях [8]. В соответствии с постановлением без согласования с наблюдательной комиссией администрация уголовно-исполнительных учреждений не имеет права применять такие взыскания, как перевод осужденных, которые содержатся в исправительных колониях минимального, среднего и максимального уровней безопасности, в помещения камерного типа на срок до 3-х месяцев. Это Положение имеет большое значение для обеспечения законных прав осужденных от самоуправства администрации, которая достаточно часто применяет взыскания в виде перевода в помещение камерного типа с целью дальнейшего привлечения осужденных к уголовной ответственности в соответствии со ст.391 Уголовного кодекса Украины (Злостное неповиновение требованиям администрации исправительной колонии). Кроме того, в соответствии с этим постановлением, заседания наблюдательных комиссий проводятся непосредственно в учреждениях исполнения наказания, что дает возможность регулярно знакомиться с условиями содержания осужденных, а само присутствие представителей общественности в учреждениях исполнения наказаний носит профилактический предупреждающий характер относительно пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих видов обращения и наказания. Кроме того, осужденные получают реальную возможность общаться с представителями институтов гражданского общества.

Мы убеждены в том, что в нынешнее непростое время предупреждение пыток и других жестоких, бесчеловечных унижающих видов обращения и наказания может быть минимизировано путем использования возможностей наблюдательных комиссий и повышения эффективности их деятельности в сфере защиты прав и законных интересов осужденных в Украине.

18 ноября 2011 г. в Украине предпринята еще одна попытка на законодательном уровне создать национальный превентивный механизм против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих видов обращения и наказания. Указом Президента

Украины №950/2011 была создана Комиссия по вопросам предупреждения пыток как консультативный совещательный орган при президенте Украины. Председателем комиссии назначен советник Президента Украины – руководитель Главного управления по вопросам судостроительства Администрации президента А. Портнов. Основными задачами комиссии являются: выявление фактов пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих видов обращения и наказания; внесение в установленном порядке Президенту Украины предложений по их прекращению и предупреждение повторения; участие в подготовке предложений относительно законодательства в сфере предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих видов обращения и наказания [9]. Работа Комиссии должна стать основой для соблюдения прав и свобод человека, как требует международное сообщество, путем создания системы регулярных визитов мест лишения свободы.

Добиться внедрения действенных мер относительно соблюдения прав и законных

интересов осужденных и искоренения такого позорного явления, как пытки, возможно лишь путем законодательных мер и знакомства персонала учреждений с международными документами, их необходимо объединять с просветительскими, административными и судебными действиями, как на местном уровне, так и в государстве. Обязанностью Украины, как демократического государства, является исполнение обязательств перед мировым сообществом относительно защиты лиц, лишенных свободы, от пыток и других жестоких, бесчеловечных, унижающих честь видов жестокого обращения и наказания, путем создания на национальном (всеукраинском) уровне одного или нескольких превентивных органов, которые получают реальное право посещать места лишения свободы и осуществлять профилактическую деятельность относительно предупреждения пыток. Первые шаги в этом направлении на законодательном уровне предприняты, теперь очередь за их реализацией на практике.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Проект конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // A/RES/32/62 от 08.12.1977.
2. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // A/RES/39/46 от 10.12.1984.
3. Венская декларация и Программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 г. в Вене // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_504
4. Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих видов обращения и наказания // A/RES/57/199 18.12.2002.
5. Закон України «Про ратифікацію факультативного протоколу до Конвенції проти катувань та інших жорстоких, нелюдських або таких, що принижують гідність, видів поводження та покарання» // Відомості Верховної Ради України. 2006. №39. Ст.327.
6. Кримінально-виконавчий кодекс України // Відомості Верховної Ради України. 2004. №3-4. Ст.21.
7. Постанова Кабінету Міністрів України від 1 квітня № 429 «Про затвердження положення про спостережні комісії та піклувальні ради при спеціальних виховних установах» // Офіційний вісник України від 16.04.2004 р. 2004. №13. Ст.905.
8. Постанова Кабінету Міністрів України від 10 листопада 2010 р. № 1042 «Про внесення змін до Положення про спостережні комісії» // Офіційний вісник України від 10.11.2010 р. 2010. №86.
9. Указ Президента України від 27.09.2011 р. №950/2011 «Про Комісію з питань попередження катувань» // [Електронний ресурс]. Режим доступу: URL: <http://www.president.gov.ua>; Указ Президента України від 18.11.2011 р. №1046/2011 «Про склад комісії з питань попередження катувань» // [Електронний ресурс]. Режим доступу: URL: <http://zakon2.rada.gov.ua>

Р.Р. Акбашев,
соискатель (ИСГЗ)

ОГРАНИЧЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК МЕРА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ И ЕЁ ОТОБРАЖЕНИЕ В ОТДЕЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЯХ

Сложность правовой конструкции ограниченной юридической ответственности породила в отечественной правовой науке отдельные направления в понимании её сущности и правовой природы как меры государственного принуждения. В настоящей статье освещаются основные подходы, обосновывающие и опровергающие такое восприятие ограниченной ответственности, с целью обоснования авторских предложений по совершенствованию законодательной концепции установления ограниченной юридической ответственности в отдельных отраслях права.

Ключевые слова: юридическая ответственность; ограниченная юридическая ответственность; деликтоспособность; правонарушение; санкция.

In this article the author analyzes approaches to the bases of the limited legal responsibility. It is necessary for an establishment of the common tendencies in jurisprudence. The author proves the concept about the legal and actual bases of the limited legal responsibility. With the help of examples from judiciary practice the idea about the actual bases of occurrence of the limited legal responsibility is proved.

Keywords: the legal responsibility; the limited legal responsibility; ability to bear the responsibility; an offence; the sanction.

Представления о юридической ответственности возникли практически одновременно с её первыми правовыми конструкциями. Древние учения о тех или иных формах её применения послужили отправной точкой для выработки целого комплекса знаний и представлений о данном правовом явлении. Несмотря на то обстоятельство, что на протяжении XX века была сформирована мощная теоретико-правовая база по многим вопросам юридической ответственности, эта область правовой теории остаётся одной из наиболее востребованных даже у современных исследователей. При этом представления о юридической ответственности обогащаются новыми концепциями, уточняются её отдельные аспекты, анализируются проблемы прикладного характера. Это объясняется, прежде всего, сложностью и многогранностью рассматриваемой правовой категории, её широкой распространённостью в современных от-

раслях права и значимостью для реализации законодательства.

Однако наиболее актуальной проблемой юридической ответственности на протяжении продолжительного периода развития правовых учений остаётся её зависимость от практического назначения. Большинство исследований были посвящены конкретным видам ответственности, ориентированы исключительно на её законодательные конструкции и в силу данных особенностей содержат определённые расхождения на фоне теоретико-правовых основ юридической ответственности. В такой своеобразной трактовке базовых положений зачастую упрекают не только отраслевые исследования по вопросам юридической ответственности, но и работы общетеоретического характера. Поэтому для целей настоящего исследования важно установить, каким образом развивалась правовая мысль о юридической ответственности и как повлияли

отдельные концепции на формирование учения об ограниченной юридической ответственности.

Многие авторы отмечают интенсификацию исследований юридической ответственности за последнее пятидесятилетие [7, С.11; 41, С.14; 43, С.10; 47, С.79]. Объясняется такое возрастание научного интереса не только развитием и совершенствованием законодательной базы, но и формированием новых видов ответственности, в связи с чем требуют теоретического осмысления их отдельные элементы и условия. Однако в процессе накопления знаний об основах юридической ответственности пересмотру подвергаются и её фундаментальные вопросы, вследствие чего единого подхода к пониманию как самой ответственности, так и восприятию многих её аспектов на протяжении развития правовой мысли не наблюдается. По удачной формулировке Д.А. Липинского, многообразие концепций и точек зрения на сущность юридической ответственности вовсе не должны исключать друг друга [25, С.44]. Напротив, они позволяют наиболее полно раскрыть её отдельные элементы и стадии. Даже при наличии противоречий, отрицании одной теории другой, юридическая ответственность подвергается долгому процессу верификации, в результате которого часть ошибочных мнений отпадают и образуется качественно новое представление о данном правовом явлении. В конечном итоге, история развития учений о юридической ответственности показывает, что, помимо формирования отдельных научных школ и направлений, уточняются объективные и субъективные особенности ответственности, конкретизируются основания её наступления, обосновываются критерии для её классификации, строятся модели новых видов ответственности. В многообразии проводимых исследований в этой области стоит выделить положительный момент, который заключается в эволюции правовой мысли, доведения её до совершенства, что служит крепкой основой для построения законодательных конструкций и эффективной правореализации.

Преимущественным компонентом в по-

нимании юридической ответственности в советской правовой доктрине являлась её тесная связь с государством. Ответственность воспринималась как мера государственного принуждения, как соответствующая негативная оценка государством противоправного поведения субъекта, выражающаяся в конкретных неблагоприятных для правонарушителя государственных мерах воздействия [12, С.208-209; 15, С.163; 32, С.159]. При этом форма такой оценки должна была воплощаться в определённом юридическом акте-приговоре суда или иного юрисдикционного органа. Стоит отметить, что в настоящее время также имеются сторонники такого узкого подхода [13; 34], что, в свою очередь, является показателем долговечности и высокой убедительности данной теории. Основана указанная концепция на монопольном праве государства по применению так называемого «легального насилия», понимание которого базируется на представлениях М. Вебера о роли государства в управлении обществом и экономикой [1, Р.152, 324; 6, С.117]. Рассматривая ответственность как правовой инструмент воздействия на нарушителя, сторонники этой концепции отдают государству определяющую роль, прежде всего, в создании норм, регламентирующих последствия противоправных поступков, и их воплощении при наличии достаточных оснований полагать, что нарушитель заслуживает соответствующего наказания. Для публично-правовой сферы такая трактовка юридической ответственности кажется вполне удачной. Никто, кроме государства, не вправе оценить преступное поведение субъекта. Ни одно лицо или орган власти без наличия соответствующего государственного полномочия не имеет легальной возможности оценить поведение субъекта как нарушение и применить к нему административно-правовые меры. Аналогичным образом решается вопрос об ответственности в финансовом и налоговом праве. Немыслимо представить ситуацию, когда за правонарушение налогоплательщика будет привлекать к ответственности автономное от государства образование. Равно как

не могут быть применены к преступнику меры, не предусмотренные государством в соответствующей законодательной форме.

Исходя из таких обоснований, концепция отождествления юридической ответственности с определённой мерой государственного принуждения гармонично вписывается в те пределы правового регулирования, которые существуют в настоящее время в сферах государственного и общественного интереса. Напротив, в области действия частного права развивается идея о невмешательстве государства во многие вопросы развития правоотношений, включая вопросы ответственности. Однако отдельные представители теории государственного принуждения не без основания указывают, что реализация потенциальных мер частноправовой ответственности происходит всегда с помощью государственного участия [16, С. 22, 97]. Другие сторонники публично-правовой природы юридической ответственности допускают, что осуществление некоторых мер ответственности возможно и без вмешательства государства, но только в тех пределах, формах и случаях, которые государство официально разрешило участникам право-отношений в соответствующем норматив-но-правовом акте.

Подобный подход продиктован характером отечественного советского гражданского законодательства, чьи руководящие идеи и положения в неизменном виде перешли в действующее гражданское право. Действительно, принудительное расторжение договора, взыскание компенсации за причинённый вред, неустойки и иные меры гражданско-правовой ответственности поставлены в зависимость от акта юрисдикционного органа, который, в свою очередь, действует от имени государства. Более того, сами меры частноправовой ответственности, как правило, вытекают из положений закона, что подтверждает тезис о государственной воле в решении вопроса о привлечении нарушителя к ответственности.

Однако теория отождествления ответственности с государственным принуждением, по нашему мнению, имеет ряд неточностей, которые в совокупности

не позволяют нам согласиться с таким восприятием юридической ответственности. Неубедительность, прежде всего, вызывает то, что данная концепция не допускает возможности добровольного использования право-нарушителем негативных мер. Так, в рамках частноправовых механизмов защиты и восстановления нарушенных прав следует учитывать возможность добровольного исполнения обязанностей, которые возникли в результате применения ответственности. Правонарушитель вправе возместить вред в добровольном порядке, что, по мнению ряда авторов, не означает при этом снятия ответственности, поскольку сама по себе мера компенсационного характера является для нарушителя нежелательным последствием его противоправного поступка [5, С.3; 11, С.22; 19, С.49].

Принуждение как олицетворение юридической ответственности всегда предполагает властный компонент, который, согласно мысли приверженцев рассматриваемой теории, применяется государством через систему специально уполномоченных органов и должностных лиц. Вместе с тем сужение мер принуждения до одного властного субъекта-государства – лишает возможности других лиц использовать меры ответственности по отношению к нарушителю на фоне разрешённых государством альтернативных способов привлечения правонарушителя к ответственности. В связи с этим власть не может рассматриваться как явление, свойственное исключительно государству. Действительно, в современной литературе отмечены разные сферы, в которых присутствует властный компонент негосударственных образований [14; 42; 46]. Принуждение как способ управления активно задействовано другими субъектами права в силу самых разных факторов экономического, социального, личного и иного характера. Соответственно, говоря о частноправовых отношениях, стоит иметь в виду, что в силу наличия у участника гражданского оборота властного элемента юридическая ответственность может быть применена им без участия государственных органов. Например, в зоне действия гражданского за-

конодательства можно выделить ситуации, когда ответственность на правонарушителя налагают не представители государственной власти, а потерпевшие. К таким мерам можно отнести удержание, залог, одностороннее расторжение договора и т.п.

Более того, даже в случаях, в которых закон требует непосредственного применения юрисдикционных средств, возможны негосударственные способы привлечения к ответственности. В частности, развитие альтернативных внесудебных форм разрешения споров о привлечении к имущественной ответственности позволило использовать в качестве юрисдикционного механизма такие негосударственные институты, как третейские суды и медиация, что, в свою очередь, также не снимает эффекта наложения на правонарушителя мер юридической ответственности, аналогичных мерам государственного принуждения [18; 30].

Наконец, теория отождествления юридической ответственности с мерами государственного принуждения не может рассматриваться в качестве универсальной в силу того обстоятельства, что многие формы государственного принуждения не являются мерами ответственности. Ряд исследователей делают акцент на том, что нельзя рассматривать как юридическую ответственность различные меры по пресечению правонарушений (например, задержание или принудительный привод). Аналогичным образом невозможно расценивать как проявление ответственности подачу иска в суд, жалобы в административный орган, использование разрешённых законом процессуальных приёмов и средств воздействия на участника дела. В теории права такие меры получили название форм защиты [3, С.36; 10, С.2; 20, С.38; 33, С.18].

Таким образом, можно констатировать, что государственное принуждение не является юридической ответственностью, равно как некорректно рассматривать его как меру ответственности, т.е. результат привлечения правонарушителя к юридической ответственности. Учитывая возможность использования участниками правоотношений негосударственных механизмов привлече-

ния к ответственности, государственное принуждение стоит рассматривать исключительно в качестве одного из способов привлечения нарушителя к юридической ответственности.

Учение о зависимости юридической ответственности от государственной властной воли породило отдельные концептуальные направления, представители которых воспринимают ответственность либо в узком публично-правовом ключе, либо в широком социально-государственном смысле. Так, согласно одной из теорий, юридическая ответственность является наказанием, санкцией, применяемой государством к субъекту за факт совершения им правонарушения [2; 24, С. 237; 26, С. 30]. Собственно, юридическая ответственность возникает тогда, когда происходит реализация соответствующей неблагоприятной меры в отношении правонарушителя. Без воплощения санкции невозможна сама идея существования ответственности в правовом пространстве государства. При этом сторонники данного подхода отмечают, что даже в случаях наложения определённой меры ответственности невозможно говорить о юридической ответственности в целом, поскольку эта мера требует надлежащего исполнения в подконтрольном государству порядке. Следует отметить, что такое узкое восприятие ответственности получило распространение в теории так называемого «исполнительного права», под которым понимается комплекс взглядов, концепций и представлений о проблемах правового регулирования процесса реализации наложенных государством мер ответственности [23, С.23; 27, С.15; 29, С.66-67; 38, С.22].

С одной стороны, наличие санкции является одним из системных признаков юридической ответственности. Невозможно говорить о привлечении правонарушителя к ответственности, если законодательно не закреплена сама мера неблагоприятного характера, которую должен претерпеть виновный субъект. Исходя из такого понимания условий применения ответственности, в литературе разделяют понятия противоправного и неправомерного поведения, одно

из которых всегда имеет потенциальную связь с негативными последствиями для нарушителя [31, С.8; 21, С.24; 40, С.5].

Вместе с тем на смысловое несовпадение понятий «юридическая ответственность» и «наказание» указывает целый ряд авторов [39, С.33, 34; 37, С.6; 44, С.27]. Санкция одновременно может пониматься и в качестве элемента нормы права, и как превентивная мера поддержания правопорядка, и в качестве неблагоприятной меры противоправного поведения субъекта. Безусловно, любое наказание как результат правонарушения является неблагоприятной для нарушителя мерой, однако не любое негативное последствие противоправного поведения можно рассматривать в качестве наказания. Карательный характер юридической ответственности имеет место далеко не во всех известных праву случаях. Например, невозможно считать карательным механизмом обязанность причинителя вреда по его возмещению, потому что данная мера имеет правосстановительную функцию. Не является наказанием как таковым лишение или ограничение родительских прав по виновным основаниям, поскольку данные меры ориентированы, прежде всего, на защиту прав и интересов ребёнка. Нельзя расценивать в качестве санкции отмену неправомерного юрисдикционного акта, изданного определённым органом или должностным лицом. Однако во всех приведённых случаях указанные меры являются по своей сути неблагоприятными для тех лиц, в отношении которых они применены или чьи интересы они напрямую затрагивают. Одновременно можно усомниться в факте наличия элементов юридической ответственности в подобных примерах, что, в целом, оправдывает дискуссионность законодательных моделей обеспечения реализации соответствующих правоотношений, но и не подтверждает зависимость неблагоприятных мер от конкретных законодательно закреплённых санкций.

Мы придерживаемся мнения, что ответственность всегда неблагоприятна по своей сущности для правонарушителя. Именно этим объясняются функции, которые она

выполняет в различных отраслях права, будь то восстановление прав или конкретное наказание, призванное установить социальную справедливость. Вместе с тем неблагоприятны и любые меры государственного принуждения, не являющиеся мерами ответственности (принуждение исполнить налоговую обязанность, реализовать судебное предписание, прекратить противоправное поведение и т.п.). Вследствие этого следует признать, что основанием возникновения юридической ответственности является не любое неправомерное поведение, а правонарушение, в связи с совершением которого закон предусматривает обязанность претерпевания нарушителем неблагоприятных последствий, т.е. ответственность является дополнительным к иным возможным неблагоприятным мерам обременением для виновного лица. Именно поэтому теория отождествления юридической ответственности с конкретным наказанием не объясняет ситуацию, когда законодательно правонарушитель не способен претерпеть определённую санкцию в силу различных объективных обстоятельств либо фактически не в состоянии выполнить обязательство по исполнению соответствующего наказания. Также рассматриваемый подход не позволяет установить однозначного понимания ограниченной юридической ответственности.

Становится вполне очевидным, что юридическая ответственность имеет более широкое значение, которое попытались раскрыть несколько альтернативных теорий. Учитывая, что ответственность всегда предполагает определённую реакцию на поведение нарушителя, отдельные авторы ассоциируют её с фактом осуждения, с негативной оценкой со стороны государства и общества [9, С.255; 37, С.6; 45]. При этом чья оценка – общества или государства – имеет решающее значение, мнения учёных расходятся. Одни видят руководящую роль государства в силу ориентации представления об ответственности на меры государственного принуждения [9]. Другие предпочитают акцентировать внимание на обществе, которое реализует свою волю через государ-

ственную систему правосудия [4; 35, С.37]. В силу значимости общественной оценки противоправного поведения в литературе подчёркивается обоснованность привлечения представителей общественности к процессу по применению мер юридической ответственности к каждому конкретному правонарушителю [8; 22, С.56; 28, С.50; 36, С.17]. Негативно оценивая поведение субъекта, государство и общество тем самым привлекают его к ответственности.

Однако в таком представлении юридической ответственности прослеживается её полное отождествление с социальной ответственностью. Безусловно, юридическая ответственность является разновидностью социальной ответственности, поскольку и само право в целом является регулятором общественных отношений. Вместе с тем, общество может негативно оценивать многие виды асоциального поведения личности, которые находятся на грани между правом и иными социальными регуляторами. Равно как и государство может осуждать неправомерные действия отдельно взятого субъекта. Однако является ли сам

факт негативной оценки поведения индивида юридической ответственностью? На наш взгляд, такое восприятие сущности ответственности недостаточно для понимания её предназначения. Указанный подход не в полной мере объясняет ситуацию, когда фактически имеет место негативная оценка правонарушения, но отсутствует возможность применения к правонарушителю собственно неблагоприятных мер. Например, в случаях возникновения ограниченной юридической ответственности законодательно закреплён предел возможных санкций, которые могут быть наложены в гораздо меньшем размере, чем в иных случаях, а по некоторым основаниям такая ответственность и вовсе не возникает (в частности, у перевозчиков в гражданско-правовых обязательствах, работников в трудовых отношениях, компаний, признанных естественными монополиями). При этом не вписывается в указанную концепцию возможность снижения размера санкций, применяемых при возникновении ответственности в силу различных обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. New York, 1947. 448 p.
2. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. 120 с.
3. Бакунин С.Н. Гражданско-правовые формы защиты жизни и здоровья граждан // Российский судья. 2005. № 6. С.36-37.
4. Бернштейн Д.И. Правовая ответственность как вид социальной ответственности и пути ее обеспечения. Ташкент: Фан, 1989. 150 с.
5. Блинкова Е.В., Козацкая В.Э. Гражданско-правовой механизм возмещения вреда, причиненного преступлением // Гражданское право. 2009. № 4. С.3-9.
6. Вебер М. Политические работы (1895-1919). М.: Праксис, 2003. 424 с.
7. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОР-МА, 2009. 432 с.
8. Волков К.А. Суд присяжных в социальном измерении // Российский судья. 2011. № 10. С.6-7
9. Галаган И.А. К вопросу о понятии ответственности по советскому праву // Ученые записки Новгородского педагогического института. 1958. Т.4. С.255-260.
10. Гараев И.Г. К вопросу о формах и способах защиты прав и законных интересов субъектов финансовых правоотношений // Финансовое право. 2011. № 9. С.2-5.
11. Гарипов Р.Ф. Деликтоспособность как правовая категория/ под ред. О.И. Зазнаева. Казань: РИЦ, 2011. 144 с.
12. Гойман В.И. Юридическая ответственность: понятие, принципы и виды. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист, 1994. С.208-209.
13. Григорян Г.М. Юридическая ответственность – ответственность за правонарушение// Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. 2009. №1. С.7-10.
14. Гусев В.Е. Власть и публичная власть: конвергенция идей// Молодой учёный. 2009. №12. С.324-326.
15. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1975. 182 с.

16. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (Социологический и юридический аспекты). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985. 142 с.
17. Десятик М.С. Исполнительное производство как правовой институт российского законодательства // Исполнительное право. 2011. № 2. С.26-29.
18. Добролюбова Е.А. Медиация как способ разрешения корпоративных конфликтов: правовой аспект // Предпринимательское право. 2011. № 4. С.33-36
19. Дюбо Е.Г. Институт компенсации морального вреда в российском праве// Законность. 2012. № 1. С.49-53.
20. Каменков В.С. Исковая форма защиты прав в хозяйственном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 8. С.38-42.
21. Конарев С.В. Взаимосвязь нормативных и ценностных элементов в содержании правомерного поведения // История государства и права. 2011. № 14. С.24-27.
22. Конин В.В. Конституционно-правовая природа суда с участием присяжных заседателей как одного из институтов гражданского общества // Российская юстиция. 2011. № 3. С.56-59.
23. Левина Ю.В. О перспективах формирования и развития арбитражного исполнительного права Российской Федерации // Исполнительное право. 2011. № 1. С.23-25.
24. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы) М.: Изд-во Московского университета, 1981. 239 с.
25. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / Ассоц. «Юридический центр». 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юрид.центр Пресс, 2004. 409 с.
26. Малеин Н.С. Об институте юридической ответственности // Юридическая ответственность: проблемы и перспективы. Труды по правоведению. Тарту, 1989.
27. Малюшин К.А. Система источников гражданского исполнительного права // Исполнительное право. 2011. № 1. С.15-22.
28. Махов В.Н., Карабанова Т.Н. Восстановить институт народных заседателей// Законность. 2010. № 8. С. 50-53.
29. Наташев А.Е. Советское исправительно-трудовое законодательство. Основные вопросы теории и практики. М.: Всесоюзный научно-исследовательский институт, 1975. 168 с.
30. Николюкин С.В. Правовые основы деятельности третейских судов в Российской Федерации // Российская юстиция. 2010. № 12. С.2-6
31. Овсянников В. Правопорядок-оазис благополучия в государстве//ЭЖ-Юрист. 2011. №45. С.8
32. Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань: РВШ МВД СССР, 1976. 205 с.
33. Прокошкина Н.И. О соотношении юрисдикционной и неюрисдикционной форм защиты прав и законных интересов членов семьи // Семейное и жилищное право. 2011. №1. С.18-20.
34. Разгильдиев Б.Т., Дворецкий М.Ю. Проблемные аспекты понятия «юридическая ответственность» и значение их решения для выработки определения «уголовная ответственность» // Российский судья. 2007. № 2. С.14-17.
35. Родионова Е.В. Роль социальной ответственности в общественной жизни // Социальное и пенсионное право. 2007. № 4. С.37-39.
36. Руднев В.И. Необходимость участия народных заседателей в отправлении правосудия как гарантия реализации конституционных прав граждан // Адвокат. 2005. №8. С.39-42.
37. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Сущность юридической ответственности в советском обществе. М.: Знание, 1974. 259 с.
38. Стручков Н.А. Наука советского исправительно-трудового права. М. Акад. МВД СССР. 1989. 200 с.
39. Тархов В.А. Понятие юридической ответственности // Правоведение. 1973. №2. С.33-34.
40. Тихомиров Ю.А. Поведение в обществе и право//Журнал российского права. 2011. №2. С.5-11.
41. Трофимов В.В. Правообразующие отношения и юридическая ответственность: проблемы теории и практики реализации// Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С.14-18.
42. Цветкова Е., Корольков Н., Киселев В. Власть денег, власть закона и власть идей// Власть. 2006. №9. С.80-86.
43. Черных Е.В., Липинский Д.А. Юридическая ответственность – целостное правовое явление// Право и политика. 2005. № 3. С.10-18.
44. Чирков А.П. Ответственность в системе права. Калининград, 1996. 77 с.
45. Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность // Правоведение. 1968. № 1. С.46-49
46. Шахмалов Ф.И. Власть корпораций и власть общества// Экономика и управление собственностью. 2008. №1. С.26-38.
47. Юсупов И.Н. Юридическая ответственность как комплексный правовой институт// Юридический мир. 2009. № 1. С.79-80.

Ю.Р. Фарвазова,
адъюнкт (КЮИ МВД России)

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ ТЕРРОРИЗМ

В статье рассмотрена история развития терроризма как явления, состоящая из трех основных этапов: зарождение и эпоха раннего терроризма, терроризм нового времени и этап глобализации терроризма. Значимым в работе является авторский подход к понятию терроризма через взаимодействие его составляющих элементов: социального, политического, психологического и правового.

Ключевые слова: терроризм, понятие терроризма, история развития терроризма, правовая квалификация терроризма.

Summary: in article the history of development of terrorism as the phenomena, consisting of three main stages is considered: origin and era of early terrorism, terrorism of new time and stage of globalization of terrorism. In work author's approach to concept of terrorism through interaction of its components of elements is significant: social, political, psychological and legal.

Keywords: terrorism, concept of terrorism, history of development of terrorism, legal qualification of terrorism.

Тема терроризма в последнее время становится все актуальнее. В средствах массовой информации все чаще звучат сообщения о совершенных акциях терроризма в различных странах. В связи с широкой резонансностью мировое сообщество, обеспокоенное данной проблемой, проводит всевозможные конференции, научные симпозиумы, встречи и иные мероприятия, посвященные актуальным вопросам противодействия терроризму и неразрывно связанному с ним явлению – экстремизму. Однако по-прежнему нерешенным остается вопрос об общепризнанном международном понятии терроризма, что является основанием отсутствия состава международного терроризма в Статute Международного уголовного суда.

Но прежде чем дать определение любому явлению, в том числе терроризму, необходимо разобраться в его исторических корнях. Отыскать четко определенные границы возникновения терроризма довольно сложно. В разные периоды становления государственности ему придавались разные

смыслы: от единичных убийств до массового «слепого» уничтожения людей.

Среди специалистов бытует мнение, что первым террористическим актом можно считать повествование о Каине, убившем своего брата Авеля [1]. Но данный факт скорее относится к разряду мифических сказаний и может рассматриваться как предыстория терроризма. Само понятие «террористы» стало употребляться после Великой французской буржуазной революции, в связи с чем иногда зарождение терроризма ошибочно связывают с данным периодом. Однако и терроризм, и террористы появились задолго до происхождения самих терминов.

Историю развития терроризма условно можно разделить на следующие этапы:

1. Зарождение и эпоха раннего терроризма. Период охватывает большой временной промежуток Древнего мира и Средних веков. Истоки терроризма можно отыскать в Индии, Греции, Китае, Риме и на Среднем Востоке. В Ветхом завете указано, что в течение трех месяцев на территории Египта были осуществлены десять террористиче-

ских акций, именуемых в истории как «Казни Египетские». Целью казней являлось устрашение фараона, державшего в рабстве еврейский народ, но жертвами также стал народ Египта. В этот же период начинает зарождаться и формироваться религиозный терроризм, так широко известный в конце XX – начале XXI веков.

Представителями эпохи раннего терроризма являются группировки сикариев, настроенных против евреев и власти Рима, ассаинов, руководствовавшихся в своей деятельности религией ислама, и пхасингаров («душителers»), относящихся к разряду сект садистской наклонности.

Как правило, эпоха характеризуется совершением отдельных политических убийств, являвшихся способом развязывания политических интриг. При этом у терроризма наличествует две цели: политическая и экономическая. Последняя заключалась в использовании терроризма в качестве эффективного рычага удержания в повиновении основной производственной силы – рабов.

2. Терроризм нового времени. Данный период в развитии терроризма, в первую очередь, связан с Великой французской буржуазной революцией 1789 – 1793 гг., которая породила политику массовых убийств реальных и потенциальных оппонентов власти, которые, как правило, носили индивидуальный характер, и оканчивается к середине XX века. Терроризм этого времени теряет свою экономическую мотивацию, все более обретая политическую окраску и системный характер. Происходит разделение террора на «красный» (революционный) и «белый» (контрреволюционный). Идеология терроризма того времени была наполнена размышлениями о социальном равенстве и справедливости, учениями политических деятелей, сам же терроризм рассматривался как способ быстрого правосудия.

3. Этап глобализации терроризма, начавшийся в 1960-1970-х гг., в который происходит становление транснационального терроризма. Терроризм этого периода выходит за национальные границы государств, приобретает ярко выраженную религиозную окраску, преимущественно исламского

толка, происходит сращивание капиталов международных террористических группировок, объектами террористов становятся «случайные» люди. Политика США в отношении Югославии, войны в Афганистане, Ираке, Чечне, революционные движения в Африке, на Ближнем Востоке, попытки передела территории ряда государств и создания единого религиозного пространства, обусловили новый виток в развитии терроризма. Террористические акции, происходящие в этот период, отличаются резонансностью, многоликостью, жестокостью и большим количеством жертв, не последняя роль в популяризации терроризма отводится средствам массовой информации. Особенности терроризма на данном этапе проявляются в следующем:

- социальной основой терроризма является население третьих стран, живущее в нищете, при этом вина за происходящие террористические акты возлагается на Запад;
- идеологическая основа подразумевает исламскую структуру негосударственного характера, поддерживаемую исламскими государствами. Немалое число неисламских государств поддерживают террористов, преследуя реализацию своих амбициозных политических целей;
- финансовой основой являются солидные международные финансовые потоки, создаваемые за счет как легального, так и нелегального бизнеса.

Таким образом, нынешний терроризм – это уже не просто средство запугивания отдельных людей или метод политических убийств. Современные акции терроризма являются хорошо спланированными мероприятиями, имеющими прочную финансовую, идеологическую и политическую основу. Как верно, на наш взгляд, указывает В.В. Устинов, современные террористы – это уже не фанатики-революционеры, боевики-одиночки и убийцы-камикадзе. Террористы сегодня – это представители мощных группировок с соответствующим финансово-экономическим оснащением [2]. И только хорошо отлаженное, четко спланированное, программно обеспеченное противодействие способно бороться за ис-

коренение зла, именуемого терроризмом.

Интересным, на наш взгляд, является подход к определению термина «терроризм» криминалиста из Германии А. Пфаль-Трауберга. Немецкий исследователь раскрывает содержание термина через обязательные элементы терроризма: наличие политической цели, целенаправленное применение насилия для устрашения, наличие организованной структуры, общественная изоляция субъектов террористической деятельности [3]. Как уже было сказано ранее, признак наличия организованной структуры вызывает определенные сомнения. К оставшимся трем элементам стоит добавить двойственную структуру объекта террористического посягательства: непосредственный и опосредованный объекты. Непосредственным объектом являются физические лица, группы граждан, определяемые по политической, национальной, религиозной или иной принадлежности, организации, объекты материального мира и т.д. Опосредованному воздействию подвергаются общественные отношения, охраняемые правом (порядок управления, конституционный строй, территориальная целостность и т.д.). В литературе также выделяется еще один объект террористического посягательства – объект управления, под которым понимаются физические лица, способные принять решение либо совершить действие или бездействие, требуемые террористами [4]. Наличие политической цели и многообъектность террористического посягательства отличают терроризм от иных схожих по объективной стороне насильственных общеуголовных преступлений.

Через признаки предложил определять терроризм и С.А. Эфилов, который выделяет: политическую мотивацию, насильственный акт, отсутствие необходимой связи с вооруженной конфронтацией [5].

Известный отечественный исследователь терроризма Ю.И. Авдеев указывает, что в мировой науке к понятию «терроризм» имеется два подхода: социальный и биологический. Социальный подход определяющее значение отводит социальным процессам возникновения терроризма. Он является

главенствующим среди подходов к формулированию понятий и объяснению природы терроризма. Биологический подход объясняет терроризм насильственной сущностью человека, «естественным стремлением людей угрожать интересам других и использовать любые доступные средства для достижения своих целей» [6]. Оба подхода имеют право на существование. Но терроризм настолько многоликое явление, что многие ученые, занимающиеся изучением этой проблемы, рассматривают его со своей точки зрения: политической, исторической, психологической, социальной, правовой и т.д. Каждая из предложенных в определенной отрасли знаний дефиниций терроризма является слишком специализированной, что затрудняет выработку цельного понятия. Однако понятия разных областей науки не противоречат друг другу, а рассматривают терроризм с какой-то одной стороны.

Терроризм – это собирательное понятие, поэтому верно, на наш взгляд, подойти к выработке дефиниции с помощью метода обобщающего анализа, который позволит с комплементарных позиций провести декомпозицию имеющихся суждений о терроризме, тем самым определив его составляющие, которые в совокупности образуют собирательный термин «терроризм».

Таким образом, мы можем выделить следующие составляющие элементы в определении «терроризм»:

1. Социальная составляющая. Терроризм – это, прежде всего, форма социальной борьбы. Будучи сложным явлением, терроризм вбирает в себя социальные противоречия, достигающие в обществе уровня конфликта. В любом социуме с развитием межличностных отношений возникают и развиваются конкурирующие группы – политические, экономические, духовные. Основой противостояния внутри групп является конфликт интересов индивидов. Разрешение конфликта происходит путем победы одной из конфликтующих сторон. Насилие становится наиболее вероятным способом разрешения конфликта.

Насилие является очень важным структурным элементом терроризма, одним из

основных его признаков, на что обращают внимание практически все авторы, занимающиеся данной проблемой. Не вызывает сомнения, что современный терроризм как явление без насилия существовать не может, в противном случае он потеряет свою общественную опасность и, по сути, перестанет быть терроризмом.

Насилие является достаточно удобным практическим средством достижения конечных целей. При этом не всякое насилие является терроризмом. Также не следует рассматривать насилие в терроризме как бессмысленные действия лишь ради самого насилия.

В основе социальной сущности терроризма лежит определенная идеология, создаваемая в неблагоприятные периоды общественного развития и представляющая собой определенную умственно-эмоциональную атмосферу в виде различных взглядов и идей, благоприятствующих терроризму. Террористическая идеология отличается от идеологии вообще ошибочным представлением о путях преобразования действительности, для террориста объективная реальность представляет собой обостренный контраст «своих и чужих», «черного и белого».

2. Политическая составляющая. Терроризм является одной из форм насильственной политической борьбы – это один ее из методов. Акции терроризма вызывают в обществе недоверие к органам власти, создают общее мнение неспособности правоохранительных органов бороться с лицами, их совершающими. Цель терроризма – подрыв политического устройства в стране и мире. Не стоит излишне политизировать понятие терроризма, но следует констатировать, что современный терроризм используется как средство в решении политических проблем с использованием насилия. Насилие в политике характеризуется жестокостью, целеустремленностью, носит закономерный характер и появляется, когда с помощью иных форм политической активности достижение политических целей становится невозможным либо мало-эффективным. В данном контексте политическая подопле-

ка терроризма не просто является его составной частью – она необходима.

3. Психологическая составляющая – устрашение. В условиях социальной нестабильности у человека срабатывает инстинкт самосохранения, основой которого является чувство страха, неуверенности в собственной безопасности, что неизбежно приводит к правовой и общественной дестабилизации. Смыслом терроризма и его отличительной чертой является устрашение населения. При этом устрашение не является его основной целью – это лишь средство принуждения для достижения другой, более значимой цели (изменение конституционного строя страны, политического курса властей и т.д.).

Элемент устрашения в терроризме иногда относится к разряду целей. Уголовные кодексы Кыргызстана, Таджикистана, Казахстана, Беларуси, Армении, а также Модельный кодекс Межпарламентской ассамблеи СНГ в качестве целей терроризма выделяют нарушение общественной безопасности, устрашение населения либо оказание воздействия органами власти или организациями решений. Аналогичная формулировка целей содержалась и в УК РФ до 2006 года, когда отечественный законодатель совершенно справедливо отнес данную категорию к форме выражения терроризма, проявления его сути.

Поэтому устрашение уместно рассматривать не как цель, а как метод достижения конечной цели терроризма.

Говоря о необходимости выработки общей дефиниции какого-либо явления, В.Н. Кудрявцев совершенно верно отмечает, что «оно содержит не случайный набор признаков, а выделяет такие из них, которые вскрывают сущность явления, дают возможность раскрыть скрывающуюся за этим явлением объективную закономерность реальной действительности» [7]. Отсюда, синтезировав все три составляющих, мы получим определение терроризма как социально-политического явления, эти же составляющие выражают его сущностные характеристики.

4. Правовая составляющая. Терроризм

является частью криминальных процессов против общественной безопасности и, как любое другое преступление, уголовно - наказуем.

В законодательстве Российской Федерации дефиниция терроризма отражена в ст.3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 года. Согласно закону, «терроризм - это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления и международными организациями, связанная с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». Данное определение содержит в себе три составляющих определения терроризма как социально-политического явления, что позволяет нам говорить, что именно здесь законодатель закрепил данную дефиницию.

С правовых позиций терроризм является видом преступности и представляет собой систему преступлений террористической направленности. Террористические преступления в отличие от иных общеуголовных преступлений должны быть насильственными, устрашающими, политически мотивированными, идеологически оправданными. Однако невозможно криминализировать насилие в целом, уголовной ответственности подлежат различные проявления насилия: причинение вреда здоровью, изнасилование, убийство и т.п. Основанием уголовной ответственности является акт человеческих действий – террористический акт. Терроризм является родовым понятием по отношению к террористическому акту и наряду с ним вбирает в себя также преступления террористического характера. У данных преступлений сходная совокупность криминологических характеристик, а также нравственно-психологических и социальных свойств лиц, их совершающих.

Таким образом, следует различать две сферы терроризма: сферу непосредственно терроризма и сферу преступлений террористической направленности (т.е. преступлений, направленных непосредственно

на терроризм), которые в конкретных случаях также могут быть проявлениями терроризма.

Сфера непосредственного терроризма включает преступления, предусмотренные ст.205 УК РФ, и рассматривает терроризм в узком смысле этого слова.

Сфера преступлений террористической направленности включает совокупность преступлений, предусмотренных следующими статьями УК РФ: 205 «Террористический акт», 205.1 «Содействие террористической деятельности», 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма», 206 «Захват заложника», 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», 211 «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава», 220 «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами», 221 «Хранение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ», 227 «Пиратство», 277 «Посягательство на жизнь государственного или общественно-го деятеля», 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти», 279 «Вооруженный мятеж» и 360 «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой», и рассматривает терроризм как вид преступности в широком смысле этого слова. Совершение любого из данных преступлений условно можно обозначить категорией «террористическая акция». В рамках противодействия терроризму следует учитывать именно данную категорию.

Рассмотренные составляющие терроризма – это горизонтальные элементы. Вертикальное рассмотрение составляющих позволит нам определить терроризм как социально-политическое явление, ограниченное формальными рамками уголовно-правового понятия, что, по сути, образует собой криминологическую дефиницию «терроризм».

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Сидоренко А.Г., Тихомиров Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики. М.: Кучково поле, 2011. С.10.
2. Устинов В.В. Обвиняется терроризм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С.57.
3. См.: Пфаль-Траугзер А. Правый терроризм в ФРГ // Актуальные проблемы Европы. 1997. №4. С.130-135.
4. Горбунов Ю.С. Об определении понятий «террор» и «терроризм» // Журнал Российского права. 2010. №2. С.37.
5. Круглый стол журнала «Государство и право»: Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 1995. №4. С.24.
6. См.: Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление в сборнике «Современный терроризм: состояние и перспективы»/ под ред. Е.И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С.37.
7. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрист, 1999. С.36.

П.В. Толстов,
соискатель (УлГУ)

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОПАСНЫХ ОТХОДОВ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Статья посвящена анализу видового многообразия экологически опасных отходов в юридической интерпретации. В ней проводится классификация таких веществ по различным основаниям: по агрегатному состоянию, по особенностям проявления опасных свойств в отношении организма человека, животного и растительного мира, природной среды, по степени их опасного воздействия на окружающий мир, по классу опасности и другим критериям. В результате автор приходит к выводу, что, с юридической точки зрения, опасными могут быть признаны только отходы, наделенные соответствующим статусом конкретным нормативным правовым актом.

Ключевые слова: экологически опасные отходы; экологическая безопасность; поражающий фактор; источник опасности; вред жизни и здоровью человека; вред окружающей природной среде, классификация экологически опасных отходов, класс опасности отхода.

The article is devoted to analysis of specific variety of ecologically dangerous waste in legal interpretation. There is classification of such substances by the various bases, by an aggregate state, by features of manifestation of dangerous properties concerning a human body, an animal and flora, environment, on extent of their dangerous impact on world around, on a class of danger and other criteria is carried out.

Key words: ecologically dangerous waste; threat; hazardous factor; classifications; disadvantage; damage; law; liability, classification of ecologically dangerous substances, class of danger of substance.

Круг экологически опасных отходов широк и разнообразен. Они различаются по природе происхождения, агрегатному состоянию, процессам производства, вредным и полезным свойствам, сфере применения, значению, представляемому для общественного развития, и многим другим критериям. Это и химические, и биологические, и бактериологические вещества, пестициды и агрохимикаты, разного рода токсичные и отравляющие, сильнодействующие и ядовитые вещества, воспламеняющиеся, взрывчатые, радиоактивные вещества и т.д. Естественно, все эти отличия отражаются и на правовом регулировании обращения с ними. В связи с этим для наиболее полного представления о юридической сущности и круге экологически опасных отходов необходимо проведение их научно-правовой

классификации.

В вопросе отображения видового многообразия экологически опасных отходов в настоящее время наблюдается более-менее прозрачная обстановка. Это обусловлено особенностью самого указанного социально-правового феномена. Понятие «отходы», несмотря на их многочисленность, имеет более узкий смысл, чем категория «вещества», и отходы выступают предметом более узкого круга общественных отношений, имеющих еще и более конкретизированную направленность. Если вещества – это общее, собирательное определение, то отходы объединяют лишь ту часть веществ (остатки сырья, материалов, полуфабрикатов, иных изделий или продуктов, а также товары), которые в процессе производства или потребления утратили свои потребительские

свойства и уже не нужны человеку. Поэтому основная цель обращения с отходами – их утилизация, а содержание отношений в сфере обращения с отходами составляет главным образом деятельность по сбору, накоплению, использованию, обезвреживанию, транспортированию, размещению отходов.

Несмотря на то, что ныне действующий Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 28.07.2012) «Об отходах производства и потребления»[1] (как и в случае с экологически опасными веществами) не дает определения экологически опасных отходов, в нем содержится их классификация по пяти классам опасности, которая позволяет отделить опасные отходы от неопасных.

Все отходы законодатель делит на: чрезвычайно опасные отходы (I класс); высокоопасные отходы (II класс); умеренно опасные отходы (III класс); малоопасные отходы (IV класс); практически неопасные отходы (V класс). Нетрудно заметить, что приведенное деление почти не отличается от соответствующей классификации вредных веществ, что значительно облегчает проведение параллели между ними в вопросе правового обеспечения охраны окружающей природной среды при обращении с ними и установлении ответственности за нарушение порядка обращения с экологически опасными веществами и отходами. Единственное, чем отличается последняя классификация, это наличием группы практически неопасных отходов (V класс), статус которой остается на сегодняшний день не до конца определенным. Но поскольку данный класс объединяет неопасные вещества, то он не представляет научного интереса в контексте настоящего исследования.

Приведенная выше классификация является базовой и положена в основу большинства других разграничений отходов по степени опасности, которую такие вещества представляют для организма человека и окружающей природной среды, при попадании в нее или при непосредственном взаимодействии с ней, содержащихся в других подзаконных нормативных правовых актах.

Согласно приказу Министерства при-

родных ресурсов РФ от 15 июня 2001 г. № 511 «Об утверждении Критериев отнесения опасных отходов к классу опасности для окружающей природной среды»[2] класс опасности отходов устанавливается по степени возможного вредного воздействия на окружающую природную среду (далее – ОПС) при непосредственном или опосредованном воздействии опасного отхода на нее.

К I классу относятся вещества с очень высокой степенью опасности, вызывающие необратимое разрушение экологической системы без наличия возможности восстановления её в течение какого-либо срока: бериллий и его соединения, ртуть-содержащие вещества, растворимые соли свинца, таллий, полоний, протактиний, плутоний.

Ко II классу относятся вещества с высокой степенью опасности, вызывающие сильные нарушения экосистемы с тридцатилетним периодом восстановления после уничтожения источника вредного воздействия: галогены и их производные, ДДТ и его изомеры, щелочно-земельные металлы, мышьяк, нитриты, формальдегиды, инсектициды.

К III классу относят вещества со средней степенью опасности, вызывающие сильные нарушения экосистемы с десятилетним периодом её восстановления после уничтожения источника вредного воздействия: нитраты, алюминий, железо, медь, барий, этиловый спирт.

К IV классу относят вещества с низкой опасностью для окружающей среды. При их воздействии экосистема нарушается, но период самовосстановления составляет три года: симазин, сульфаты, хлориды.

Отнесение отходов к классу опасности для ОПС, как принято на практике и закреплено в законе, осуществляется расчетным или экспериментальным методами. В случае отнесения производителями отходов расчетным методом к V классу опасности необходимо его подтверждение экспериментальным методом. При отсутствии подтверждения V класса опасности экспериментальным методом отходы могут быть отнесены к IV классу опасности.

Отнесение отходов к классу опасности для ОПС расчетным методом осуществляется на основании показателя, характеризующего степень опасности отхода при его воздействии на ОПС, рассчитанного по сумме показателей опасности веществ, составляющих отход (далее компоненты отхода). Перечень компонентов отхода и их количественное содержание устанавливаются по составу исходного сырья и технологическим процессам его переработки или по результатам количественного химического анализа.

Показатель степени опасности компонента отхода (K_i) рассчитывается как соотношение концентраций компонентов отхода (C_i) с коэффициентом его степени опасности для ОПС (W_i). Размерность коэффициента степени опасности для ОПС условно принимается как мг/кг. При этом для определения коэффициента степени опасности компонента отхода для ОПС по каждому компоненту отхода устанавливаются степени их опасности для ОПС для различных природных сред.

Это не единственные правила и критерии отнесения того или иного отхода к различным классам опасности. Такая классификация есть в других нормативных актах, например, в СП 2.1.7.1386-03 «Определение класса опасности токсичных отходов производства и потребления» и т.д.

К сожалению, объем настоящего исследования не позволяет отобразить все тонкости отнесения того или иного вида отходов к определенному классу опасности на практике. Но это в большей степени – не юридический вопрос. Это – прерогатива специалистов в соответствующей области естественно-научных знаний: химии, физики, биологии и т.д. С юридической же точки зрения вопрос об установлении принадлежности вещества к тому или иному классу опасности всегда будет решаться на основе и по результатам проведения соответствующей судебной экспертизы.

Тем не менее сама по себе классификация отходов по классу опасности имеет не только утилитарное, но и юридическое значение. В зависимости от класса опасности

законодатель устанавливает различные критерии в формировании порядка обращения с ними. Класс опасности определяет рамки допустимых действий с ними в сфере производства, хранения и утилизации отходов, лимиты на размещение отходов в окружающей среде и т.д. Без определения класса опасности отходов, сопровождающегося оформлением паспорта, невозможна легальная деятельность по их сбору, хранению, переработки, захоронению и т.д.[3].

Однако порядок обращения с отходами различается не только в зависимости от класса его опасности, но и от сферы деятельности, в которой эти отходы образуются. В каждой сфере существуют свои правила сбора, хранения, использования, обезвреживания отходов, и они урегулированы собственными нормативными правовыми актами.

В качестве примера можно привести особенности обращения с медицинскими отходами. Порядок обращения с ними регламентирован специальными правилами СанПиН 2.1.7.2790-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к обращению с медицинскими отходами», утвержденными постановлением Главного государственного санитарного врача РФ № 163 от 09.12.2010 г.[4] В данном документе не только дана своя классификация отходов, в том числе и по классу их опасности для организма человека и окружающей природной среды, но и утверждены особенности обращения с ними на разных этапах этой деятельности.

Под медицинскими отходами в правилах понимаются все виды отходов, в том числе анатомические, патолого-анатомические, биохимические, микробиологические и физиологические, образующиеся в процессе осуществления медицинской деятельности и фармацевтической деятельности, деятельности по производству лекарственных средств и медицинских изделий [5].

Они разделяются по степени их эпидемиологической, токсикологической, радиационной опасности, а также негативного воздействия на среду обитания:

1) класс А – эпидемиологически безо-

пасные отходы, приближенные по составу к твердым бытовым отходам (пищевые, инвентарь, строительный мусор и т.п.);

2) класс Б – эпидемиологически опасные отходы (отходы, материалы и инструменты, загрязненные выделениями);

3) класс В – чрезвычайно эпидемиологически опасные отходы (материалы, контактировавшие с больными инфекционными болезнями, которые могут привести к возникновению чрезвычайных ситуаций в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения и требуют проведения мероприятий по санитарной охране территории);

4) класс Г – токсикологические опасные отходы, приближенные по составу к промышленным (просроченные дезсредства и лекарственные средства, отходы от диагностических и лекарственных препаратов, ртутьсодержащие предметы и т.п.);

5) класс Д – радиоактивные отходы (все виды отходов в любом агрегатном состоянии, в которых содержание радионуклидов превышает допустимые уровни, установленные нормами радиационной безопасности).

В зависимости от класса опасности нормативный акт устанавливает различные требования к организации системы обращения медицинских отходов, которая включает: сбор отходов внутри организаций, осуществляющих медицинскую и (или) фармацевтическую деятельность; перемещение отходов из подразделений и временное хранение отходов на территории организации, образующей отходы; обеззараживание (обезвреживание); транспортирование отходов с территории организации, образующей отходы; захоронение или уничтожение медицинских отходов.

Так, например, отходы класса А, кроме пищевых, могут удаляться из структурных подразделений с помощью мусоропровода или пневмотранспорта. Отходы класса Б подлежат обязательному обеззараживанию (дезинфекции) (обезвреживанию). Отходы же класса Г подлежат немедленной дезактивации на месте образования с применением специальных средств. Работы с такими отходами должны производиться

с применением специальных средств индивидуальной защиты и осуществляться в вытяжном шкафу и т.д.

При транспортировании отходов класса А разрешается применение транспорта, используемого для перевозки твердых бытовых отходов. Для перевозки же необеззараженных отходов класса Б используются специализированные транспортные средства, применение которых для других целей не допускается. Транспортирование, обезвреживание и захоронение отходов класса Г осуществляется в соответствии с гигиеническими требованиями, предъявляемыми к порядку накопления, транспортирования, обезвреживания и захоронения токсичных промышленных отходов. Наконец, транспортирование отходов класса Д осуществляется в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации к обращению с радиоактивными веществами. Различные требования СанПиН 2.1.7.2790-10 устанавливает и к правилам организации участка по обращению с медицинскими отходами (определению минимальной площади, температурному режиму, влажности, освещению, организации воздухообмена и т.п.).

Помимо названных выше критериев (класс опасности, вид производственной или потребительской деятельности), особый порядок обращения с отходами может быть обусловлен самим видом отходов, который может иметь специфический статус. Прежде всего это касается радиоактивных отходов. Они могут образовываться в различных сферах деятельности человека, но порядок обращения с ними вне зависимости от этого во всех случаях будет одинаковым. Это наглядно видно на предыдущем примере – в особенностях обращения с медицинскими отходами, который в вопросе осуществления сбора, хранения, транспортировки и утилизации радиоактивных отходов отсылает к нормативным актам иной отрасли законодательства, к Федеральному закону от 11.07.2011 № 190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6].

Более подробно порядок обращения с ними детализирован в «Санитарных правилах обращения с радиоактивными отходами (СПОРО-2002)» и СП 2.6.6.1168-02. 2.6.6. «Радиоактивные отходы. Санитарные правила обращения с радиоактивными отходами (СПОРО-2002)», утвержденных Главным государственным санитарным врачом РФ 16.10.2002 г. [7]

Названные санитарные правила устанавливают требования по обеспечению радиационной безопасности персонала и населения при всех видах обращения с радиоактивными отходами (РАО). Они являются обязательными для исполнения на всей территории Российской Федерации всеми юридическими и физическими лицами и распространяются: на организации, в которых в результате их деятельности образуются РАО; на организации, осуществляющие сбор, хранение, транспортирование, переработку и захоронение РАО, а также на организации, осуществляющие

проектирование и строительство объектов, где будут образовываться, храниться, перерабатываться и захораниваться РАО.

Правила содержат классификацию РАО; основные принципы обращения с РАО; критерии радиационной безопасности при обращении с каждым видом РАО; основные требования, обеспечивающие безопасность персонала и населения на всех стадиях обращения с РАО: при сборе, хранении, транспортировании, переработке и захоронении РАО, как на предприятиях атомной энергетики, так и в других организациях, где образуются РАО.

Экологически опасные отходы, как и экологически опасные вещества можно дифференцировать и по другим основаниям. Однако они, как правило, не отображают существенных различий в порядке обращения с ними и потому не представляют существенного интереса с точки зрения целей настоящего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. В предыдущей редакции данного нормативного акта такое определение было и под опасными отходами понимались отходы, которые содержат вредные вещества, обладающие опасными свойствами (токсичностью, взрывоопасностью, пожароопасностью, высокой реакционной способностью) или содержащие возбудителей инфекционных болезней, либо которые могут представлять непосредственную или потенциальную опасность для окружающей природной среды и здоровья человека самостоятельно или при вступлении в контакт с другими веществами. См.: Собрание законодательства РФ. 1998. № 26. Ст.3009.
2. Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2001. № 9.
3. Например, невозможна работа по его утилизации, поскольку каждый тип отходов утилизируется по-разному, выбираются разные методы утилизации. При этом метод утилизации, который подходит для отходов IV класса опасности, невозможен для отходов I класса опасности и т.д.
4. Об утверждении СанПиН 2.1.7.2790-10 "Санитарно-эпидемиологические требования к обращению с медицинскими отходами": постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 09.12.2010 № 163 // БНА ФОИВ. 2011. № 13.
5. Там же.
6. Собрание законодательства РФ. 2011. № 29. Ст.4281.
7. Российская газета. № 237. 18 декабря 2002 г.

А.Г. Бойков,
соискатель (ГНИИ МВД Украины)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТАНДАРТЫ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА УКРАИНЫ

В статье рассмотрены проблемы развития государственных стандартов в сфере электронного документооборота и электронной цифровой подписи, вопросы практического применения и внедрения государственных стандартов.

Ключевые слова: электронный документооборот, электронный документ, электронный подпись, электронная цифровая подпись.

The article deals with the problems of development of the state standards in the sphere of electronic document circulation and digital signature, questions of practical application and implementation of the state standards.

Key words: electronic document circulation, electronic document, digital signature, electronic digital signature.

Эффективное развитие системы государственного управления и переход к информационному обществу постепенно охватывает страны с разными политико-правовыми традициями. Внедрение административной реформы в Украине требует современных подходов к организации деятельности органов государственной власти, призванных реализовывать государственную политику в различных сферах хозяйственного комплекса. Это обуславливает актуальность детального изучения проблематики развития государственных стандартов в сфере электронного документооборота. Однако, несмотря на то, что отдельные вопросы, связанные с внедрением электронного документооборота и электронной подписи, нашли свое отображение в работах А.Б. Агапова, И.Л. Бачило, А.Б. Венгерова, О.А. Гаврилова и других авторов, влияние стандартизации на сферу электронного документооборота изучено еще недостаточно. Это предопределяет новизну данной статьи, целью написания которой является анализ развития государственных стандартов в сфере электронного документооборота и электронной цифровой подписи.

Число различных систем электронного документооборота для организации дея-

тельности и управления органами государственной власти растет год от года. В развитых странах мира достаточно высокий уровень автоматизации процессов делопроизводства и документооборота, что вызвано стремлением к переходу к «безбумажным технологиям».

Применение систем электронного документооборота в государственном управлении, как правило, во всех странах мира регулируется стандартами и специальными нормативными актами, которые, как утверждает И.А. Иванников, являются «формой внедрения норм права в жизнь».

С их помощью повышают эффективность государственного управления в государственных учреждениях, на базе технологий электронного документооборота решаются задачи внутреннего управления, межведомственного взаимодействия и взаимодействия с населением.

Системы электронного документооборота применяются в аппаратах государственного управления органов власти страны более тридцати лет. Электронный документооборот формировался по правилам советского делопроизводства и имел в своей основе советские нормативные акты. В то время можно было говорить об унифициро-

ванных, жестко построенных технологических решениях, имеющих государственный стандарт качества. Развитие и внедрение новых информационных технологий принципиально изменили современное делопроизводство, появились новые требования к его качеству. Так, российский ученый М.В. Ларин настаивает на необходимости отхода «от принятого в делопроизводстве, классического деления документации «по системам» и о необходимости перехода к созданию высокоэффективных систем управления всем комплексом информационно-документационных ресурсов при достижении стратегических и оперативных целей управления в любых организациях, в особенности в государственном аппарате управления». Действительно, внедрение сегодня электронного документооборота является не только экономически целесообразным, но и, более того, необходимым шагом. Основаниями для перехода на подобные технологии являются экологические и технологические факторы. Электронный документооборот позволяет более эффективно использовать накопленные знания, увеличить управляемость, и, соответственно, качество и рентабельность происходящих в экономике процессов.

В последнее время в мире растет количество проектов, целью которых является организация обмена информацией между ведомствами и взаимодействия с населением при помощи систем электронного документооборота. Сегодня в таких странах, как США, Великобритания, Швеция, Франция, Канада, Германия, Австралия, Россия и Украина, перешли или переходят на безбумажную технологию обмена документами. Также были созданы законодательные предпосылки в разных странах для введения систем электронного документооборота приняты законы и разработаны стандарты: Закон об электронной цифровой подписи, Закон об электронном документообороте и ГОСТы (ISO).

Одним из основных факторов влияния научно-технического прогресса на все сферы деятельности человека является широкое использование информационных техно-

логий. На современном уровне их развития работа с информацией (сбор, анализ, хранение, распространение и т.д.) осуществляется быстрее, эффективнее. Под влиянием новых информационных технологий происходят коренные изменения в системе управления (автоматизируются процессы обоснования и принятия решений, организация их выполнения), повышается профессионализм специалистов, занятых в управленческой деятельности.

Поэтому в ряде развитых стран действует Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 года, гарантирующая каждому частному лицу соблюдение его права на личную жизнь. Законы о защите данных, отражающие положения Конвенции Совета Европы о защите данных (1981 год), и Директивы Евросоюза о защите данных (1995 год) сегодня приняты во всех странах-членах ЕС.

Так же в ряде стран действуют и разрабатываются государственные стандарты: США – DoD 5015.2; Евросоюз – MoReq1,2, 2010; Англия - PRO (TNA), 2002 (переходе на MoReq); Германия – DOMEA-Konzept 2.0, 2005; Швейцария – GEVER, 2004.

Постоянное развитие информационных технологий и разработка новых стандартов позволит государственным органам и представителям бизнеса гарантировать долгосрочную подлинность электронной подписи, все чаще используемой в приложениях электронной коммерции и электронного правительства, без которой немыслимо сегодня развитие системы электронного документооборота.

Соответствие требованиям ISO 14533 также позволит обеспечить совместимость электронных подписей при проверке подлинности документов, передаваемых и обрабатываемых с помощью разных информационных систем. Новый стандарт состоит из двух частей:

ISO 14533-1:2012 «Процессы, элементы данных и документы в торговле, промышленности и управлении. Долгосрочные профили подписей. Часть 1. Долгосрочные профили подписей для усовершенствован-

ных электронных подписей CMS (CAAdES)»

ISO 14533-2:2012 «Процессы, элементы данных и документы в торговле, промышленности и управлении. Долгосрочные профили подписей. Часть 2. Долгосрочные профили подписей для усовершенствованных электронных подписей XML (XAdES)»

Благодаря гарантии подлинности, электронная подпись создает условия для использования электронных договоров и документов в коммерческих и государственных организациях. До сих пор проблема заключалась в том, что законодательно закрепленный период хранения подписанного с помощью электронной подписи документа может быть дольше, чем его реальный электронный срок жизни. ISO 14533 поможет решить эту проблему, обеспечивая основу для развития систем и услуг, которые могут гарантировать подлинность электронных документов в течение более длительного периода времени, чем это обеспечивают доступные сегодня технологии.

Стандартизация в различных организациях Евросоюза их регламентов и процедур управления всеми документами обеспечивает эффективный доступ к содержащейся в документах информации и защиту документов. Разработаны и эффективно применяются технические нормативные правовые акты, международные стандарты в сфере управления документацией, в том числе электронными документами. Это стандарт ISO 15489, который был принят как ISO 15489-1:2001 «Информация и документация. Оперативный учет. Часть 1: Общие принципы» и ISO 15489-2:2001 «Информация и документация. Оперативный учет. Часть 2: Отчет». Данные акты разработаны Международной организацией по стандартизации (ISO), соответствующими структурами Евросоюза, национальными комитетами по стандартизации и сертификации, другими государственными организациями, а также объединениями специалистов в этой области. Международные и зарубежные национальные технические нормативные правовые акты по управлению документацией существенно отличаются от отечественных стандартов и инструкций по организации

дело-производства.

В Украине с 1 июля 2011 года некоторые из международных стандартов уже введены в действие. Однако работа над стандартами продолжается. При этом внедрение электронных цифровых подписей, без которых электронный документооборот Украины не может развиваться, возможно лишь при условии принятия Технического регламента в соответствии с Законом Украины от 1 декабря 2005 № 3164-IV «О стандартах, технических регламентах и процедурах оценки соответствия». Следует отметить, что многие национальные стандарты Украины носят сугубо рекомендательный характер. Поэтому инициатива по внедрению изменений в Национальную систему электронного документооборота и электронной цифровой подписи должна брать начало от центральных органов власти Украины, формирующих политику в этой сфере.

Изменение Национальной системы электронной цифровой подписи состоит во внедрении международных электронных цифровых подписей согласно адаптированным в Украине международным стандартам. В свою очередь это должно обеспечить расширение границ использования украинских электронных цифровых подписей в международном информационном пространстве.

Хочется отметить, что сейчас отечественные электронные цифровые подписи нелегитимны вне Национальной системы электронной цифровой подписи из-за того, что указанная система базируется на Национальном стандарте ГСТУ 4145-2002 «Информационные технологии. Криптографическая защита информации. Цифровая подпись, основанная на эллиптических кривых. Формирование и проверка»; межгосударственных стандартах ГОСТ 34.310-95 «Информационная технология. Процедура выработки и проверки электронной цифровой подписи на базе асимметрично криптографического алгоритма», ГОСТ 34.311-95 «Информационная технология. Криптографическая защита информации».

Также необходимо признать, что старые стандарты, которые применяются в наше время, не отвечают современным между-

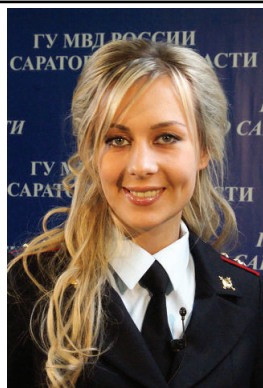
народным требованиям, предъявляемым к информационным технологиям. До сих пор в странах СНГ не существует национальных требований к системам электронного документооборота, применяемых в государственных учреждениях, отсутствуют типовые правила построения делопроизводства. Потому внедрение и развитие электронного документооборота возможно лишь при условии адаптации законодательства к требованиям современных информационных технологий.

Таким образом, полноценное функционирование органов государственной власти сегодня уже невозможно без надлежащего

информационного обеспечения, составной частью которого является стандартизация электронного документооборота. Основной задачей системы электронного документооборота является предоставление властным структурам наиболее необходимой информации для оптимизации принятия управленческих решений, облегчения диалога государственной власти с обществом, углубления демократических процессов, а также повышения эффективности деятельности структур. Последнее является одним из решающих шагов к построению демократического государства и информационного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванников И.А. Теория государства и права: учебник. М.: Юрлитинформ, 2011. С.143.
2. Ларин М.В. Управление документацией в организациях М.: Научная книга. 2002.
3. Об электронной цифровой подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 11.04.2011. № 15. Ст.2036
4. Про електронний цифровий підпис: Закон України від 22.05.2003 № 852-IV// Відомості Верховної Ради України. 2003. № 36. С.276.
5. Про електронні документи та електронний документообіг: закон України від 22.05.2003 № 851-IV // Відомості Верховної Ради України. 2003. № 36. С.275.
6. ISO STANDARDS - [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iso.org/iso/home/standards.htm>
7. Беззубенко Н.С. Информационное обеспечение управления: учебное пособие. Тула, 2008. С.2.
8. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 года// Офіційний вісник України.2011. № 1/№ 58. С.85.
9. Директива Європейський Союз, від 24.10.1995 № 95/46/ЄС "Про захист фізичних осіб при обробці персональних даних і про вільне переміщення таких даних" [Электронный ресурс]. URL: http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=994_242&c=1
10. Department of Defense (DoD) Standard 5015.2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archives.gov/records-mgmt/initiatives/dod-standard-5015-2.html>
11. Model requirements for the management of electronic records (MoReq1,2) . [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/archival-policy/moreq/doc/moreq2_spec.pdf
12. PRO(TNA) - [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk>
13. DOMEA-Konzept 2.0 - [Электронный ресурс]. URL: http://www.prodea.de/ww/de/pub/egovernment/prodea_igcm/domea_konzept.htm
14. GEVER - [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gever.com.br/>
15. Про стандарти, технічні регламенти та процедури оцінки відповідності: Закон України від 01.12.2005 № 3164-IV // Офіційний вісник України. 2006. № 52.С.23.

О.И. Ильянова,
аспирант (СГЮА)

УГРОЗА УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривая угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью с точки зрения уголовной наказуемости, автор анализирует статистические данные, представляет результаты анализа обстоятельств, способствующих высокой латентности данного вида преступлений.

Ключевые слова: угроза, преступления против жизни и здоровья, убийство, причинение тяжкого вреда здоровью.

Considering the threat of death or serious physical harm in terms of criminal liability, the author analyzes the statistics shows the results of analysis of the circumstances that contribute to the high latency of this type of crime.

Keywords: danger, crimes against life and health, murder, grievous bodily harm.

Право на жизнь и здоровье является одним из важнейших прав человека и гражданина. Ст.3 Всеобщей декларации прав человека, принятой Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, гласит, что каждый человек имеет право на жизнь [1]. Конституция РФ (ст. 20) прямо говорит об этом. Уголовный закон (УК РФ) также ориентирован в первую очередь на охрану прав и свобод человека и гражданина, прежде всего, его жизни и здоровья, а затем уже иных благ (собственности, общественного порядка и безопасности и других).

В теории уголовного права все преступления против жизни и здоровья традиционно делятся на три группы: 1) преступления против жизни; 2) преступления против здоровья; 3) преступления, ставящие в опасность жизнь или здоровье[2]. К преступлениям, ставящим в опасность жизнь или здоровье граждан, относятся такие составы преступлений, как: угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст.119 УК РФ), принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст.120 УК РФ), заражение ВИЧ-инфекцией (ст.122 УК РФ), незаконное производство аборта (ст.123 УК РФ) и оставление в опасности (ст.125 УК РФ)[3].

Из перечисленных преступлений нас, в связи с тематикой проводимого исследования, прежде всего интересует угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Уголовно наказуемой является угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Угроза – это психическое воздействие на потерпевшего в целях его запугивания или, иными словами, выражение волеизъявления лишить человека жизнь или причинить тяжкий вред его здоровью[4]. Обязательным условием угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью является ее реальность и конкретность. Как отмечает Л.В. Сердюк, признаками реальности угрозы должны служить следующие факторы: 1) серьезность причин, вызвавших угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; 2) внешняя активность проявления угрозы; 3) наличие у виновного возможности ее осуществления; 4) обстоятельства, характеризующие личность виновного; обстоятельства, характеризующие личность потерпевшего [5].

Характерно то, что угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью является достаточно распространенным престу-

плением в структуре преступлений против жизни и здоровья. Об этом, в частности,

наглядно свидетельствуют статистические данные, представленные в таблице № 1 [6].

Таблица 1.

Состав преступления	2009 год	2010 год	2011 год
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	101180 + 3,1%	84643 - 16,3%	76387 - 9,8%
Причинение тяжкого вреда здоровью	43112 - 5,1%	39745 - 7,8%	38512 - 3,1%
Убийство	17681 - 11,8%	15563 - 12,0%	14305 - 8,1%

Несмотря на сокращение количества подобных преступлений, как, впрочем, и иных преступлений против жизни и здоровья, они остаются самыми распространенными в их группе. Особенно в таких регионах, как Москва и Московская область, Пермский край, Татарстан, Кемеровская, Свердловская, Иркутская области [7].

Кроме того, такие деяния, на наш взгляд, являются высоколатентными преступлениями. Это связано с тем, что основная масса подобных преступлений совершается на семейно-бытовой почве и многие жертвы не обращаются в правоохранительные органы по фактам высказанным в их адрес реальных угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Это подтверждается и другими исследователями [8].

Еще одно немаловажное обстоятельство заключается в том, что угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью является преступлением с двойной превенцией, то есть привлечение виновных лиц за их совершение предотвращает совершение ими других, более тяжких и опасных преступлений, например, тех же убийств и причинений тяжкого вреда здоровью. При этом, как отмечается в отдельных исследованиях, правоохранительные органы весьма неактивно используют превентивный потенциал ст.119 УК РФ, привлекая виновных к ответственности по данной статье лишь по совокупности с другими совершенными ими преступлениями [9] или же привлекая их за высказанные угрозы к административной ответственности как за мелкое хулиганство [10].

В связи с этим требуются криминологи-

ческие исследования проблем угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Это связано с тем, что уголовно-правовые и, прежде всего, криминологические аспекты угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, на наш взгляд, исследованы недостаточно. Имеющиеся работы по данной тематике были посвящены уголовно-правовым аспектам угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью [11]. Кроме того, указанные и иные работы, в частности, упоминавшаяся ранее работа М.А. Овчинникова, были подготовлены до 2007 года. В связи с тем, что в последние годы в стране увеличилось количество угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, осуществляемых на почве политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, в 2007 году в УК РФ были внесены соответствующие изменения, предусматривающие ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью по вышеуказанным мотивам (ч.2 ст.119 УК РФ). Данное обстоятельство также требует научного осмысления и исследования угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью по мотивам политической, идеологической, расовой или национальной вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы в целях предупреждения подобных деяний. Все сказанное подчеркивает то обстоятельство, что такое преступление, как угроза убийством или причинением тяжко-

го вреда здоровью, должно быть объектом криминологического исследования. Такое исследование необходимо для определения криминологических особенностей данного деяния, характерных особенностей личности преступников, его совершающих, причин и условий их преступного поведения, в том числе с учетом виктимологических аспектов подобного поведения. Целью та-

кого исследования должна быть разработка эффективных мер предупреждения указанных преступлений в целях их сокращения в нашем обществе.

К сожалению, рамки данной статьи не позволяют осветить многие криминологические аспекты угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а лишь ориентируют на их дальнейшее изучение.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Права человека. Основные международные документы. М., 1990. С.6.
2. См.: Уголовное право России: учебник /под ред. В.К. Дуюнова. М., 2008. С.313.
3. Там же. С.340.
4. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1996. С.272.
5. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2002. С.202.
6. См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2009. Статистический сборник. М., 2010. С.5-7; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2010 г. Статистический сборник. М., 2011. С.5-7; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2011 г. Статистический сборник. М., 2012. С.5-7.
7. См.: Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации. Криминологический и уголовно-правовой справочник /под ред. А.Я. Сухарева С.И. Гирько. М., 2007. С.267.
8. См., например: Овчинников М.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С.10.
9. См.: Овчинников М.А. Указ. соч. С.6.
10. См., например: Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2002. С. 208.
11. См.: Мазукова С.Х. Уголовно-правовая защита личности от угрозы убийством: дис. ...канд юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1997; Левина П.И. Уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2006. Другие работы были посвящены региональным особенностям указанных преступлений: Абсатарова Х.Х. Угроза убийством и причинением тяжкого вреда здоровью как преступление против личности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ...канд. юрид. наук. Уфа, 2005; Хабарова М.В. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический анализ: по материалам судебной практики Краснодарского края: дис. ...канд юрид. наук. Краснодар, 2006.

РЕЦЕНЗИЯ

на коллективную монографию:

Кабанов П.А., Райков Г.И., Свигузова А.П., Чирков Д.К.

Электоральная преступность в условиях формирования в России

демократического правового государства (политико-криминологический анализ

явления, его причин и эффективности мер противодействия): монография / под науч.

ред. док. юрид. наук П.А. Кабанова. – М.: Издательская группа «Граница», 2012. – 92 с.

Демократические преобразования политической системы в России в конце XX века потребовали изменения избирательной системы на различных уровнях власти. Вслед за изменениями избирательной системы последовало и научное осмысление этого процесса и его результатов специалистами различных отраслей гуманитарного знания, среди них оказались и политические криминологи, изучавшие негативные процессы (издержки) её функционирования. В результате политико-криминологических исследований они пришли к выводу о том, что демократические преобразования в обществе могут сопровождаться криминализацией различных сфер жизнедеятельности, в том числе и института выборов в органы публичной власти. И как следствие этого в обиходе появился новый термин «электоральная преступность», обозначающий преступное поведение в условиях избирательного процесса, а вслед за ним и предложение по формированию частной политико-криминологической теории – электоральной криминологии. Эта частная политико-криминологическая теория стала активно формироваться лишь в начале XXI века, в основном за счет исследований группы отечественных криминологов и политологов, изучающих глубинные взаимосвязи и взаимозависимости преступности и политики, таких как: О.Ю. Антонов, Б.Л. Вишневецкий, А.И. Волков, Г.Н. Горшенков, С.А. Дулов, О.В. Зайцева, В.Б. Звоновский, И.А. Дамм, П.А. Кабанов, Е.В. Карпова, Д.А. Квон, Ю.Н. Климова, С.Д. Князев, В.А. Петченко, С.Н. Пшизова, Т.Б. Рамазанов, А.П. Свигузова (ранее – Груздева, а ныне – Дитц), Н.Ю. Турищева, Г.И. Райков, А.Е. Чуклинов, Д.А. Шестаков и другие. Однако крупных научных работ по данной проблематике оказалось не

много, но и они касались лишь отдельных аспектов противодействия электоральной преступности или отдельных её видов.

В связи с изложенным заслуживает одобрения и поддержки выход в свет в московском издательстве «Граница» монографического исследования «Электоральная преступность в условиях формирования в России демократического правового государства (политико-криминологический анализ явления, его причин и эффективности мер противодействия)» тиражом 2000 экземпляров. Работа выполнена коллективом авторов (Кабанов П.А., Райков Г.И., Свигузова А.П., Чирков Д.К.) под научным руководством инициатора и одного из основных разработчиков современной российской политической криминологии – доктора юридических наук, профессора кафедры уголовного права и процесса Института экономики, управления и права (г. Казань), профессора кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России Павла Александровича Кабанова.

Структура рецензируемой работы традиционна для политико-криминологических исследований подобного уровня. Она включает в себя введение, три главы, заключение и приложения. В качестве приложений к работе авторами представлены следующие материалы:

- три таблицы – сведения о состоянии зарегистрированной электоральной политической преступности в России (1990-2011 гг.); сведения о лицах, привлеченных к уголовной ответственности за электоральные политические преступления в России (1990-2011 гг.); сведения о раскрытых электоральных политических преступлениях в России (1997-2011 гг.);

- программа курса «Электоральная криминология»;

- библиографический список из 388 наименований литературных источников.

Анализ содержания монографического исследования свидетельствует о том, что авторы последовательно рассмотрели и предложили собственное определение электоральной преступности как политико-криминологической категории (С.12), дана криминологическая характеристика электоральной преступности за период с 1990 по 2011 гг. и сделан неутешительный прогноз о предстоящем увеличении в течение последующих 6 лет регистрации электоральных преступлений более чем в полтора раза (С.17). Особое место в работе занимает предложенная авторами криминологическая классификация видов электоральной преступности и их содержание. По мнению авторов, и с этим нельзя не согласиться, наиболее исследованным в современной России ненасильственным видом электоральной преступности является электоральная коррупция – подкуп участников избирательного процесса и электоральные злоупотребления властью – использование административного ресурса при осуществлении избирательной кампании. Менее привлекательным объектом для современных исследователей выступает массово-коммуникативная электоральная преступность – это преступная деятельность участников избирательного процесса с использованием средств массовой коммуникации (С.26). Важнейшей составляющей криминального электорального поведения, по мнению авторов, является электоральный экстремизм – насильственная деятельность в отношении участников избирательного процесса для достижения политических целей. Эта форма криминального электорального поведения авторами разделена ещё на несколько самостоятельных видов: электоральный терроризм, в том числе и электоральные убийства, а также электоральный вандализм – умышленное уничтожение и/или повреждение имущества участников избирательного процесса.

Целая глава посвящена авторами рецензируемой работы причинному объяснению существования и распространения электо-

ральной преступности в современной России. По их мнению, существуют несколько групп факторов, которые детерминируют электоральную преступность, в том числе и правовые, то есть связанные с несовершенством современного российского избирательного законодательства, социально-экономические факторы, связанные с ресурсным обеспечением участников избирательного процесса; организационно-управленческие факторы, связанные с контрольными функциями избирательных комиссий; идеологические факторы, связанные с недостаточным уровнем политико-правовой или электорально-правовой культуры у участников избирательных процессов, и другие.

Заключительная глава монографии посвящена исследованию, описанию, объяснению и оценке эффективности системы мер противодействия электоральной преступности, в которой кратко даются основные направления повышения её эффективности. Здесь, в первую очередь, авторы предлагают совершенствовать систему общесоциальных мер, направленных на повышение электорально-правовой культуры участников избирательного процесса, повышение качества правотворческой деятельности в сфере организации и проведения выборов.

В заключении сформулированы основные выводы по исследуемой проблеме и предложены новые направления исследования, направленные на развитие современной российской электоральной криминологии. В частности, авторами рекомендуется в ближайшее время разработка терминологического словаря по электоральной криминологии и исследование жертв электоральной преступности в рамках новейшего направления – электоральной виктимологии. Однако и вне рамок заключения авторами предлагались и другие перспективные исследования в области электоральной криминологии – электоральная финансовая преступность (С.19), классификация отдельных видов электоральной преступности (С.20) и другие.

Безусловно, рецензируемая работа является одной из первых крупных моно-

графических работ, посвященных исследованию электоральной преступности и направленных на формирование новейшей частной политико-криминологической теории – электоральной криминологии, но и она не свободна от некоторых недостатков. Во-первых, за рамками проведенного исследования оказался целый раздел, без которого немислимо формирование электоральной криминологии – личность электорального преступника, хотя статистические данные о них имеются в приложении. Во-вторых, название второго параграфа первой главы, указанное в тексте работы, не в полной мере соответствует её наименованию в оглавлении. Однако, невзирая на

наличие некоторых замечаний, полагаем, что рецензируемая коллективная монография является законченным научным произведением, которое существенно дополняет современную российскую политическую криминологию новым научным направлением – электоральной криминологией.

Рецензируемая книга может быть полезна не только узкому кругу специалистов в области политической криминологии, но и специалистам различных отраслей гуманитарного знания, которые исследуют электоральные процессы в современном российском обществе, а также широкому кругу читателей.

Газимзянов Р.Р., ведущий научный сотрудник ВНИИ МВД России, кандидат юридических наук, полковник полиции;

Магизов Р.Р., начальник юридической службы Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат юридических наук, доцент;

Павлов О.Ф., ведущий научный сотрудник ВНИИ МВД России, кандидат юридических наук, полковник полиции;

Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России, доктор педагогических наук, профессор, подполковник полиции

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Журнал издается раз в квартал, срок представления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).
3. К статье соискателя, адъюнкта должна быть приложена внешняя рецензия, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующего учреждения.
4. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта);
 - заглавие публикуемого материала;
 - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи;
 - примечания (сноски), оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
5. Объем статьи – 10-15 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
6. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, межстрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое -2,5см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - сноски концевые.
7. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов, аспирантов и соискателей должна стоять также подпись их научного руководителя.
8. Перед подписью автора и научного руководителя в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел. (843) 2777-800, электронный адрес vestnikkui@mail.ru).